

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
Кафедра общего и тюркского языкознания

Р.М. БОЛГАРОВА, С.С. САФОНОВА

СРАВНЕНИЯ В РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ:
СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ
АСПЕКТЫ

Учебник

Казань – 2015

УДК 811.161.1:512.145

ББК 81.2

Б79

Рецензенты:

Замалетдинов Р.Р., доктор филологических наук, профессор,
Гилязетдинова Г.Х., доктор филологических наук, профессор

Болгарова Р.М., Сафонова С.С.

Сравнения в русском и татарском языках: семантико-функциональный
и сопоставительный аспекты. – Казань: Отечество, 2015. – 136 с.

В книге рассматриваются семантика, синтаксис и функционирование сравнительных единиц в русском и татарском языках, непосредственно контактирующих на территории РТ.

Монография рассчитана на лингвистов, преподавателей-словесников, аспирантов и магистрантов филологических отделений вузов, а также тех, чьи научные интересы связаны с сопоставительным и типологическим исследованием языков.

ISBN 978-5-92221009-6

© Болгарова Р.М., Сафонова С.С., 2015

УДК 811.161.1:512.145

ББК 81.2

Б79

Рецензенты:

Замалетдинов Р.Р., доктор филологических наук, профессор,
Гилязетдинова Г.Х., доктор филологических наук, профессор

Охраняется законом РФ «Об авторском праве и смежных правах». Воспроизведение всей книги или ее части на любых видах носителей запрещается без письменного разрешения издательства.

Болгарова Р. М., Сафонова С. С.

Б79 Сравнения в русском и татарском языках: семантико-функциональный и сопоставительный аспекты. – Казань: Отечество, 2015. – 136 с.

В книге рассматриваются семантика, синтаксис и функционирование сравнительных единиц в русском и татарском языках, непосредственно контактирующих на территории РТ.

Монография рассчитана на лингвистов, преподавателей-словесников, аспирантов и магистрантов филологических отделений вузов, а также тех, чьи научные интересы связаны с сопоставительным и типологическим исследованием языков.

ISBN 978-5-92221009-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современная лингвистика, выдвинув ряд парадигм получения знания, акцентирует внимание на когнитивно-культурологической и функционально-коммуникативной. Если первая направлена на изучение интеллектуальной стороны речи, связанной с мышлением, познанием, памятью и культурой нации, то вторая нацелена на освещение проблем функционирования языковых единиц в различных стилях и сферах речи, где предполагается не только рациональное, но и эмоциональное содержание и где в наибольшей степени раскрывается языковая личность. В русле этих течений современного языкознания выполнена настоящая монография, в которой исследуется функционально-семантическое поле сравнения в русском и татарском языках на материале художественной литературы.

Категория сравнения, базируясь на глобальных отношениях сходства и различия, выдвинутых Казанской лингвистической школой и Ф. де Соссюром, отличается емкостью вкладываемого в нее содержания, разнообразной языковой представленностью и ее лингвистической интерпретацией. Обращенность авторов к анализу категории сравнения и ее репрезентации в русском и татарском языках, непосредственно контактирующих на территории РТ, которая стимулируется не только лингвистической, но и общекультурной значимостью, представляется весьма актуальной. В монографии осуществлен комплексный подход к сопоставительному исследованию категории сравнения в русском и татарском языках, который включает в себя анализ

формально-грамматических и семантических признаков, а также создание более полной картины разноуровневых средств репрезентации данной категории в изучаемых языках. Проблема сопоставительного изучения функционально-семантического поля сравнения (или компаративности) находится в русле основных тенденций современного языкознания. На сегодняшний день существуют различные подходы к исследованию понятия компаративности, однако недостаточно изучены структурно-семантические и функциональные особенности компаративных единиц в сопоставительном аспекте на материале разносистемных языков. В связи с этим объектом исследования настоящей монографии выступают компаративные единицы русского и татарского языков, а ее предметом является установление универсальных и уникальных черт в области семантики и структуры компаративных единиц сопоставляемых языков.

Концептуальные постулаты исследования находятся, с одной стороны, в рамках учений Казанской лингвистической школы В.А. Богородицкого, Н.А. Широковой, М.З. Закиева, Н.А. Андрамоновой, Л.К. Байрамовой и др., с другой – привлечены основополагающие работы в области функциональной грамматики и синтаксиса А.В. Бондарко, Н.С. Поспелова, В.А. Белошапковой, М.И Черемисиной, П.А. Леканта и др.

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике проявляется большой интерес к сопоставительному анализу категории компаративности в ее взаимосвязях с категориями качественности, количественности, эмоциональности и др. с позиции функциональной грамматики, формируется антропоцентрическая парадигма, язык рассматривается не только в рамках его коммуникативно-когнитивной функции, но и в качестве своеобразного культурного кода отдельных лингвокультурных общностей. Изучение семантики компаративности полевым методом выявляет универсальные и контрастные языковые черты, позволяет описать как лексико-грамматические разряды различных частей речи, так и целые лексико-семантические системы разноструктурных языков. Функционально-семантическое поле (ФСП – далее) – это «двустороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными, относящимися к той же семантической зоне» [Бондарко, 1983: 40]. Семантический признак, лежащий в основе ФСП, может рассматриваться как некоторая понятийная категория, так или иначе соотносящаяся с окружающей действительностью. Об отсутствии резкого противопоставления семантических и понятийных категорий говорится в работах А.В. Бондарко, И.И. Мещанинова, И.М. Кобозевой, Л.М. Васильева, Й. Трира и др. Не противоречит подобному рассмотрению интегрального семантического признака и тот

факт, что ФСП воспринимается носителями языка как некоторое самостоятельное объединение, соотносимое с той или иной областью человеческого опыта.

Всякое лингвистическое описание, сопоставительный анализ двух или более языков предполагает выявление общих черт исследуемых языков и установление различий между ними. Сопоставление языков дает возможность «изучать сходства и различия в выражении одних и тех же содержательных категорий, определять, как в разных языках удовлетворяются сходные функциональные потребности, глубже вскрыть функциональную эквивалентность языков на различных языковых уровнях при сопоставлении как системном, так и функциональном» [Широкова, 1988: 10].

Сравнение – это языковое явление, имеющее особую форму, специализированное значение и являющееся одним из древних видов интеллектуальной деятельности. Сравнения играют огромную роль в познании и восприятии действительности. Способность сравнивать органически входит в процесс человеческого сознания и находит отражение в языке. Сравнение является одним из таких широко и часто используемых приемов в художественной речи, как раскрытие и выражение образа.

По определению М. Фуко, сравнение (сходство) – это «самый универсальный, самый очевидный, но вместе с тем самый скрытый, подлежащий выявлению элемент, определяющий форму познания <...> и гарантирующий богатство его содержания» [Фуко, 1994: 66].

С психологической точки зрения сравнение – это один из способов восприятия мира в его признаках. По словам И.М. Сеченова, «все, что человек воспринимает органами чувств, и все, что является результатом мыслительной деятельности (от целостных картин мира до отдельных признаков и свойств, отвлеченных от реалий, до расчлененных конкретных впечатлений) может соединиться в нашем сознании ассоциативно» [Сеченов, 1873: 190]. Следовательно, сравнение – это способ представления эмоции и оценки как говорящего, так и воспринимающего. Сравнение, создавая образ, может передавать эмоциональное напряжение внутри текста, а также

являться средством выражения нового смысла. В то же время принадлежность сравнений к далеким сферам воспринимается реципиентом с дополнительными ассоциациями, которые экспрессивнее, ярче, глубже, шире, нагляднее выражают картину мира в самых различных интерпретациях.

Специфика сравнения наиболее адекватно реализуется в функционально-семантической категории компаративности, ее семантическом содержании, а также в образно-изобразительной функции компаративных конструкций. Языковая сравнительная конструкция эксплицирует последний этап мыслительной операции, поскольку не всегда возможно восстановить этапы сравнения, его полную логическую схему, часто для этого необходим контекст.

Языковое сравнение отличается от логического. Логическое сравнение – это процесс, движение мысли от заданных элементов к искомому. Как категория формальной логики, сравнение предполагает наличие трех компонентов: 1) понятия, требующего объяснения; 2) понятия, служащего для пояснения; 3) связывающего элемента.

В философском энциклопедическом словаре отмечается, что в результате сравнения «выявляются количественные и качественные характеристики предметов, классифицируется, упорядочивается и оценивается содержание бытия и познания. Сравнить – сопоставить одно с другим, с целью выявить их возможные отношения; посредством сравнения мир постигается как связанное разнообразие» [ФЭС, 1983: 204]. «Философский словарь» объясняет сравнение как «сопоставление объектов с целью выявления черт сходства или черт различия между ними (или то и другое вместе) является важной предпосылкой процесса познания, обобщения. Сравнение играет большую роль в умозаключениях по аналогии. Суждения, выражающие результат сравнения, служат цели раскрытия содержания понятий о сравниваемых объектах, в этом отношении сравнение используется в качестве приема, дополняющего, а иногда заменяющего определение» [Фролов, 1991: 455]. Исходя из данного определения, можно утверждать, что сравнение действительно является одной из форм познания человеком окружающего нас мира.

Как сопоставление двух явлений или предметов реальной или предполагаемой действительности категория сравнения подлежит дальнейшему расчленению. Внутри данной категории можно выделить два противоположных, но взаимосвязанных и взаимозависимых, понятия количества и качества. Говоря о взаимозависимости категорий количества и качества, нужно помнить о том, что только после качественного познания предметов возможно количественное исследование и что качество предмета всегда связано с количественной определенностью предмета. Каждый предмет – это единство качества и количества. Так, В.З. Панфилов, исследующий вопрос становления и развития категории качества и количества в языке, отмечает: «Логические категории, будучи отражением основных закономерностей объективной действительности, обнаруживают тесную взаимосвязь друг с другом... Степень взаимосвязанности этих категорий различна, в связи с чем логические категории группируются в «гнезда <...> например, качество – количество – мера» [Панфилов, 1976: 3].

В основе понимания количественных отношений вещей лежит сравнение вещей, принимаемых за относительно однородные, т.е. сравниваемые. Само возникновение и развитие в языке категории степеней сравнения произошло под воздействием познания количества и количественных отношений: «познание количества нашло свое выражение в структуре сравнения и вызвало специфические языковые формы, позволяющие различать предметы по равенству и неравенству» [Байсара, 1975: 1].

Категория качества, предшествуя категории количества по началу своего формирования в процессе исторического развития мышления человека, вместе с тем выступает и как начальный этап познавательной деятельности человека, направленной на какой-либо предмет или явление объективной действительности. С категорией качества неразрывно связаны такие понятия, как свойство, признак, оценка. Все перечисленные понятия составляют семантическую основу категории сравнения, поэтому нам представляется важным рассмотреть их соотношение друг с другом и трактовку в лингвистической литературе.

В связи с полисемией слова возникают определенные трудности, связанные с тем, что качество трактуется и как совокупность всех свойств предмета или явления, и как отдельно взятое, существенное свойство. Для определения проблемы соотношения качества и свойства в лингвистическом смысле говорят о качественной определенности предмета.

Качественную определенность характеризуют две существенные черты, которые помогают глубже проанализировать семантику категории сравнения. Во-первых, будучи качественно определенным, один предмет отличается от других предметов, благодаря чему предметы отграничиваются друг от друга, и между ними существуют отношения различия. Во-вторых, будучи качественно определенным, тот или иной предмет сохраняет тождество с самим собой и при некоторых изменениях; различие предмета на разных этапах его развития фиксируется в познании только благодаря тому, что на каждом из них он является качественно определенным. Понимаемая таким образом качественная определенность предмета составляет онтологическое основание формально-логического закона тождества.

Категория качества находит свое выражение в языке, в номинативных единицах, которые, воспроизводя идеи качества, модифицированные лексико-семантической системой, получают возможность функционировать в речи как знаки качественно определенных объектов. Многообразие идей качества, ограниченное только процессом познания, есть динамическая языковая картина мира.

Изучая природу сравнения, мы должны обратить внимание и на термин «признак». В логике понятие «признак» определяется как «все то, в чем предметы, явления сходны друг с другом или в чем они отличаются друг от друга; показатель, сторона предмета или явления, по которой можно узнать, определить или описать предмет или явление» [ЛСС, 1975: 477]. В языкознании термин «признак» выступает в функции родового имени для качеств / свойств предмета и для его черт, моментов, переходящих и не задевающих его качественной определенности. Признак в языке может быть репрезентирован по-разному: 1) как присущий объекту; 2) как отвлеченный от

объекта и 3) как выступающий объектом описания. Признак всегда воспринимается сквозь призму количественных характеристик. Отражением количественных изменений признака и является градация признака, на которой базируется сравнение.

Процесс сравнения также тесно связан с понятием «оценка». Проблема выбора, которая предполагает процесс оценки, всегда была и остается актуальной для человека. А процесс оценки невозможен вне сравнения объектов, так как всегда выбирается то, что лучше другого. При исследовании оценочной модальности выделяется два вида оценки: абсолютная и сравнительная, или относительная. Семантический анализ подтверждает, что оценка неотделима от сравнения, но если абсолютная оценка содержит имплицитное сравнение, основанное на общности социальных стереотипов, то сравнительная оценка основана на сопоставлении объектов друг с другом [Вольф, 1985: 15].

Н.Д. Арутюнова, исследуя разновидности оценок, считает, что «инструментальная оценка» более чем какая-либо компаративна, так как, если речь идет о «предназначенном» предмете, выбирается тот, который лучше всего соответствует своему предназначению. Оценка фактов и событий тоже тесно связана со сравнением: оценка базируется на сравнении альтернатив, образуемых совершенностью / несовершенностью некоторого действия или события [Арутюнова, 1988: 66; 202-203].

Сравнение как логико-философская и лингвистическая категория – это «сложное понятие, представляющее собой синтез категорий качества и количества» [Николаева, 2002: 19]. В течение многих столетий грамматика отождествлялась с логикой, считалась языковым отражением мыслительных закономерностей. Это обусловлено тем, что грамматические показатели соотносятся не с отдельными понятиями, а с целыми мыслительными категориями. Изучение сравнения в гносеологическом и логическом аспектах свидетельствует о том, что оно является одним из основных логических приемов познания внешнего мира и духовных ценностей. Компаративные единицы способствуют классификации, упорядочиванию,

оценке содержания бытия и познания. В целом данная категория рассматривается с трех сторон – гносеологической, логической и лингвистической, предусматривающей воплощение логической модели сравнения в широком спектре языковых средств.

И.И. Мещанинов назвал мыслительные категории, получающие в языке грамматическое оформление, понятийными. Он определил понятийные категории как категории языка, с одной стороны, и как категории сознания, с другой [Мещанинов, 1945: 15].

Отто Есперсен определяет понятийные категории как внеязыковые, которые принадлежат всем языкам категории. Он считает, что между понятийными и грамматическими категориями не может быть полного соответствия, что «грамматические категории представляют собой в лучшем случае симптомы, или тени, отбрасываемые понятийными категориями» [Есперсен, 1958: 60].

Проблему соотношения понятийных и языковых категорий одним из первых отечественных лингвистов наиболее полно и подробно осветил А.В. Бондарко. С одной стороны, он подчеркивает, что «в конечном счете грамматическая категориальность восходит к сложному единству мыслительной и языковой категоризации как отражению в сознании и языке структуры реального мира» [Бондарко, 1983: 22]. С другой – лингвист считает необходимым различать семантические (языковые) и понятийные категории. А.В. Бондарко пишет, что категориальные значения «заклучают в себе понятийное ядро, имеют понятийную основу, что они ни по составу, ни по внутренней структуре, ни по системным связям не совпадают с единицами и категориями мыслительного (понятийного) содержания» [Бондарко, 1983: 22]. Понятийные категории, таким образом, обладают более широкой базой, имеют разноуровневые средства языковой репрезентации и опираются на контекст и речевую ситуацию. Отбор содержания, закрепленных за грамматическими категориями, их языковая интерпретация и структурная организация являются собственно языковыми закономерностями. Следовательно, специфика языкового содержания заключается в том, что одной

мыслительной основе могут соответствовать разные языковые содержательные интерпретации.

А.В. Бондарко таким образом выделяет в семантике два аспекта: языковое содержание, представляющее собой грамматические, лексико-грамматические и синтаксические значения единиц данного языка, и их языковую реализацию; и мыслительное содержание, выступающее в виде понятийных категорий и конкретных смыслов высказывания. Семантическое содержание рассматривается исследователем как своеобразный синтез этих двух аспектов [Бондарко, 1978: 14-17].

Если категорию компаративности рассматривать под углом зрения классического языкознания, то она предстает как множество языковых единиц, объединенных функциональной общностью и выражающих некий общий смысл, который интуитивно улавливается и оценивается как «сравнение». Именно к таким категориям приложимы теоретические концепции функциональных полей. Если исследовать язык с позиций говорящего, которому предлагается на выбор множество параллельных, но не тождественных способов для выражения того, что он хочет сказать, то задачей лингвистики становится собирание, объединение этих средств в функциональные классы, описание получающейся картины и выяснение функциональных отношений между объединенными элементами, т.е. исследование функциональных полей.

Функциональный подход представляется нам плодотворным, если он базируется на предварительной данности формальных обобщений, а не прилагается к первичным объектам. С одной стороны, функциональные тождества и различия имеют смысл в системе научного знания, если они фиксируются между заранее выделенными и поименованными классами явлений, т.е. если структурно-семантический подход предшествует функциональному.

С другой стороны, сопоставление синтаксических смыслов предполагает принципиальную сопоставимость структурных схем, наличие между ними какого-то общего, инвариантного сходства. При этом, однако, сходство может оказаться иной природы по сравнению с теми свойствами, которые улавливаются первичными формально-синтаксическими

понятиями, и поэтому сопоставление этих конструкций требует функционального опосредования.

Понятие функционального поля базируется на объединении структурно разных конструкций, имеющих единое назначение. В понимании природы этого назначения мы опираемся на интуицию. Говоря «поле аспектуальности», «поле компаративности» и т.д., мы заранее не задаем четких границ. Применительно к сравнительным единицам мы будем исходить из того, что если две конструкции ощущаются нами как сходные, то между ними должна существовать глубинная структурная параллель, они должны быть сходными в своей внутренней организации.

Оперируя понятием ФСП, мы должны уточнить, относится ли данное представление системы ФСП только к одному определенному языку или же отражает некоторые существенные свойства системно-структурной организации полей в грамматике, выявляющиеся и в других языках. А.В. Бондарко считает, что «наиболее существенные признаки системы ФСП – их группировки, основной состав полей и основные линии связи между ними, – по-видимому, являются в разных языках едиными» [Бондарко, 1983: 47].

Проявление общности, единства основных признаков системы ФСП в разных языках отражает общность мыслительных категорий, лежащих в основе рассматриваемых единств, к единству отражения субстанций, свойств и отношений объективной действительности. Проявление расхождений, своеобразия ФСП в разноструктурных языках, отражает особенности строя этих языков, их категориальной системы.

Подход к проблеме общности и своеобразия в системах ФСП в разноструктурных языках связан с вопросом о соотношении конкретно-языкового и универсально-понятийного аспекта. Конкретно-языковой аспект предполагает, что ФСП рассматривается как группировка средств данного языка, взаимодействующих на семантической основе. Универсально-понятийный аспект предполагает изучение ФСП со стороны содержания, т.е. как ту семантическую зону, к которой относятся охватываемые ею средства разных языков. В связи с

этим термин ФСП используется в конкретно-языковом аспекте, а в универсально-понятийном – термин ‘понятийное поле’.

Вслед за А.В. Бондарко, говоря о конкретно-языковом аспекте ФСП, мы имеем в виду функционально-семантическое единство, группировку средств данного языка с их формальным выражением и языковым содержанием. План содержания ФСП представлен языковыми значениями. В каждом из значений, включенных в план содержания ФСП, находят отражение не только универсальные, но и уникальные содержательные элементы, обусловленные спецификой языковой системы.

К специфическим признакам конкретного языка относятся структура ФСП сравнения, особенности взаимодействия его морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических компонентов, языковые значения в центре поля и на его периферии. В структуре поля могут проявляться некоторые общие закономерности и принципы, относящиеся ко многим языкам, но способы реализации и их варианты многообразны. Структура понятийного поля – это его содержательные компоненты и связи между ними, рассматриваемые исключительно в плане содержания, а элементы данной структуры – это семантические признаки. Разграничение рассматриваемых аспектов содержания ФСП связано с выражением двух уровней содержания: уровня языкового содержания и уровня мыслительного содержания.

Понятия функционально-семантического и понятийного полей отличаются друг от друга по уровню их онтологического статуса. «ФСП представляет собой единство, характеризующееся более непосредственной данностью, – хотя и относительной, не лежащей на поверхности, на уровне непосредственного наблюдения с точки зрения языковой онтологии, – чем понятийное поле. При анализе ФСП мы имеем дело с конкретными средствами данного языка или нескольких сопоставляемых языков. <...> Базой для выделения определенного ФСП в данном языке является грамматическая категория, синтаксическая конструкция или комплекс таких конструкций и другие грамматические средства вместе с взаимодействующими с ними на семантической основе элементами разных уровней системы языка. Указанные средства

рассматриваются как в системно-парадигматическом аспекте, так и в функционировании, в их реализации в высказывании» [Бондарко, 1983: 50-53].

Следовательно, для изучения ФСП сравнения необходимо понятие, которое было бы связано с репрезентациями данного ФСП в речи, в высказывании. «Категориальная ситуация (КС) – это выражаемая различными средствами высказывания типовая (выступающая в том или ином варианте) содержательная структура: а) базирующаяся на определенной семантической категории и образуемом ею в данном языке ФСП; б) представляющая собой один из аспектов общей ситуации, передаваемой высказыванием, одну из его категориальных характеристик (аспектуальную, темпоральную, модальную, локативную и т.п.)» [Бондарко, 1987: 12]. Так как функциональная грамматика базируется на единой функциональной основе, рассматриваемой как парадигматическая система (в нашем случае – ФСП сравнения) и в проекции на высказывание (анализ КС), нужно рассмотреть соотношение понятий КС и ФСП. КС репрезентируется фактами отдельных высказываний и является более конкретным явлением, чем ФСП, а именно «конкретной, наличной формой своего существования единичная вещь обязана той системе закономерно сложившихся связей, внутри которой она возникает» [ФЭС, 2003: 183].

Следовательно, исследование ФСП сравнения на материале, извлеченном из текстов классической русской и татарской художественной литературы, – «это прежде всего исследования типовых КС в их многоступенчатой содержательной вариативности, сопряженной с вариативностью средств формального выражения. Лишь на этой основе возможны выводы о семантике и структуре изучаемого ФСП как парадигматического единства» [Бондарко, 1987: 13].

ГЛАВА 1. КАТЕГОРИЯ СРАВНЕНИЯ И СПОСОБЫ ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ В РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

1.1. Теоретико-методологические основы изучения категории сравнения в русском и татарском языках

В последнее время в лингвистике наметился переход к новой парадигме изучения языка – антропоцентрической, в которой язык рассматривается не как статичная языковая система, а как средство общения, отражения мира, неотъемлемый компонент и носитель культуры этноса. Язык и культура находятся в тесной взаимосвязи и взаимообуславливают друг друга, отображают мировоззрение человека. Образ жизни, культура, особенности познания мира влияют на формирование этноязыковой картины мира, придающей специфическую окраску предметам и явлениям окружающей действительности. Этноязыковые картины мира отличаются своеобразием, их составляют как универсальные, так и уникальные национальные понятия. Компаративные конструкции являются ценным материалом для выявления некоторых особенностей языковых картин мира разных этносов, поскольку они имеют семантический и грамматический планы выражения, являясь не только лингвистической категорией, но и познавательной категорией, отражают особенности мышления представителей различных этносов.

Языковое выражение ценностных предпочтений, которое реализуется в семантике компаративных конструкций русского и татарского языков, имеет образный характер: мышление человека ассоциативно, что проявляется в образных номинациях объектов, которые сравниваются с хорошо известными, аксиологически значимыми предметами и явлениями. Образность – это компонент коннотации, выражающий при помощи внутренней формы целостное, наглядное представление носителей языка о некотором реальном явлении, предмете или свойстве, закрепленное за единицами языка.

Образность компаративных конструкций основана на их внутренней форме, которой мотивируется общая целостность их семантики. При этом мотивация содержит в себе сравнение как отправную точку когнитивного процесса, поэтому основой образности является сравнение реалий внеязыковой действительности, которые становятся эталоном идеального качества или состояния и т. д. Следовательно, основу образности сравнительных конструкций почти всегда составляет сравнение явлений окружающей действительности, которые становятся эталоном или антиэталом. Мотивация образной основы сравнительных конструкций происходит благодаря выявлению их внутренней формы.

Образная основа компаративных конструкций опирается на различные культурные коды, которые отражают способ мышления людей и определяют содержание и формы языковых репрезентаций: биоморфный, анимический, антропоморфный, объектный, мифологический, пространственный и др. [Токарев, 2003; Багаутдинова, 2007].

Наиболее продуктивным является биоморфный код, который репрезентирует образы животных, насекомых и растений. Например: *Он уже не ныл у ворот и не кланялся, а робко позвякивал щеколодой и царапался в доски, как прибудный пес* (В.Астафьев); *Жидкие беловатые волосы повисли на его голове прямыми прядями, как ветви на плакучей иве* (М.Салтыков-Щедрин); *Самолет доведет себя до ярости, взрвет диким жеребцом и рванется с Покровской горы* (В.Астафьев) // *Көндөз аның янына пешкән алма кебек куырылган битле бер карчык килде* (Г.Эпсәләмов) / *Днём её*

навестила какая-то старуха со сморщенным, словно печеное яблоко, лицом; Бервакыт аяк тавышына борылып караса, физиотерапевт Клавдия Сергеевна узып бара. Башы **казныкы кебек** кечкенә, гәүдәсе юан, карлыга төшкән калын тавыш (Г.Эпсәләмов) / Навстречу шла физиотерапевт Клавдия Сергеевна. Она очень походила на гусыню; маленькая стриженная голова довязана белой косынкой, голос низкий, хрипловатый; Ут иде бит аның күзләре, ә жаны, **аучы мылтыгы алдындагы болан йөрәге кебек**, тетрәп тора иде (Г.Эпсәләмов) / Ведь в глазах её был огонь, а душа трепетала, как лань перед ружьём охотника.

Объектный, или фетишный, способ мировосприятия культивирует базовые образы натурфактов или артефактов. Например: *Маленький, раскосый, с блестящими, как вакса, волосами, он играл с Марусей* (К.Паустовский); *Олег Дмитриевич полюбовался кораблем и обнаружил, что формой своей он напоминает тульский самовар с узкой покатиистой талией* (В.Астафьев); *Хаджи-Мурат достал ... острый, как бритва, булатный ножик и начал им резать палочку* (Л.Толстой) // *Аңын югалткан, битләре, иреннәре мәрмәр кебек ак, маңгаенда салкын тир бөртекләре, сулышы беленер беленмәс кенә* (Г.Эпсәләмов) / Он был без сознания, лицо и губы словно мрамор, на лбу – холодные капли пота, дыхание еле ощущимо; *Былырлары бик сырхаулап, көянтә кебек урталай бөгелеп йөри торган иде* (Г.Эпсәләмов) / В прошлом году она была такой хворой, ходила согнувшись, как коромысло; *Ул мебельләре! Безнең шикелле сырлы-мырлы тузан оясы түгел, бар да бер очтан, бар да импорт, палированный, көзге кебек ялт-йолт итеп кенә тора* (Г.Эпсәләмов) / Какая мебель! Не то что у нас – развалина на развалине; у него всё новенькое, полированное, всё сверкает, как зеркало.

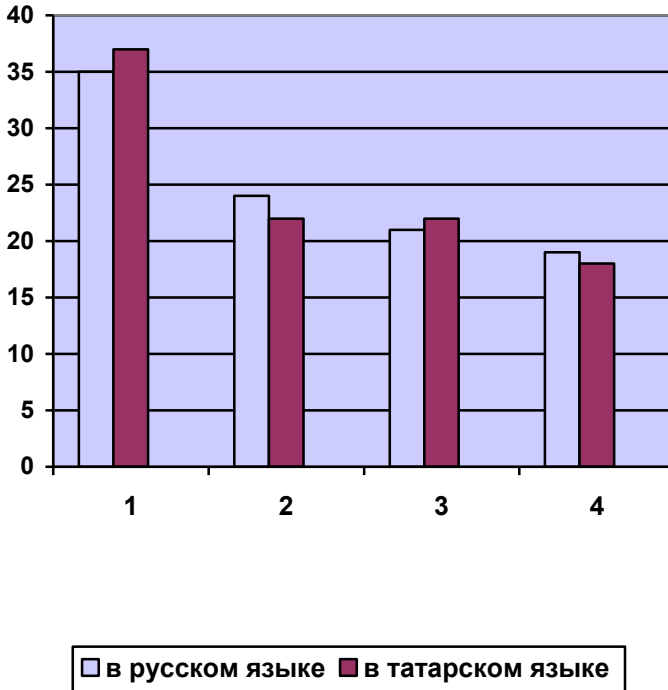
Анимический код репрезентирует явления природы, выступающие в качестве эталонов. Например: *Были какие-то мысли или обрывки мыслей... Предметы сменялись и крутились, как вихрь* (Ф.Достоевский); *Предсавьте острог, кандалы, неволю, долгие грустные годы впереди, жизнь однообразную, как капель в хмурый осенний день* (Ф.Достоевский); *Стоит объявить священную войну, чтобы ислам обрушился на мир, как*

черный стремительный самум (К.Паустовский) // *Маһирә ханымның кара болыт кебек чәчләре вакыт-вакыт аны акылдан шаштырыр хәлгә җиткәрә иде* (Г.Әпсәләмов) / *Черные и густые, как грозовая туча, волосы Магиры не давали ему покоя; Үткән гомер төнге караңгы күккә охшыый. Анда исәпсез-хисапсыз булып, нәкъ йолдызлар төсле, истәлекләр тулган* (Г.Әпсәләмов) / *Прошлое похоже на ночное небо. Оно, как звездами, заполнено бесчисленными воспоминаниями – одни ярче, другие бледнее; Анда кайткач, аның тормышы яңадан, Акъяр инеше кебек, кышларын калын боз астында калып, язларын аз-маз ташыштыргалап, җәйге челләләрдә саега-саега тын гына агар да агар* (Г.Әпсәләмов) / *А там жизнь опять потечет размеренно и привычно, как речка Акъярка: зимой – под толстым льдом, весенней порой – неширокий разлив, а в летнюю жару – мелководье.*

Антропоморфный код олицетворяет, очеловечивает предметы окружающего мира, явления природы и т.д., репрезентирует человека и части его тела. Например: *Толкнувшись в ее большой и мягкий бок, засыпает река, как дитя подле матери* (В.Астафьев); *Оглядишь спокойным взором, Посмотри: во мгле сырой Месяц, словно желтый ворон, Кружит, вьется над землей* (С.Есенин); *Ветер, как сумасшедший мельник, Крутит жерновами облаков* (С.Есенин) // *Кинәт Стариков нәрсә булганын төшенде, бер генә секундка аның бармакларының ныклыгы югалды, пулемет, тезгене йомшарган чаптар ат шикелле, кинәт кенә тотлыга башлады* (Г.Әпсәләмов) / *Когда Стариков, наконец, осознал, что случилось, у него ослабели пальцы, пулемет, словно скакун, почувствовавший ослабленные поводья, притормозил, стал захлебываться.*

В семантике каждого национального языка складывается система образов, в которых аккумулируется культурная информация. Соотнесение с одним из культурных кодов и составляет содержание культурной коннотации.

Культурно-образная коннотация сравнений в русском и татарском языках

- 1 – биоморфный код;
- 2 – анимический код;
- 3 – фетишный код;
- 4 – антропоморфный код.

Исследование семантики компаративных конструкций русского и татарского языков в сопоставительном аспекте помогает выявить все различия, национальную специфику в семантической структуре данных языковых единиц.

В связи с этим в современном языкознании ФСП компаративности рассматривается также и с точки зрения учения о семантических формах мышления. «Семантические

формы мышления свидетельствуют о различном отражении действительности, в частности членения действительности представителями различных национальностей и характеризуют национальную систему грамматического строя языка. Особенности грамматического строя национальных языков проявляются в различном грамматическом оформлении одного и того же понятийного содержания» [Чесноков, 1992: 50-53].

Во многих случаях языки располагают несколькими синонимичными структурно-грамматическими средствами для выражения результатов сравнения и более частый выбор носителями определенного национального языка одного из ряда семантико-синтаксических синонимов характеризует национально-культурную специфику речевого поведения представителей данной нации.

Своеобразие грамматического строя отдельного языка обусловлено тем, что наряду с универсальными логическими формами мышления существуют и национальные семантические формы. Следовательно, «особенности грамматики конкретного национального языка могут быть описаны в рамках десяти параметров семантических форм мышления, единых для всех языков:

- 1) степень расчлененности содержания при отражении действительности;
- 2) степень самостоятельности отражаемого содержания;
- 3) распределение совокупного содержания мысли между её компонентами (расположение структурной границы между содержаниями соотнесённых между собой компонентов);
- 4) характер охвата отражаемого содержания;
- 5) порядок следования компонентов мысли;
- 6) система отношений между компонентами мысли;
- 7) направленность отношений между компонентами мысли;
- 8) собственно отношение между компонентами мысли;
- 9) степень структурной полноты мысли;
- 10) степень повторяемости содержания» [Чесноков, 1992: 100].

Операция сравнения может иметь два принципиально разных результата: установление равенства и установление

неравенства. При установлении равенства признак у сравниваемых объектов представлен в равной, одинаковой степени. При установлении неравенства возможны два случая: констатация превосходства и констатация более низкой степени.

Таким образом, поле обладает следующими признаками:

- 1) наличие средств разных уровней, которые, входя в состав поля, становятся конституентами поля;
- 2) наличие общего значения, которое присуще конституентам;
- 3) общее значение поля может распадаться минимум на два значения, которые образуют микрополя;
- 4) поле обладает сложной структурой, которую можно представить в виде горизонтального и вертикального сечений [Кравец, 2007: 77].

Общую структуру ФСП компаративности в русском и татарском языках можно представить следующим образом.

По горизонтали поле разделяется на два микрополя на основе различия конституентов по их объективному содержанию:

- 1) микрополе уподобления;
- 2) микрополе различия [Байрамова, 1994: 66-74].

По вертикали располагаются конституенты поля:

- морфологические средства репрезентации компаративности: сравнительная степень прилагательных при существительных в сопоставляемых языках;
- словообразовательные средства репрезентации компаративности, которые представлены в русском языке префиксальными, суффиксальными дериватами и сложными прилагательными; в татарском языке – суффиксальными дериватами и сложными прилагательными;
- лексические средства выражения компаративности в обоих языках, которые представлены различными частями речи;
- синтаксические средства репрезентации компаративности в русском и татарском языках.

Итак, ФСП компаративности по горизонтали разделяется на два микрополя: сходства и различия, что происходит на основе различия конституентов по их объективному содержанию. Однако в современной грамматике существует и

другой тип ФСП, где различие конститuentов наблюдается на уровне форм мышления, которые принято называть семантическими формами мышления, а сам этот тип ФСП – ФСП с гносеологическим расслоением [Чесноков, 1992: 52].

В соответствии с учением о семантических формах мышления П.В. Чеснокова, нам представляется возможным выделить в ФСП компаративности микрополя различных ступеней: микрополе уподобления и микрополе различия, которые далее распадаются на микрополя второй, третьей и четвертой ступеней.

Рассмотрим подробнее микрополе уподобления и его разделение в русском и татарском языках. На основе различия конститuentов по объективному содержанию микрополе уподобления распадается на два микрополя второй ступени:

1) микрополе реального сравнения с целью выражения сходства;

2) микрополе ирреального сравнения с целью выражения мнимого сходства.

Приведем примеры компаративных конструкций, иллюстрирующих микрополе реального сравнения для выражения сходства: *Вдалеке справа виднеется высокая решетчатая башня, а на ней маленькая, как скворечница, будочка* (Ю.Кузнецов); *Лицо его стало бледным, как сметана* (И.Ильф и Е.Петров) // *Күз төпләре күм-күк, бер кулы сынган канат кебек асылынып тора* (Г.Әпсәләмов) / *Под глазами синяки, левая рука как-то странно висит, как подбитое крыло; Гәлишәһидә үзенең иң яраткан эре бизәкле, киң итәкле юбкасын һәм кар кебек ак кофтасын кигән, нечкә биленә нәфис пластмасса билбау салган, аякларында ак босоножкилар* (Г.Әпсәләмов) / *На Гульшагиде её любимая широкая юбка с крупным цветастым узором и кофточка, белая, как снег; тонкая талия стянута ремешком, на ногах легкие белые босоножки.*

В данных предложениях сравниваются два явления, предмета или лица, реально существующие в объективной действительности и обладающие реальным сходством. Микрополе реального сравнения для выражения сходства представляют компаративные конструкции с союзами *как, так*

же...как, подобно тому как, прямо как, как и, как...так, чем, нежели, и др. в русском языке и послелогоми кебек, сыман, шикелле, төсле, гүя, гүя ки в татарском языке. В частности, именные конструкции в русском и татарском языках, например: **Глаза, как небо голубые, Улыбка, локоны льняные** (А.Пушкин); **Губки красные – что розы: Нынче пышут, завтра вянут** (М.Цветаева) // – **Ә бер сүз белән әйткәндә, иптәш өлкән сержант, фрицның җаны өтек, ә Матросовның җаны кояш кебек** (Г.Әпсәләмов) / – **Говоря одним словом, товарищ старший сержант, у фрицев душа мелкая, а у Матросова душа, как солнце;** и инфинитивные конструкции в русском языке и имя действия (соответствующее инфинитиву в русском) в татарском языке, например: **Без денег торговать, как без соли хлебать** (Пословица) // **Ахмак белән сөйләшү – җилгә кибәк очыру кебек** (Пословица) / **Разговаривать с глупцом, как пускать по ветру мякину.**

Реальные ситуации, в свою очередь, подразделяются на две разновидности на основании субъективной модальности компаративной части, передаваемой союзными средствами связи частей:

– достоверные ситуации, вводимые союзами и союзными словами *как, так же...как, подобно тому как, как и* в русском языке и послелогоми *кебек, шикелле, төсле* в татарском языке, например: **Эта мысль появилась. Она вонзилась в мозги, как упавшие ножницы в деревянный пол** (К.Паустовский); **Собралась огромная толпа ... и гудела, как потревоженный улей** (А.Толстой) // **Урман хәлдән тайган аю кебек тынды** (Г.Әпсәләмов) / **Лес затих, как затихает уставший медведь; Әле генә үзен тәкәбберләргә тоткан, салкын, әрсез Сәлах кинәт шүрләгән көчек шикелле шыңшырга кереште. – Мин генә гаеплемени монда? (Г.Әпсәләмов) / Заносчивый, спесивый Сәлах вдруг заскулил, как испуганный пес: – Разве я один виновен?**

– недостоверные ситуации, в реализации которых используются союзы *будто, словно, точно, как будто, ровно* в русском языке и послелогои *сыман, гүя, гүя ки* в татарском языке, например: **Рубин заговорил с такой легкостью и складом, будто глаза его действительно скользили по бумаге** (А.Солженицын) // **Әмма бер мәлне тәнәндәге җиңеллек кимегән кебек була**

башлады, **гүяки** аны кемдер аска сөйри, жирдәге мәшәкәтләренә кире кайтырга чакыра иде (Ф.Латыйфи) / Только вдруг почувствовал, что тело, доселе невесомое, как будто тяжелело, и различил едва слышный зов, доносящийся снизу, с земли.

Ирреальные ситуации указывают на факты, которых нет в действительности, но которые могут стать реальностью в каких-то иных условиях. Такие ситуации вводятся в сравнительные конструкции посредством сочетания союзов ирреального сравнения *как если бы, как бы, словно бы, как будто бы, ровно бы* в русском языке, союза *гүя* и союзных слов *эйтерсең, диярсең* в татарском языке. Например: *Князь вскочил и в испуге смотрел на внезапную ярость Аглаи; и вдруг как бы туман упал пред ним...* (Ф.Достоевский); *На кухне стряпали в трое рук, как будто на десятиях, хотя все господское семейство только и состояло что из Анны Павловны да Александра Федорыча* (И.Гончаров) // *Газинур яткан жиреннән сикереп торды. Моңарчы кара кургашың тутыргансыман авыр тоелган гәүдәсе кинәт әңсәләп киткәндәй булды, эйтерсең, аңа канатлар чыкты* (Г.Әпсәләмов) / *И, вскочив на ноги, он перестал ощущать тяжесть собственного тела, движения стали свободными, будто у него выросли крылья; Эйтерсең лә аның дерелдәвеннән бөтен өй селкенә, төнгә давыл белән коймакапкалар шыгырдап куя, гүя алар да картны кызгыналар* (М.Мәһдиев) / *Как будто от его дрожи трясется весь дом, скрипят ворота, словно и они жалеют старика.*

Разделение функционально-семантического поля компаративности на микрополя первой ступени (уподобления и различия) и далее разделение микрополя уподобления на два микрополя второй ступени (реального и ирреального сходства) происходит по принципу поля с онтологическим расслоением, то есть на основе различий, существующих в объективной действительности.

В основе выделения микрополей лежит такой параметр семантических форм мышления, как степень структурной полноты мысли. Поскольку сравнение предметов, явлений, действий, ситуаций в принципе невозможно без выделения четырех компонентов сравнения, проследим, как отражаются

компоненты сравнения в языке, каким образом восстанавливается компонент сравнения при отсутствии его эксплицитного отражения в предложении.

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие микрополе полноты реального сходства в русском языке: 1) *Накрашенная девушка, рыжая, как лиса, обняла меня сзади* (К.Паустовский). Объектом сравнения является подлежащее *девушка*, эталоном сравнения – *лиса*, основанием сравнения – *рыжая*, собственно сравнение – союз *как*; 2) *Судьба с колыбели окружила тебя своими дарами, а ты смотришь так же уныло, как последний из рабов твоего отца, бедный Джевака, который еще вчера испытал на себе тяжесть руки вашего домоправителя...* (В.Короленко). Объект сравнения – *ты смотришь*, эталон сравнения – *последний из рабов твоего отца, бедный Джевака*, основание сравнения – *уныло*, собственно сравнение – коррелят *так же...как*; 3) *Когда этот разговор кончился, я, в странной толчее чувств, стеснительной, как сдержанное дыхание, позвонил в отель «Дувр»* (А.Грин). Объект сравнения – *в странной толчее чувств*, эталон сравнения – *сдержанное дыхание*, основание сравнения – *стеснительной*, собственно сравнение выражено союзом *как*.

Рассмотрим аналогичные примеры в татарском языке: 1) *Аның йөзе ут кебек яна, күзләре әрнү һәм ачу белән тулы иде* (Г.Әпсәләмов) / *Лицо её горело как огонь, глаза были полны горя и ненависти*. В данном предложении объект сравнения – *йөзе*, эталон сравнения – *ут*, основание сравнения – *яна*, собственно сравнение выражено послелогом *кебек*; 2) *«Менә йөриләр, ичмасам», – дип уйлады Газинур, үзенең дә шундый җил кебек оча торган атка утырып йөрисе килде* (Г.Әпсәләмов) / *«Вот это езда, я понимаю», – подумал Газинур. Он и сам был непрочь прокатиться на таком, летающим как ветер коне*. В этом предложении объект сравнения – *ат*, эталон сравнения – *җил*, основание сравнения – *оча торган*, собственно сравнение выражено послелогом *кебек*; 3) *Сафринә миннән чибәррәк, ул тутырган тавык төсле тулы гәүдәле, ә мин – ябык чебеш идем* (Н.Гыйматдинова) / *Сафрина красивее меня, она полная, как фаршированная курица, а я – худой цыпленок*. Объект сравнения – *Сафринә*, эталон сравнения *тутырган тавык*,

основание сравнения – *тулы гәүдәле*, собственно сравнение выражено послелогом *тәсле*.

При наличии всех четырех эксплицитно выраженных компонентов компаративная конструкция относится к микрополю полноты реального сходства; а в случае имплицитно выраженных компонентов компаративная конструкция относится к микрополю неполноты компаративной конструкции. Если компонент компаративной конструкции представлен частично и нуждается в семантическом восполнении за счет контекста или ситуации, то мы считаем его занимающим структурную позицию в этой конструкции и рассматриваем как позиционно полный. Следовательно, данные компаративные конструкции являются полными, если даже некоторые компоненты в них представлены частично, поскольку все позиции в этих синтаксических структурах заполнены.

Если микрополе дискретного отражения возникает в случае отдельного выражения каждого компонента сравнения, то микрополе недискретно-дискретного отражения – когда два компонента сравнения представлены слитно в одной словоформе. Таким образом, микрополя дискретного отражения и недискретно-дискретного отражения выделяются также по принципу поля с гносеологическим расслоением.

В сопоставляемых разносистемных языках есть конструкции, где совмещены два компаративных члена в одной словоформе: *Голубой нарядной бабочкой трепещет в недвижимом полете полярная звезда* (М.Шолохов); *Или отвратительная серия <комиксов> с гориллообразным верзилкой и его женой, гномообразной гнидой* (В.Набоков); *Шел, по-бычьи угнув голову, сжимая связку жилистых пальцев, заметней припадал на правую ногу* (М.Шолохов). В данных предложениях эталон сравнения и собственно сравнение представлены слитно в одной словоформе *бабочкой, гориллообразным, гномообразной, по-бычьи*.

В предложениях *Мин менә ун ел буе байда ат карадым, бай атларына гәрәбәдәй солы бирә торган идем* (А.Гыйләжев) / *Вот я десять лет смотрел хозяйских лошадей, кормил их янтарным овсом; Чәчен ирләрчә кыска итеп кистергән, өстенә бик тар күлмәк кигән, муенына нечкә алтын чылбыр белән*

түгәрәк кулон таккан, ялангач беләгенә төймә хәтле генә алтын сәгать бәйләгән җәте кызыл иренле бер кыз белән Мансур баскычтан менеп килә иде (Г.Әпсәләмов) / По лестнице поднимался Мансур с какой-то коротко, по-мужски остриженной девушкой с ярко накрашенными губами; у неё открытая шея, к тонкой золотой цепочке подвешен крупный кулон; на запястье левой руки – крохотные золотые часики; Яңгырдан соң аз гына дымсу һава, салкынча **ефәксыман**, йөзәнә, муенына сарылды (Г.Әпсәләмов) / Лицо, шею овеяло свежим, слегка влажным, как шелк, воздухом; Гөлиһидә ике кулы белән йөзән каплады, һәм шул күз йомып ачкан бер мизгел вакыт эчендә моннан дүрт ел элек булган бөтен хәлләр аның күз алдынан **яшендәй** ялтырап үтәп киттеләр (Г.Әпсәләмов) / Гульшагида закрыла лицо руками, и за эти короткие минуты перед её взором, словно озаренные молнией, промелькнули события, пережитые четыре года тому назад – эталон сравнения и собственно сравнение представлены слитно в одной словоформе **гәрәбәдәй**, **ирләрчә**, **ефәксыман**, **яшендәй**.

Неполнота компаративной конструкции может быть выражена и другими способами. В частности, при имплицитно выраженном основании, эталоне или объекте сравнения или при отсутствии эксплицитно выраженного компонента, указывающего на собственно сравнение. Например: *Молодой скакун... И грива, как буря, и копыта, как свинец* (Ч.Айтматов) // *Болай да синең күзләрең тарантас тәгәрмәче хәтле, - дип көлдем* (М.Әмир) / *Итак твои глаза как колеса, - рассмеялся я.*

В сопоставляемых неродственных языках возможны следующие способы выражения сходства. В простых предложениях, выражающих сравнение, эталон может быть представлен существительным в именительном или косвенном падеже (с зависимыми словами или без них).

В предложениях *Вода, как липкое тесто, вяжет каждое движение* (М.Шолохов) // *Ләкин шул ук вакытта аның бөтен тәне боргычлап куелган каты резинка шикелле иде* (Г.Әпсәләмов) / *И всё же нервы её были напряжены, как тугая пружина* эталон выражен существительным в именительном падеже и в русском, и в татарском языках.

В предложении *Над Доном на дыбах ходил туман и пластая по откосу меловой горы, сползал в яры серой безголовой **гадюкой*** (М.Шолохов) эталон выражен существительным в творительном падеже *гадюкой* с зависимыми словами, а в татарском языке в предложении *Үткән гомер төнге караңгы **күккә** охиый* (Г.Әпсәләмов) / *Прошлое похоже на ночное небо* эталон выражен существительным в направительном падеже *күккә* с зависимыми словами.

Объект сравнения часто выражается при помощи существительного или местоимения в именительном падеже либо при помощи глаголов. Например: *Внешне добродушный и ласковый, как молочный теленок, он повадки имел волчи* (В.Пикуль); *Есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она, как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца...* (М.Лермонтов) // *Баш әйләнә, бәйгедән кайткан атныкы шикелле **аякларым** тик тормый, һаман йөгәрә...*(Ф.Латыйфи) / *Голова моя шла кругом, ноги, как у запаренного жеребенка, уже не могли стоять на месте без движения.*

Основание сравнения выражается также различными способами. Например, при помощи глаголов: *Они **улепетывали**, как куропатки* (В.Вересаев) // *Ул шундый кызу йөри, аның ак калфагы. әйтерсең, ак яшен кебек безнең ишек турысыннан **сызылып үтәп китә*** (Г.Әпсәләмов) / *Она ходит так быстро, что её белая шапочка, как белая птица, мелькает у нас перед глазами.*

Инвентарь показателей сравнения определяется сравнительными союзами *как, словно, точно, будто, как будто, подобно тому как, словно бы, точно бы* в русском языке, послелогоми *кебек, шикелле, сыман, төсле*, а также союзами и союзными словами *гүя, әйтерсең, диярсең* в татарском языке.

В отличие от простых предложений, в сложноподчиненных предложениях сравниваются две ситуации объективной действительности, а не отдельные предметы. В сложноподчиненных предложениях объект реального сравнения выражается главной частью, а эталон – придаточной. При этом чаще всего основание сравнения представляется имплицитно. Например: *Море все в живых белых пятнах, словно*

бесчисленные стаи птиц спускались на его синюю равнину (М.Горький) // Шуның артыннан ук, таулар ишелгәнсыман, тағын күк күкрәде (Г.Эпсәләмов) / Следом раздался грохот такой силы, что, казалось, обрушились горы.

В сложноподчиненных предложениях с придаточными ирреального сравнения устанавливаются иные отношения: действие главной части с реальной модальностью сравнивается с ирреальным действием. Специфика такого сравнения состоит в неравноценности сопоставляемых компонентов: один из них – сравниваемый объект – реален; другой, выполняющий роль эталона сравнения, существует лишь в представлении говорящего. Сравнение этих двух компонентов создает стилистический эффект, основанный на контрастности. Контрастность действий, протекающих как бы независимо друг от друга, и обуславливает ирреальность сравнения. Они могут быть настолько разнообразны, насколько разнообразно восприятие мира. Например: *Колчерикий пробовал отшучиваться, но видно, все-таки стухнул, потому что побрился, продел свою руку в красную повязку и ходил по деревне, глядя на руку с таким видом, словно она вот-вот должна взорваться, а ему, да и окружающим только и остается, что остерегаться осколков (Ф.Искандер); Фиалка в лесной тени запоздала, как будто дождалась увидеть младшую сестру свою землянику (М.Пришвин) // Сәлим, корт чаккан шикле, кулын тартып алды (Г.Эпсәләмов) / Салим отдернул руку, словно его ужалила пчела; Аның күңелендә шундый бер тойгы: **әйтерсең**, машина Мисбах белән Морозовныгына түгел, **Газинурның йөрәген дә суырып алып китте** (Г.Эпсәләмов) / У него возникло такое чувство: как будто машина увезла не только Мисбаха и Морозова, а словно выдернула и увезла и сердце Газинура.*

В отличие от точного, или логического, сравнения, целью которого является сопоставление двух однородных по своей природе компонентов для более глубокого уяснения сущности одного из них, назначение ирреального сравнения состоит не только в выражении сходства, но и в эмоциональном воздействии на адресата, в создании яркой, наглядной характеристики сравниваемого объекта. Метафоричность

создается благодаря неожиданности, оригинальности сопоставления двух компонентов, относящихся к разным понятийным сферам.

Несмотря на свою яркость и выразительность, ирреальное сравнение неидентично метафоре: если суть метафоры заключается в мнимом уподоблении, которое выражается в замене одной номинации другой, то в основе метафорического сравнения лежит сопоставление при сохранении различной референтной соотнесенности сравниваемых компонентов. Специализированный языковой элемент (сравнительный союз) препятствует идентификации компонентов, выполняя роль барьера. Метафора же лишена формальных признаков и осмысливается только в контексте.

Рассмотрев микрополя уподобления, перейдем к анализу микрополей различия в исследуемых языках. Микрополя различия, состоящие из трех микрополей второй ступени и в русском, и в татарском языках, выделяются по принципу поля с онтологическим расслоением, так как различия значения конститuentов этих микрополей отражают различия в объективной реальности, то есть являются содержательными.

1. Микрополе второй ступени превосходства, объединяющее конструкции, в которых собственно сравнение предполагает большую степень проявления признака. Например: *Канцлер был, пожалуй, самым страстным и убежденным борцом за сохранение мира в Европе* (В.Пикуль) // *Гүзәлсең син, матурсың син, матурсың, матурларның матурыннан матурсың* (Г.Тукай) / *Ты красива, ты прекрасна, прекраснее и красивее всех красавиц.*

В подобных предложениях-высказываниях сравниваются два лица, предмета, явления, действия, обладающие общим признаком. При этом отмечается, что одно из них обладает указанным признаком в большей степени. Например: *Я встретил здесь величайшую предупредительность всех моих желаний* (В.Вересаев) // *Жиһан тәтәйгә караганда да йомшак күңелләргә, аннан да кече җанлырак, безнең барыбызны да өзелеп сөя, сеңелесеннән ныграк сөя* (Г.Бәширов) / *Она намного ласковее и мягче, чем тетя Джихан, всех нас очень любит, любит сильнее, чем сестра.*

К данному микрополю могут относиться конструкции, содержащие имя прилагательное как в сравнительной, так и в превосходной степени. Например: *Мэри была **более привлекательной**, чем ее сестра* (М.Лермонтов); *Нарисованный мир **красивее**, чем настоящий* (В.Аксенов) // *Пхукет Жир йөзенең **иң матур** һәм экзотик утрауларынан санала* (Р.Мөхәммәдиев) / *Пхукет считается одним из самых красивых и экзотических островов Земли; Эти биргән алманың да иң матурын, чиянең дә **иң тәмлесен**, кара-кучкыллысын аңа бирер идем* (Г.Бәширов) / *И самое вкусное яблоко, и самые сладкие вишни, что давал мне отец, я отдавал ей.*

Сравнительные конструкции подобного плана можно часто встретить при описании внешности героев. Например: *Густые русые волосы его были светлее загорелого лица и составляли противоположность с темными бровями и черными ресницами. Короткая борода, **немного темнее** волос, слегка оттеняла губы и подбородок* (А.Толстой) // *Вали абый гәүдәгә безнең әтидән дә **зуррак**, кырыс холыклы, нык куллы, **бик көчле** кеше иде* (Г.Бәширов) / *Вали абый был выше отца, строгим, немного жестким и очень сильным человеком.*

2. Микрополе второй ступени сниженности проявления признака. Данное микрополе объединяет конструкции, с помощью которых сравниваются лица, предметы, явления, действия, обладающие общим признаком, и при этом отмечается, что один из них обладает меньшей степенью проявления признака. Например: *Правильный нос в России **реже** маленькой ножки* (М.Лермонтов); *...**еще менее** нужно, чтобы ружье било слишком кучно, что, впрочем, всегда соединяется с далекойбойностью* (С.Аксаков) // *Шәбрәк атлы, хәлләрәк хужәлар ярлы-ябагай, я **начаррак** ат артыннан барырга хурлана да алга чыкмакчы була* (Г.Бәширов) / *Люди побогаче и у кого лошади получше, стеснялись ехать за бедняками, либо за теми, у кого лошади хуже и пытались вырваться вперед; Хәкимжән миннән бер яшыкә **кечерәк** булса да, шуның өстенә сөйләшмәве белән ачуны китерсә дә, бик әйбәт малай* (Г.Бәширов) / *Несмотря на то, что Хакимзян младше меня на год и частенько раздражает своим молчанием, он очень хороший мальчик.*

3. Микрополе второй ступени общего различия. В состав микрополя общего различия входят конструкции, которые отражают такое различие, при котором невозможно установить, обладает ли предмет более высокой или более низкой степенью проявления признака, чем другой. Например: *Они отличались от них и говором, и одеждой, и нравами* (Л.Толстой); *Мудрец Пурана мало походил на своего сурового товарища* (В.Короленко) // *Үзенең аклыгы, зурлыгы һәм зәвыкы бизәлеше белән аерылып тора иде ул (диңгез корабы) башкалардан* (Р.Мөхәммәдиев) / *Он (корабль) отличался от других своей белизной, величиной и убранством; Миллион холыклы шәһәрдә Син үзең аерым бер холык* (И.Иксанова) / *В миллионном городе столько характеров, Твой – ни на чей не похож.*

Итак, в соответствии с учением о семантических формах мышления и теорией функциональной грамматики в ФСП сравнения русского и татарского языков можно выделить микрополя различных ступеней по принципу поля с онтологическим и гносеологическим расслоением. На первой ступени ФСП сравнения делится на два микрополя: уподобления и различия. На второй ступени микрополе уподобления разделяется на микрополя реального и ирреального сходства. На третьей ступени каждое из микрополей второй ступени распадается на два микрополя на основе полноты / неполноты компаративной конструкции. При эксплицитном выражении всех четырех компонентов компаративные конструкции относятся к микрополю полноты. К микрополю неполноты мы относим компаративные конструкции, в которых не все компоненты выражены эксплицитно.

На четвертой ступени микрополя компоненты сравнения могут быть представлены дискретно – в случае отдельного выражения каждого элемента сравнения – и недискретно-дискретно, если два компонента сравнения представлены слитно в одной словоформе. На этом основании в микрополях третьей ступени выделяются поля четвертой ступени дискретного и недискретно-дискретного отражения структурных компонентов сравнения.

Следовательно, рассмотренные десять параметров ФСП сравнения в анализируемых нами русском и татарском языках

выражаются, а нередко и актуализируются лексико-грамматическими средствами. Иными словами, параметры национальных семантических форм мышления едины для всех языков, однако различия в способах репрезентации данных параметров обусловлены уникальными особенностями грамматического строя исследуемых языков.

1.2. Семантика и функционирование сравнительных единиц в простом предложении в русском и татарском языках

Сравнение как функционально-семантическая категория широко представлено в семантической структуре и образно-изобразительной функции сравнительных единиц в системе таксиса русского и татарского языков. Изучение категории компаративности в русском языке восходит прежде всего к работам ученых Казанской лингвистической школы и ее преемников – В.А. Богородицкого, Н.А. Широковой, Н.А. Андрамоновой, Л.К. Байрамовой и др. Сравнительные единицы в корпусе простого предложения довольно часто встречаются в языке художественной литературы.

Сопоставительный анализ ФСП сравнения в пространстве художественного текста русского и татарского языков позволяет выявить существование общих черт и специфических явлений в способах репрезентации семантики сравнения. Исследование универсального и уникального в различных, а особенно в разноструктурных языках, в их взаимосвязи представляет большой научный интерес. Так, С.Д. Кацнельсон замечает, что «...в плане формы или выражения единство языков проявляется в общих принципах их построения и в частном сходстве строевых элементов, колеблющемся от языка к языку. В плане содержания сходство выступает в виде универсального компонента языковой структуры, необходимо присутствующего в любом языке. Языки на одном уровне развития проявляют больше сходства; в менее развитых языках некоторые элементы универсального компонента могут отсутствовать. Итак, в

содержании каждого языка есть два компонента: универсальный (общий для всех языков) и идиоэтнический (который характеризует язык в его индивидуальном своеобразии)» [Кацнельсон, 2002: 11].

Рассматривая ФСП компаративности, мы выделяем общие, универсальные и специфические, уникальные черты сравнений и сравнительных конструкций в русском и татарском языках. Семантика сравнения в русском и татарском языках передается системой языковых единиц различных уровней. В процессе репрезентации категории сравнения в исследуемых языках в основном участвуют сравнительные союзы *как, будто, точно, словно, ровно (прост.), чисто (прост.), как бы (устар.)* и их разнообразные соединения друг с другом – в русском языке и послелогои *кебек, шикелле, сыман, хэтле, кадәр* и др. – в татарском языке. В то же время значение сравнения может передаваться предложно-падежными формами имени существительного, словообразовательными и формообразующими единицами, метасловами сравнения и т. д. в сопоставляемых языках. При употреблении этих лексико-грамматических средств проводится параллель между предметами, признаками с целью выявления их общности и различия.

В русском и татарском языках лексические и грамматические структуры, выражающие сравнение, составляют ФСП компаративности. Языковые единицы, которые оно объединяет в своем составе, весьма разнообразны. При анализе компаративности в разноструктурных языках необходимо рассмотреть вопрос о формальных средствах выражения семантики сравнения. Категория сравнения может быть представлена разнообразными средствами на различных языковых уровнях: лексико-фразеологическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом, – которые могут функционировать самостоятельно, а также коррелировать, комбинироваться друг с другом.

Данный аспект исследования связан и с проблемой определения имплицитного и эксплицитного способов выражения семантики сравнения в сопоставляемых языках. Эксплицитное и имплицитное – это в некотором роде две

противопоставленные формы выражения мысли, каждая из которых имеет свое языковое выражение: прямое / непосредственное и непрямое / опосредованное.

Эксплицитное значение – это проявление формальной (грамматической или лексической) выраженности определенного содержания. Имплицитное выражение мысли существует так же реально, как и эксплицитное, но в отличие от эксплицитного существует не на поверхности, а на глубинном уровне языка как нижний скрытый слой содержания [Фаттахова, 2002: 53].

Имплицитность в лингвистической литературе определяется по-разному. Ш. Балли связывает данное понятие как с невыраженностью части высказывания, так и с его сокращением. В понимании Е.И. Шендельса имплицитное – это «скрытое», «подразумеваемое» значение, и оно вытекает только из значения единой структуры, требует более сложного процесса восприятия, дополнительных когнитивных операций [Шендельс, 1977].

По мнению А.В. Бондарко, «имплицитное выражение следует признать формальным, потому что оно является дополнительным следствием, косвенным результатом соотношения тех единиц, их комбинаций и окружающих их элементов контекста, которые представлены в данном высказывании и выражены определенным формальным показателем» [Бондарко, 1978: 153].

М.В. Никитин утверждает, что имплицитное значение не имеет непосредственного материального выражения. Но это не значит, что оно вообще не выявляется материально и что о нем можно судить, как о содержании без формы. У него есть своя форма выявления – это непрямое, опосредованное выражение: имплицитное значение производно от взаимодействия эксплицитного значения с совокупным условием его реализации. Имплицитное значение в этом смысле – значение от значения. Формой его выявления служит эксплицитное со значимым фоном его реализации [Никитин, 1988: 144-146].

Т.А. Колосова под имплицитными понимает «такие конструкции, в которых отдельные компоненты содержания не находят специального выражения с помощью формальных

языковых средств, но высказывание остается автосемантическим и информативно достаточным без обращения к конституации, поскольку вербализованные звенья как бы вбирают в себя семантику невербализованных» [Колосова, 1980: 50].

Вероятно, по причине различий в толковании имплицитности к ней относятся различные языковые явления и неоднозначная интерпретация связана с разнообразным проявлением имплицитности на разных уровнях языка.

В современной лингвистической литературе имплицитность рассматривается как экономный способ отображения внелингвистического содержания, когда достаточно простой ассоциативной связи элементов ситуации, чтобы представить всю ситуацию. Имплицитность – это одно из проявлений асимметрии плана выражения и плана содержания языкового знака. Таким образом, «эксплицитное – магистральная линия выражения мысли, имплицитное же – скрытая, сопутствующая, вспомогательная, производная линия» [Фаттахова, 2002: 54]. При этом наиболее существенным является умение воспринимать имплицитное содержание, мера которого в разных языках и в разных структурах неадекватна.

Проанализировав различные мнения об эксплицитности и имплицитности в языке, следует отметить, что стандартом при эксплицитном сравнении являются предметы или явления, обладающие общими свойствами с объектом сравнения. Следовательно, формы положительной степени не требуют выражения эксплицитного сравнения. В сравнительных конструкциях данного типа «обозначение признака может быть отделено от самого акта сравнения» [Русская грамматика, 1980: 496].

При имплицитном сравнении в качестве стандарта сравнения выступают не конкретные предметы или явления, а обобщенные нормы: общие для говорящего и слушателя «усредненные представления о данном объекте с соответствующими количественными и/или качественными характеристиками» [Вольф, 1985: 61]. Выражение имплицитного сравнения характерно прежде всего для форм положительной степени, но иногда и для форм сравнительной и превосходной степеней сравнения.

Если говорить о соотношении имплицитного и эксплицитного в ФСП сравнения татарского и русского языков, то имплицитность в большей степени присуща системе татарского языка.

Рассматривая структуру ФСП на примере анализа типологической категории сравнения в русском и татарском языках, можно отметить его моноцентричность. Ядро данного ФСП составляет грамматическая категория сравнения (собственно компаративы), которая включает следующие компоненты: объект сравнения, образ сравнения, общий признак и показатель сравнения. Собственно компаративы могут выражать как различие между предметами, так и тождественность, общность, сходство предметов.

В исследуемых разноструктурных языках регулярное грамматическое оформление имеют только степени сравнения прилагательных и наречий, так как при сравнении разных объектов и состояний или качеств одного объекта сопоставляются признаки, которые обозначаются прилагательными; а при сравнении действий сопоставляются способы протекания действия, которые выражаются наречиями.

В русском и татарском языках выявление различия между однородными признаками двух или более предметов путем сравнения выражается формами сравнительной степени. Словоизменительная категория степеней сравнения, характерная для качественных прилагательных и наречий, образуется формами положительной, сравнительной (компаратив) и превосходной степеней (суперлатив). Положительная степень важна для категории сравнения, хотя и не выражает сама по себе значения сравнения, так как только при сравнении с положительной степенью реализуется грамматическое значение компаратива и суперлатива. «Форма сравнительной степени, или компаратив – это форма прилагательного, обозначающая, что названный ею качественный признак представлен в большей степени, чем тот же признак, названный формой положительной степени (или, что то же самое, исходной формой прилагательного)» [Русская грамматика, 1980: 562].

В русском языке формы сравнительной степени образуются при помощи суффиксов *-ее/-ей*, *-е*, *-ше*, в

татарском – с помощью аффикса *-рак / -рэк*. Например: *Но боль, которая в груди, Старей любви, старей любви* (М.Цветаева) // *Азчылык булып яшәү бик авыр бит, күпчелек булу **жиңгелрэк, жайлырак*** (Г.Гыйльманов) / *Трудно быть в меньшинстве, намного проще и легче быть большинством.*

В русском языке, наряду со сравнительной степенью прилагательного, может использоваться и сравнительный союз *чем*. Например: *Со стыдом я почувствовал, что тральщик ближе мне сейчас и родней, чем отец* (В.Аксенов); *У борового рыжика ножка в несколько раз толще, чем у елового* (А.Солженицын). Как отмечает Т.А. Тулина, различие между этими компаративами в том, что «в качестве падежа сравнения именительный «слабее», чем родительный. Поэтому такое его значение должно быть усилено лексическим средством – сравнительным союзом *чем*» [Тулина, 1973: 54].

Количество членов конструкции зависит от того, раздельно или слитно представлены семантические компоненты: признак-основание и степень. Как и собственно сравнение, конструкции с союзом *чем* могут быть построены и по принципу параллелизма, и по принципу вторичной связи. Союз *чем* в конструкции с параллельными членами указывает не на сходство, подобие предметов, а на отличие одного предмета от другого, причем это отличие определяется разной степенью проявления в предметах того или иного общего для них признака. Например: *Мармеладов оказался гораздо слабее ногами, чем в речах, и крепко оперся на молодого человека* (Ф.Достоевский); *К удивлению своему, вы тотчас замечаете, что Петербург гораздо расстроен здоровьем, чем карманом* (Ф.Достоевский). Указанная семантика определяет главную особенность конструкции с союзом *чем* – наличие в ней компаратива как обязательного, опорного компонента, с которым и связан союзный оборот. Характерной особенностью конструкции с союзом *чем* является и то, что вводимый союзом компонент не бывает в препозиции. Он находится в сильной связи с главным членом, неотделим от предиката, входит обязательным компонентом в предикативное содержание предложения [Прияткина, 1990: 97-99].

Итак, в русском языке компаративные конструкции образуются следующим образом:

1) простая (синтетическая) форма сравнительной степени образуется путем прибавления к основе прилагательного словоизменительных суффиксов *-ее/-ей, -е, -ше*: *Если б не этот благодетельный зонтик, я бы сделалась **черней** аранки, и это было бы плохо для меня* (М.Лермонтов); *Когда матушка улыбалась, как ни хорошо было ее лицо, оно делалось несравненно **лучше**, и кругом все как будто веселело* (Л.Толстой);

2) составная (аналитическая) форма сравнительной степени образуется с помощью вспомогательных слов *более, менее*. По значению аналитическая форма компаратива отличается от синтетической формы, так как может обозначать не только большую, но и меньшую степень интенсивности признака: *...и эти слова, четко и изящно выгравированные в памяти, казались **более настоящими**, чем шлепоток и хлеблет утомленных волн* (В.Набоков); *Кроме страстного влечения, которое он внушал мне, присутствие его возбуждало во мне в не **менее сильной** степени другое чувство...* (Л.Толстой);

3) простая (синтетическая) форма превосходной степени образуется прибавлением словоизменительных суффиксов *-ейш/-айш*: ***Величайшая** и **ценнейшая** черта русской культуры состояла в ее мощи и доброте, которой всегда обладает мощное, по-настоящему мощное начало* (Д.Лихачев); *На опушку падали косые лучи, и **ближайшие** стволы сосен были такого мягкого золотистого оттенка, какой бывает у тонкой сосновой дощечки...* (К. Паустовский);

4) составная (аналитическая) форма суперлатива образуется несколькими способами:

а) прибавлением к форме положительной степени прилагательного вспомогательного слова *самый*: *В жестокие времена **самые святые** клятвы ничего не значат...* (В.Пикуль);

б) прибавлением к форме положительной степени прилагательного вспомогательных слов *наиболее, наименее*. Данная форма почти не встречается в художественных произведениях: ***Наиболее смелый**, вернее сказать – отчаянный, ловкий и сильный пожарный назначается трубником*

(А.Куприн); *Это – случай элементарный и наименее интересный* (Н.Бердяев);

в) прибавлением к простой форме компаратива вспомогательного слова *всего* (если предмет неодушевленный) или *всех* (если предмет одушевленный): *При возможности потерять ее навеки Вера стала для меня дороже всего на свете, дороже жизни, чести, счастья!* (М.Лермонтов).

Синтетические формы превосходной степени, кроме своего основного значения, могут выражать и элативное значение, т.е. указывать на очень высокую степень проявления признака: *Я срезал тончайший сучок у березы и сделал прочищалку для трубки* (М.Пришвин).

В татарском языке подобные сравнительные конструкции образуются следующим образом:

1) с помощью аффикса *-рак/-рәк*, присоединяемого к прилагательному: *Зурлыгы белән бусы иске фатирдан әллә ни аерылмый, әмма тегесе яктырак, кинчрәк иде* (Ә.Фәйзи) / *По площади эта квартира не отличается от старой, но та была светлее и шире;*

2) с помощью аффикса исходного падежа, присоединяемого к существительному или прилагательному (образам сравнения) с аффиксом *-рак/-рәк* или без него: ...*Өсти аннан: «Төлкедән дә Хәйләкәр син түлке», – ди* (Р.Миңнуллин) / *И добавляет: «Только ты хитрей лисы».* Сравнительная семантика исходного падежа отмечена многими исследователями тюркских языков (А.Н. Кононов, Н.К. Дмитриев, Н.А. Баскаков и др.). Обычно сравнительные конструкции, образованные при помощи аффикса исходного падежа, бывают полными. В таких конструкциях прилагательное может употребляться и без аффикса *-рак/ -рәк* и, как указывает Н.К. Дмитриев, «при этом выражается не усиление или ослабление, а значительное преобладание в степени качества сравниваемых предметов» [Дмитриев, 1948: 114]. Например: *Без үзездән күп тапкырлар тәҗрибәле, оешкан, көчләрәк һәм әзерлекле дошман белән очраштык* (А.Гыйләжев) / *Мы встретились с врагом намного опытнее, сильнее и подготовленнее;*

3) с помощью аффикса направительного падежа, присоединяемого к существительному в сочетании с послелогом *караганда*. Прилагательное может употребляться с аффиксом *-рак/-рэк* или без него: *Араларында Сэрваретдингә караганда яхшыраклары да бар* (С.Поварисов) / *Среди них находились и получше, чем Сарваретдин*. Следует отметить, что при употреблении это сравнительной конструкции без данных аффиксов интенсивность сравниваемого признака увеличивается: *Ул әле Жүһан тәтәйгә караганда да йомшак куңелле* / *Она по сравнению с тетей Джихан намного мягче*;

4) с помощью послелогов *белән* и *чагыштырганда* и прилагательного с аффиксом *-рак/-рэк*: *Мин аны, үзем белән чагыштырганда, күбрәк дәнъя күргән... кеше итеп, сорашкан идем* (М.Әмир) / *Я расспрашивал его, как более опытного, по сравнению со мной*. Данные единицы реализуют семантику сравнения по количественному признаку. Механизм сравнения следующий: сначала возникает мысль о сходстве предмета и образа сравнения и вычленяется общий для них признак. Признак этот выражается в семантике того прилагательного, от которого образована сравнительная степень. Степени сравнения прилагательных показывают различия в полноте проявления одного и того же признака в разных предметах. Например: *Әхәт абый Кәче егетенә караганда гәүдәгә берәз кәйрәк икән, буйга да кыскарарак, муены да тегенекә шикелле юан түгел* (Г.Бәширов) / *Ахат абый внешне уступает Качеевскому джигиту, меньше ростом, и шея у него не такая толстая*.

Итак, сравнительные конструкции, реализуемые с помощью аффиксов сравнительной степени, в татарском языке имеют специфическую структуру и семантику в отличие от собственно сравнения: качественный признак одного и того же предмета сравнивается с самим собой с целью установления большей или меньшей степени его проявления; аффиксы сравнительной степени могут образовывать только свободные сравнения; а образ сравнения в этих структурах обычно отсутствует. Аффикс *-рак/-рэк* присоединяется к основам качественных прилагательных и усиливает степень наличия названного в них признака.

Суперлатив в татарском языке выражает наибольшую интенсивность проявления признака по сравнению с другими предметами и не имеет единого показателя. В основном она образуется при помощи препозитивной частицы *иң* (самый), *бик* (очень): *Бу шәһәргә исән-сау кайта алу – минем өчен теләргә мөмкин булган теләкләрнең иң ихласы, иң татлысы иде, ә кайтып күрү бәхетенә ирешә алу – язмышым тарафыннан миңа бирелгән иң югары, иң кадерле бүләк булырга тиеш иде* (Ә.Еники) / *Возвращение в этот город живым и невредимым было самым сокровенным, самым сладким желанием, а приехать и увидеть – самым дорогим, самым желанным подарком судьбы; Көрәшнең иң кызык сулышын – берәрсенең эҗирдән суырып алып күтәрәп чөйгән вакытын күрмиңә калмас өчен, бөтен дөньяларын онытып, берсен берсе кысып, этә-төртә эчкә таба керәләр* (Г.Бәширов) / *Чтобы не пропустить самый интересный момент борьбы, люди, забыв обо всем на свете, пытались пройти в центр; Куллары аның бик ак, бик нәфис, тырнакларына туп-тигез алсу кына салган, бер бармагында кечкенә бриллиант каш яна* (Ә.Еники) / *Руки у нее очень белые, очень нежные, ногти покрашены в розовый цвет, на одном пальце кольцо с бриллиантом.*

В то же время в татарском языке имеются препозитивные частицы для выражения интенсивности проявления признака, образованные от первого слога некоторых прилагательных с добавлением или изменением на “*н*” или “*м*” в конце: *Чем-кара шома чәченең озын толымнарын бик пөхтәләп артка өеп куйган, ап-ак муенында сөйкемле генә кара миңе бар* (Ә.Еники) / *Черные, как смоль, волосы аккуратно собраны сзади, на белоснежной шее есть маленькая симпатичная родинка; Алар ауган урында һавага кар фонтаннары күтәрелә, кар бөртекләре, ап-ак парашют гөмбәзе шикелле кабарып, берәздән яңадан эҗиргә төшә башлый, урман кисүчеләрнең бүрекләрәнә, иңнәрәнә кунып ала-кола итә* (Г.Әпсәләмов) / *На месте их падения вздымаются снежные фонтаны. Через несколько мгновений снежная пыль белым куполом парашюта опускается на землю, оседая на шапках, на плечах лесорубов белой искристой опушкой; Ә эҗир йөзе тып-тын, ә күк – зәп-зәңгәр* (Ф.Гыйльми) / *А на земле очень тихо, и небо – очень синее.*

В татарском языке, наряду с превосходной степенью, существует уменьшительная степень, выражающая признак меньшей интенсивности. Образование подобных форм встречается в основном в сфере имен прилагательных, обозначающих цвет, вкус, физическое состояние предметов при помощи аффиксов *-кылт/-келт*, *-гылт/-гелт*, *-сыл/-сел*, *-су*. Например: *Башында да ал чәчәкле өр-яңа зәңгәрсү шальяулык* (Г.Бәширов) / *На голове новый голубенький платок с розовыми цветами*; *Ә диңгездә... карасу-яшел дулкынныр шаулы, көймә бер йомычка кебек чайкала* (Г.Әпсәләмов) / *А на море... шумят темно-зеленые волны, лодку кидает, как щепку*.

Рассматривая образование и значение степеней сравнения наречий в татарском языке, отметим, что они очень близки степеням сравнения прилагательных. В форме положительной степени наречия признак представляют вне сопоставления, в форме сравнительной степени – как обнаруживающийся в большей степени по сравнению с другими его проявлениями, в превосходной – как высшую степень качества. Морфологические показатели данной категории наречий аналогичны морфологическим показателям прилагательных: *Безнең янга күрше хатыны Гыйльми тәтәй килеп утыргач, тагын да куңеллерәк булып китте* (Г.Бәширов) / *Когда к нам подседа соседка тетя Гыйльми, стало еще веселей*; *Тамак төбенә каты төер килеп тыгылды, куллар автоматларны ныграк кыстылар* (Г.Әпсәләмов) / *К горлу подступил ком, руки сильнее сжали оружие*; *Син аның саен купшырак, аның саен дәртлерәк, аның саен ямлерәк басасың* (М.Кәрим) / *А ты пляшешь еще красивее, еще бодрее и лучше*.

В сравнительных конструкциях, реализуемых формами сравнительной степени, А.В. Бондарко выделяет три основных элемента сравнения: 1) объект сравнения – предмет (собственно предмет, лицо, ситуация), который сравнивается, – первый компарат; 2) стандарт сравнения – то, с чем он сравнивается, – второй компарат; 3) общий признак – выбранный аспект сравнения, обозначаемый в данном случае формами степеней сравнения. В зависимости от того, что используется в качестве стандарта сравнения, различаются эксплицитное и имплицитное сравнение [Бондарко, 1996: 130].

Лексико-грамматические способы выражения компаративности в сопоставляемых языках также являются весьма продуктивными. На данном уровне компаративность может выражаться несколькими способами.

1. Наречиями, образованными от прилагательного или существительного с помощью конфиксов *по...ски/ески, по...ому/ему, по...j* в русском языке и наречиями, образованными при помощи аффиксов *-ча/-чә, -дай/-дәй* в татарском языке. Например: *Шел, по-бычыи угнув голову, сжимая связку жилистых пальцев, заметней припадал на хромую ногу* (М.Шолохов); *С другом по-братски, с врагом по-солдатски* (Пословица); *В речах по-соловьиному, в делах по-змеиному* (Пословица) // *Билен шөпишәдәй кысып буган сары чәчле бер хатын Шәяхмәт карт килеп керүгә, папкасын тотып, нәрсәдер укый башлады* (М.Мәһдиев) / *Как только вошел дед Шаяхмет, рыжеволосая женщина, по-осиному затянувшая талию, схватила папку и начала что-то читать; Бүренекедәй кан баскан бер яман бәбәк (тишектән) карады* (И.Сәләхов) / *Взглянул на нас (в глазок) по-волчьи налитый кровью страшный глаз; Чәчен ирләрчә кыска итеп кистергән, өстенә бик тар күлмәк кигән, муенына нечкә алтын чылбыр белән тугәрәк кулон таккан, ялангач беләгенә төймә хәтле генә алтын сәгать бәйләгән жете кызыл иренле бер кыз белән Мансур баскычтан менеп килә иде* (Г.Эпсәләмов) / *По лестнице поднимался Мансур с какой-то коротко, по-мужски остриженной девушкой с ярко накрашенными губами; у неё открытая шея, к тонкой золотой цепочке подвешен крупный кулон; на запястье левой руки – крохотные золотые часики.* Вопрос о функционально-семантических особенностях данных аффиксов в татарском языкознании до сих пор остается дискуссионным. Аффиксы *-ча/-чә* в современной грамматике считаются словообразовательными аффиксами наречий, но в «Татарской грамматике» отмечается, что данный аффикс «...хотя и признается словообразовательным, устанавливает отношения между словами и поэтому может считаться и средством связи» [Закиев, 1992: 44]. Аффикс *-ча/-чә*, никогда не изменяя лексического значения слова, присоединяется к словам, способным выражать или сравнение, или предел чего-нибудь в

процессе речи. Этот аффикс часто встречается в художественной литературе. Аффикс *-дай/-дэй* образуется на базе послелого *тик* и указывает на сравнение предметов с другими предметами или явлениями. В этом же значении он употребляется и в других тюркских языках. В сравнительных конструкциях с данными аффиксами присутствуют все компоненты сравнения. Иногда основание сравнения выражается имплицитно, однако оно легко угадывается в контексте.

2. Сложными прилагательными, содержащими элементы *подобный, образный, видный* в русском языке, *сыман* в татарском языке. Например: *Скучно, скучно как-то особенно, почти невыносимо; грудь наливается жидким, теплым свинцом, он давит изнутри, распирает грудь, ребра; мне кажется, что я вздуваюсь, как пузырь, и мне тесно в маленькой комнатке, под **гробообразным** потолком* (М.Горький); *Тесть ему показал стопку бланков, бухгалтерские книги с **зетоподобными** линиями на страницах...* (В.Набоков); *...продолжал **кончевидный** немец, указывая на полногрудое облако, поднимавшееся с запада* (В.Набоков) // *Язгы аяз күктә, биектә-биектә, бөдрә ак болытлар йөзә иде. Кояш нурлары аларны үтәдән-үтә яктырткан, алар шундый **жиңелсыман** тоела, өрсәң, тузганак башы кебек, очып китәр төсле* (Г.Әпсәләмов) / *В весеннем голубом небе высоко-высоко плыли кудрявые облачка. Пронизанные солнцем, они казались белее первого снега и до того легкими, что подуй на них – и они разлетятся, будто пух одуванчика.*

3. Формой творительного падежа существительного в русском языке. Особое место среди обстоятельственных значений творительного падежа занимают значения сравнения и уподобления. Например: *И плачу, друг мой, здесь с тобою, А время **молнией** летит* (К.Батюшков); *Я мелким **бесом** извивался, Развеселить тебя старался* (А.Пушкин); *Теркин так же ждет разрыва, **Камнем** кинувшись на снег* (А.Твардовский). Как правило, творительный сравнения употребляется только при глаголах с определенным лексическим значением: движения, перемещения в пространстве и времени, речи.

4. Метасловами сравнения, которые в сопоставляемых языках относятся к периферийным явлениям лексико-

грамматических средств оформления компаративности. Отдельные полнозначные слова, сохраняя вещественное содержание, тяготеют к функциональному сближению с неполнозначными словами. В лексическом значении данных слов содежится указание на операцию сравнения. Мета слова сравнения объединяют различные лексико-грамматические классы: *напоминать, походить, похожий, подобный, типа, цвета* и др. – в русском языке, *охиаган, хэтерлэткэн, булып, зурлык, кадарле* и др. – в татарском языке.

Исходя из изложенного, отметим: сложность анализа простого предложения, выражающего сравнительную семантику, заключается в том, что в его составе налицо компоненты, «которые, формально выполняя функцию второстепенного члена предложения, фактически осложняют семантическую структуру высказывания «добавочным сообщением», тем самым сближая его по содержательной емкости со сложным предложением, поскольку заключают номинацию нескольких событий» [Лекант, 1986: 10].

Исследование семантики и функционирования сравнительных компонентов в структуре простого предложения позволяет выявить функцию сравнительной конструкции как элемента, содержащего скрытую предикацию. В связи с этим, выявляя способы репрезентации семантики сравнения в простом предложении, необходимо раскрыть понятия «предикативность» и «предикация».

Предикативность – важнейшее свойство предложения как единицы языка и речи. Понятие «предикативности» относится к формальной стороне предложения (к структурно-синтаксическому аспекту) и определяется как один из признаков предложения [Лекант, 1986: 6]. Предикативность раскрывается в частных значениях модальности, времени и лица. Предикация – это «соединение понятия о предмете и понятия о его признаке, представленное сочетанием слов «определяемое – определяющее», как грамматическое воплощение акта предикирования» [Лекант, 1986: 71]. Предикация отражает взаимодействие структурно-синтаксического и коммуникативно-синтаксического аспектов предложения. Предикация может быть выявлена и обнаружена только в

предложении, отношение признака к предмету устанавливается говорящим непосредственно в речевом акте. На структурно-синтаксическом уровне предикация – это структурный центр предложения, на содержательном уровне предикация – это ядро высказывания, заключенного в конкретном предложении, другие компоненты структуры предложения расширяют, дополняют, уточняют высказывание. Под дополнительной предикацией мы понимаем «соединение структурно-семантических компонентов простого предложения, передающих отношения «предмет-признак» в качестве основы добавочного высказывания» [Краткий справочник по русскому языку, 1991: 291-292]. Дополнительную предикацию содержат компоненты, которые формально выполняют функцию второстепенных членов и в то же время осложняют семантическую структуру высказывания добавочной информацией. Такие предложения сближаются по своему содержанию со сложными предложениями, так как содержат номинацию нескольких событий. Следовательно, в простых предложениях, осложненных сравнительной конструкцией, основная предикация выражена сочетанием главных членов, а дополнительная предикация представлена сравнительной конструкцией. Предложения со сравнительной конструкцией выражают связь двух сравниваемых событий.

В русском языке одним из наиболее распространенных способов выражения сравнения в простом предложении являются синтаксические средства – союзы. Грамматическая природа союза определяется его функцией – служить средством связи языковых единиц определенного уровня, формальным средством их организации в единицы иного уровня [Прияткина, 1977: 27]. Для выражения сравнительной связи в современном русском языке имеется большая группа союзов. Русская грамматика к сравнительным союзам относит союзы *как, будто, будто бы, как будто бы, как будто, что будто, что будто бы, что как будто, что как будто бы, точно, словно, ровно (прост.), чисто (прост.), как бы (устар.)* и их разнообразные соединения друг с другом [Русская грамматика, Т. 2, 1980: 493]. Разнообразие сравнительных союзов обусловлено тем, что сравнение включает в себе множество оттенков: собственно сравнения, сопоставления,

предположения, возможности, желательности, ирреальности. Для таких союзов характерными являются следующие признаки: 1) союзы выполняют связующую роль; 2) союзы являются обязательным структурным компонентом сравнительной конструкции; 3) союзы выражают отношения уподобления, сходства; 4) союзы имеют строго закрепленное место: в простом предложении – всегда перед вторым членом сравнения, в сложном предложении – в абсолютном начале придаточной части [Черкасова, 1971; Черемисина, 1976].

Наряду со своей основной функцией, союзы так или иначе участвуют в выражении различных модальных отношений. Употребление того или иного сравнительного союза обусловлено «субъективным отношением к сравнению, потому что союз имеет значение не сам по себе, а как выразитель того или иного сочетания, как словесное обнаружение такого сочетания» [Шахматов, 1941: 505].

Сравнительные союзы можно разделить на две группы:

- союзы реальной модальности, которые выражают уподобление предметов, действий, качеств, состояний;
- союзы ирреальной модальности, которые выражают кажущееся, нереальное сходство.

Реальное сравнение – это результат логического мышления, «равенство или различие объектов, вещей, состояний, свойств и пр. устанавливается путем их попарного сопоставления на основе некоторого фиксируемого признака – основания сравнения» [ФЭС, 2003: 120]. Семантической основой реального сравнения является сравнение, сопоставление реальных фактов или явлений окружающей действительности, которыми являются как субъект, так и объект сравнения. Специфической особенностью конструкций реального сравнения является то, что они «не выражают образного сравнения, но лишь указывают на соответствие или тождество сопоставляемых явлений» [Широкова, 1960: 74].

В простом предложении среди союзов реальной модальности широко представлен союз *как*, который характеризуется неоднородностью конструктивных и функциональных свойств. Исследователи, рассматривающие

данное явление в сфере простого предложения (Ф.И. Буслаев, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, Н.И. Греч, Л.А. Булаховский, А.Ф. Прияткина, А.Г. Руднев, Н.А. Широкова и др.), отмечают, что союз *как* в простом предложении может выражать сравнительные отношения и употребляться в значении ‘в качестве’. Например: *В доме коменданта я был принят как родной* (А.Пушкин).

Однако союз *как* в сравнительной функции и в значении ‘в качестве’ имеет дифференциальные признаки. Союз *как* в значении ‘в качестве’ употребляется только в простом предложении; образует конструкцию только на основе параллелизма; не знает союзных замен (его эквивалентами могут быть только предлоги или беспредложные падежные формы); не принимает никаких добавлений, приводящих к образованию устойчивого союзного сочетания. Союз *как* в сравнительной функции служит для образования сравнительных конструкций разного уровня сложности; наряду с параллельными членами используется и для оформления подчинительной связи; допускает синонимические замены (*будто, точно, словно*); приводит к образованию устойчивого сочетания [Хлебникова, 2005: 129].

Сравнительный союз *как* способен передавать отношения сопоставления предметов, явлений, событий. Например: *Большое озеро как блюдо, За ним – скопление облаков* (Б.Пастернак); *Когда он сердился..., губы вздрагивали, обнажая два ряда крупных, как у волка, желтых зубов* (М.Горький); *Нигде я не видел такого простора, как было здесь: красные большие цветы – как костер, бабочки – как птицы, реки в цветах* (М.Пришвин).

В простом предложении сравнительные конструкции с союзом *как* могут совпадать с границами предложения, но могут и осложнять формально-семантическую структуру предложения, взаимодействуя с другими членами (о способах репрезентации категории сравнения в простом осложненном предложении см. § 2.2 настоящей монографии). Например: *Редкие звезды заблестели на небе, как скупые мужские слезы* (К.Паустовский); *У себя дома германские князья охотно доедают вчерашний прокисший суп, но зато, попав в Россию, делаютя ненасытны,*

как шакалы (В.Пикуль); *Посетитель, как тигр, ходит вдоль барьера, стараясь знаками обратить на себя внимание* (И.Ильф, Е.Петров); *Он напрягался четырьмя конечностями, привставал и падал, как теленок, еще не научившийся ходить* (А.Солженицын); *В той башне высокой и тесной Царица Тамара жила: Прекрасна, как ангел небесный, Как демон, коварна и зла* (М.Лермонтов). До сих пор в русистике вопрос о сравнительной конструкции, которая является элементом осложнения простого предложения, остается актуальным. Русская грамматика рассматривает спорные конструкции в системе простого и сложного предложений: «Близость таких конструкций к сложным предложениям определяется тем, что присоединяемая союзом часть предложения потенциально предикативна. Предикативность обнаруживается при условии, если эта часть конструкции относится к сказуемому: в этом случае присоединяемая союзом часть соответствует по значению простому предложению в составе сложного. Утешают тебя, как (утешают) ребенка. Бываю в театрах, но (бываю) редко. В тех же случаях, когда союз относит словоформу не к сказуемому (или предикативному главному члену), а к какому-либо другому члену предложения, предикативность у части предложения, оформляемой союзом, отсутствует. Часы висели на тонкой, как нитка, цепочке (сравнительный оборот)» [Русская грамматика, 1980: 178]. И этот факт существования двух различных структур – предикативной и непредикативной, организуемых сравнительным союзом, – является значимым для синтаксиса русского языка.

Рассмотрим систему аналогичных сравнительных конструкций в татарском языке. Сопоставление данных конструкций показало, что основную часть лексико-грамматического способа репрезентации компаративности в простом предложении составляют послелогои *кебек, шикелле, сыман, хэтле, кадәр* и др. При употреблении этих лексико-синтаксических средств проводится параллель между предметами, признаками и выявляется их общность, сходство.

Более широкий диапазон употребления имеет послелог *кебек*, который дает понятие вида, используя для выявления внутренней и внешней сущности предметов и явлений.

Например: *Яңаклары алма кебек янып тора* (Г.Эпсэлэмов) / *И щеки у него как яблоки*; *Ташбака кебек экрен барабыз, – диде Мостафа, үзе һаман басып тора бирде* (Г.Эпсэлэмов) / *Ползем как черепахи, – сказал Мустафа, продолжая стоять.*

Послелог *шикелле* употребляется в основном при уподоблении предмета по внешнему виду и форме. Например: *Кызлар... тәпән шикелле юаннар...*(Ә.Еники) / *...девушки выглядели толстыми кадушками...; Илгиз әтисе янында туп шикелле тәгәри* (Н.Дәүли) / *Ильгиз мячиком крутится около отца.*

Особо нужно отметить специфическую функциональность послелого *төсле*, который выражает сравнительные отношения и по цвету, и по образу действия, и по качеству, хотя его конкретное компаративное значение – уподобление по цветовому качеству. Например: *Үзләренең капка төбендә әҗитен төсле ап-ак чәчле Әсхәт басып тора* (М.Кәрим) / *Возле своих ворот стоит светловолосый Асхат.* Анализ языкового материала показал, что данный послелог иногда употребляется неверно, поскольку соответствующее значение более точно передавал бы послелог *кебек*. Например: *Барлык шәкертләр дә аның төсле булсалар иде* (К.Тинчурин) / *Если бы все шакирды были похожи на него.*

Послелог *сыман* в татарском языке также выражает сравнительные отношения. Например: *Шәүлә сыман ияреп йөри узган гомер, калган хәтерләр* (М.Кәрим) / *Тенью ходит за нами наше прошлое, наши обиды.*

Однако послелог *кебек*, *шикелле*, *сыман*, *хәтле*, *кадәр* по смысловым оттенкам мало чем отличаются друг от друга: они управляют основным падежом существительных и выражают сравнение, сопоставление, тождество по качеству и одновременно управляют притяжательным падежом местоимений. Например: *Ул (Миңниса) терекөмеш шикелле тере, тиен кебек әҗитез иде* (Г.Бәширов) / *Она (Минниса) была, как ртуть, живая, как белка, шустряя; – Син нишләп, сукбай шикелле, тәнлә йөрисең монда? – дип сорады кыз, ярым ачулы тавыш белән* (Г.Эпсэлэмов) / *– Ты что, как бродяга, шатаешься тут по ночам? – спросила девушка недружелюбно.*

Если ядром выражения сравнительных отношений в простом предложении в русском языке являются союзы, то периферию образуют предлоги со сравнительным значением *вроде, наподобие, подобно*. Рассмотрим функционально-семантические особенности данных предлогов.

Предлог *вроде* – простой наречный предлог. В современном русском языке употребляется как предлог, имеющий сравнительное значение, и выступает в основном при именах существительных и субстантивированных прилагательных, управляя родительным падежом. В лексическом значении предлога *вроде* содержится сравнительное значение, вся сравнительная конструкция выражает отношения уподобления, сходства. Данный предлог передает приблизительное сходство с предметным понятием. Например: *Человек – нечисть: ...живет **вроде** гриба-поганки* (М.Шолохов).

Кроме того, предлог *вроде* функционирует и в сравнительных конструкциях, осложняющих структурную основу простого предложения. Например: *Ира все время ощущала между ними преграду, ну, **вроде** прозрачного непробиваемого стекла* (Г.Щербакова).

Составной именной предлог *наподобие* и его варианты возникли на базе сложных сочетаний слов. «В состав этих трехчленных сочетаний входят глаголы со значением «сделать что-нибудь» (в смысле «изготовить что-нибудь, работая») в соединении с существительным, обозначающим объект данного действия (первый член отношения), и с именем существительным, называющим предмет, служащий «образцом» для совершения того же действия (второй член отношения)» [Черкасова, 1967: 92-93].

В сравнительной конструкции, где основанием сравнения являются глаголы со значением «сделать что-нибудь», с помощью предлога *наподобие* сопоставляются имена существительные, обозначающие однородные и разнородные понятия. Приведем примеры, в которых компоненты сравнительной конструкции обозначают однородные понятия. Например: *Клумбы были сделаны **наподобие** могил, а среди цветов преобладали темно-синие, почти черные, анютины*

глазки, окаймленные по краям, как белой траурной лентой, ромашками (А.Беляев); К счастью, в стороне блеснул тусклый свет и помог мне найти другое отверстие **наподобие** двери (М.Лермонтов); Нам нужен твердый царь, **наподобие** Миколая Миколаевича... (М.Шолохов).

В сравнительных конструкциях с разнородными понятиями основанием сравнения являются глаголы со значением «сделанный в образе чего-нибудь», либо при глаголах других семантических групп предлог выступает в значении «подобный чему-нибудь». Например: ...*скарденая Бокулина, ужимая губы, крутя маленькой плоской головкой **наподобие** ящерицы, стала распределять им на ужин по куску хлеба с вареным мясом* (О.Форш); *Она вообразила, что время прежней, темной, подземной работы прошло, что хорошо было старичкам-отцам рыться **наподобие** кротов, а для нас-де эта роль унизительна, мы на открытом воздухе действовать будем, мы будем действовать...* (И. Тургенев); *И **наподобие** ужей Ползут и вьются кольца пряжи...* (Б.Пастернак).

Наречный предлог со сравнительным значением *подобно* управляет именами в дательном падеже и употребляется в значении «кто-нибудь, что-нибудь сходно с кем-нибудь, чем-нибудь». Например: ***Подобно** муравью трудолюбив мужик* (Н.Некрасов); *Под усами гражданина, **подобно** огоньку папирасы, пылал золотой зуб* (И.Ильф, Е.Петров).

Сравнительное значение для предлогов *вроде, наподобие, подобно* является основным. Они выполняют в предложении не только синтаксическую функцию, но и обладают определенным лексическим значением, дополняя семантическую структуру простого предложения новыми смысловыми оттенками.

В русском языке сравнение выражается также формой творительного падежа имени существительного. В языке художественной литературы творительный падеж в сравнительном значении встречается довольно часто. Наряду со значением сравнения творительный падеж передает также объектно-субъектную и обстоятельственную семантику. Грамматика определяет творительный падеж как форму, обладающую широкой системой значений. В группе объектных значений исследователи выделяют значения содержания,

орудия, средства; в группе обстоятельственных – значения времени, причины, образа действия, сравнения, уподобления. Круг функционирования данного падежа по формальным признакам детально рассмотрен в работе «Синтаксис русского творительного» [Мразек, 1964: 72-73] и в других трудах русских лингвистов [Грамматика русского языка, 1960; Пешковский, 1956; Потенция, 1958; Черемисина, 1972 и др.]. Особое место среди обстоятельственных значений творительного падежа занимают значения сравнения и уподобления.

Если функционирование союзных сравнительных конструкций в языке художественной литературы весьма обширно и разнообразно, то употребление творительного падежа в сравнительном значении носит ограниченный характер, поскольку используется преимущественно при глаголах определенных лексико-семантических групп в функции обстоятельства образа действия. Например: *Время летит иногда птицей, иногда ползет червяком* (И.Тургенев); *Я с открытой головой прищпорил Эмира моего, помчался вихрем* (А.Пушкин); *Потом фельдмаршал рухнул наземь и покотился в низину большим чурбаном* (В.Пикуль).

Одновременно имена существительные в творительном падеже со значением сравнения могут употребляться и в составе деепричастного оборота. Например: *Повторяю вновь, Чтоб глубже ты смотрел на вещи, в сущность Проникнуть их старался, в глубину, Нельзя ж легко, порхая мотыльком, Касаться лишь поверхности предметов* (А.Островский).

При именах существительных творительный сравнения употребляется значительно реже. В данных предложениях творительный падеж выступает либо в функции определения, либо в функции сказуемого. Например: *Женя – невзрачная женщина. Глаза светлые-светлые, волосы венчиком* (И.Грекова); *У Гришки глаза суетливые, борода клинышком, ...нос крючком* (В.Шишков); *В сущности некрасива: нос утюжком, щеки из мягких выпуклостей* (И.Грекова); *В паре с ним – типичный московский мещанин, ... с растрепанной бородой и головой яйцом* (М.Горький).

Творительный сравнения возник на основе творительного превращения, и группа слов, употребляющихся в форме

творительного сравнения, была семантически ограничена. Творительный сравнения мог быть образован только от существительных с определенным лексическим значением: названий животных, птиц, насекомых, некоторых неодушевленных предметов. В современном русском языке границы семантических групп, способных выступать в форме творительного падежа, значительно расширились. Например: *Железные пилы визжали, распиливая мрамор. Кадеты не страшились высоты, умели **ящерицами** ползать по стенам* (В.Пикуль); *Тяжело упали снасти, Весть **ракетой** понеслась* (А.Блок); *Сыгней падает на лавку и визжит **поросенком*** (Ф.Гладков); *От бабки помощь по дому невелика: большой младенец на ней **зирей*** (Ю.Нагибин); *Тропинка **змеей** вилась по высокому крутому берегу* (М.Горький); *Распросы посыпались на него **градом*** (И.Тургенев).

Творительный сравнения употребляется только лишь при глаголах с определенным лексическим значением: движения, перемещения в пространстве, глаголах говорения. При глаголах действия существительное в творительном падеже воспринимается как орудие действия, в сравнительном значении может употребляться только творительный падеж от одушевленных нарицательных или собственных существительных [Палевская, 1958: 25].

Конструкции с творительным сравнения состоят из следующих компонентов: предмет сравнения, образ сравнения и основание сравнения. В роли показателя сравнения выступает флексия творительного падежа. Таким образом, творительный сравнения является не только образом сравнения, но и выполняет роль формального показателя сравнительных отношений.

К периферийным явлениям лексико-грамматических средств оформления сравнительной семантики в простом предложении относятся и метаслова сравнения. Метаслова сравнения объединяют различные лексико-грамматические классы слов, среди которых можно выделить глаголы *напоминать, походить, смахивать, уподобляться* и др., имена прилагательные *похожий, подобный* и др. в русском языке; глаголы *охшаган, хэтерлэткэн, булып* и др. в татарском языке.

Глаголы *напомянуть, походить, смахивать, уподобляться* можно отнести к одной лексико-семантической группе со значением «иметь сходство, быть похожим на кого-либо или что-либо». С одной стороны, данные глаголы в простом предложении образуют сравнительную конструкцию и являются компаративным предикатом. Например: *Стол, за которым работал Ипполит Матвеевич, **походил** на старую надгробную плиту* (И.Ильф и Е.Петров); *С большущей сивой гривой, ...с большущей бородой, дед на медведя **смахивал*** (Н.Некрасов); *Вольф **напомянул** американского безработного с плаката* (С.Довлатов). С другой – встречается употребление данных глагольных форм в составе различных обособленных оборотов, осложняющих структурно-семантическую основу простого предложения. Например: *Далеко в море, **напомяная шрам, виднелась коса*** (М.Горький).

Общая закономерность рассматриваемых конструкций заключается в том, что компаратив всегда выражается именной словоформой в определенном значении того косвенного падежа, которого требуют данные глаголы. Например, глаголы управляют винительным падежом: *Английские усики цветом тоже **походили** на сгоревший знак* (И.Ильф, Е.Петров); *Воздух был мутен и **напомянул** жидкий клей* (К.Паустовский).

Глагол *уподобляться*, имеющий значение «стать или быть похожим на кого-либо или что-либо», управляет дательным падежом. Например: *Глубже чем когда-либо уткнув подбородок в галстук и угрюмо пуча глаза, он снова **уподобился** птице, да еще сердитой, – ворону что ли, или коршуну* (И.Тургенев).

В татарском языке метаслова сравнения *охшаган, хәтерләткән, булып* и др. имеют свои лексико-семантические и стилистические свойства. Например: *Рәхилә стена **булып** Хәлимәнең алдына басты, кулы белән каты итеп иңбашыннан тотып алды һәм көч белән **жиргә таба иде*** (Ә.Еники) / *Рахилия стеной встала перед Халимой, крепко схватила ее за плечи и с силой пригнула ее к земле; Кызлары да суеп каплагандай **әниләрәнә охшаганнар**, әниләре кебек барысы да эре сөякле, **жирән чәчле, зур соры күзләләр...*** (Ә.Еники) / *Дочери тоже очень похожи на мать, такие же ширококостные, рыжеволосые и с большими серыми глазами.*

Глагол *охиаган* в сочетании с существительными и местоимениями в направительном падеже участвует в выражении уподобительности сравнения. Данный глагол может употребляться в различных грамматических формах: *охиап торган, охиаган, охиый*. Например: *Аларның куе ябалдашлары киртлэч-киртлэч күтәрелгән яшел тауга **охиый** һәм бакча түрендәге өч катлы борыңгы бинаны каплап тора* (Г.Әпсәләмов) / *Их густая листва напоминает зеленую гору и закрывает трехэтажное старое здание в центре сада; Энә урам як бакчалары эченнән уенчык тартмалар шикелле генә күренгән ап-ак өйләр, энә урам буйлап тезелеп киткән коеларның биек сиртмәләре, уйга чумгандай, тып-тын торалар, энә авыл башында казармага **охиаган** озын-озын ферма биналары тагын да зуррак, мәһабәтрәк булып киткәннәр* (Г.Әпсәләмов) / *Беленые домики, выглядывающие из зелени садов, похожи на атласные коробочки, высокие журавли колодцев, недвижно выстроившиеся вдоль улицы, содаются, погружены в какие-то свои думы, даже длинные, напоминающие казармы, строения колхозных ферм, сияя белизной своих стен, выглядят празднично; Ул көзге кебек шопшома су өсләре, ул кызларның шарфы кебек әңиңел ак томаннар, ул су эченнән яшел бүрек кебек кенә күренеп торган әрәмәле утраулар, ул очып килеп шунда төшә торган киек үрдәкләр, ул еракта тын гына, моң гына узып бара торган ап-ак пароходлар, коңгызга **охиаган** тәбәнәк буксирлар, озын баржасалар, саллар...* (Г.Әпсәләмов) / *Как хороши и эта зеркальная гладь воды, и белые, легкие, словно девичий кисейный шарф, туманы, и поросшие кустарником острова, подобные зеленым шайкам на воде, и летающиеся на них дикие гуси, и бесчисленно, величаво плывущие вдали белоснежные пароходы, низкие, похожие на жучков буксиры, длинные медлительные баржи, плоты... По структуре компаративные конструкции с данным глаголом всегда являются полными.*

Разные грамматические формы глагола *хәтерләткән* выражают отдаленное сходство. Данные формы выступают в сочетании с существительными и местоимениями в винительном падеже. Например: *Агач йортларның күбесе еллар узудан кыйшаеп беткән, таи йортларның итукатурлары кубып*

төшкэн, почмаклары кителгэн. Киноларда күрсәтелә торган ниндидер иске өяз каласын хәтерләтә (Г.Әпсәләмов) / *Большинство деревянных домов покосились от времени, у кирпичных домов осыпалась штукатурка, откололись углы. Напоминает старый уездный город из фильма.*

Как видно из примеров, в образовании сравнительных конструкций участвуют и полнозначные слова с различными лексико-семантическими значениями, которые имеют определенную стилистическую нагрузку и образность.

В русском языке прилагательные *похожий, подобный* относятся к разряду полнозначных слов, которые уже в лексическом значении содержат указание на операцию сравнения. Свойство этих слов образовывать сравнительную конструкцию, выполняя в ней функцию показателя сравнительных отношений, позволяет отнести их в разряд метаслов сравнения.

В зависимости от занимаемой ими позиции прилагательные *похожий, подобный* могут выступать в предикативной или атрибутивной функции. Так, М.И. Черемисина указывает на то, что адъективные связки *похож, подобен* не могут выражать собственно-предикативные категории времени и наклонения [Черемисина, 1971: 72]. Категории времени и наклонения выражаются глагольными связками *быть, стать* и др. Например: *Уже с тех пор, по словам Грина, его лицо стало похоже на измятую рублевую бумажку* (К.Паустовский); *Жизнь была для Тренера подобна этой игрушке* (К.Паустовский). Полная форма прилагательных *похожий, подобный* также может выступать в роли предиката. Например: *Далеко выдающийся горбатый большой нос и театральная осанка делали его похожим на какого-то сказочного рыцаря, возвестителя мрачных утрат* (О.Форш).

Прилагательным *похожий, подобный*, как и другим метасловам сравнения, свойственно управление определенным косвенным падежом. Имя прилагательное *похожий* управляет именем существительным в винительном падеже с предлогом *на*. Например: *Поднятый барашковый воротник, похожий с изнанки на стеганое одеяло, защищал от мороза молодецкую харю с севавтопольскими полубаками* (И.Ильф, Е.Петров). Имя

прилагательное *подобный* требует употребления дательного падежа имени существительного. Например: *Облака, **подобные** низкому дыму, быстро неслись со стороны моря* (К.Паустовский).

Рассмотрим семантику данных прилагательных. Метаслово сравнения *похожий* означает «имеющий сходство с кем-нибудь или чем-нибудь» и конструкции с этим словом выражают внешнее сходство, воспринимаемое зрением. Например: *Волнение, **похожее** на приглушенный восторг, теснило дыхание сотен людей* (К.Паустовский). Метаслово сравнения *подобный* имеет значение «содержащий, составляющий подобие кого-нибудь, чего-нибудь». Конструкции с данным словом употребляются для подчеркивания внутренней содержательной стороны сравниваемых объектов. Например: *И вот среди разговора взгляды наши встретились, между нами пробежала искра, **подобная** электрической, и я почувствовал, что влюбился сразу – пламенно и бесповоротно* (А.Куприн).

Хочется отметить, что к метасловам сравнения можно отнести и существительные *типа, цвета*, хотя в самом лексическом значении этих существительных не содержится значения сравнения, которое характерно для метаслов сравнения. Однако можно предположить, что в лексическом значении данных существительных содержится имплицитное указание на операцию сравнения, так как в определенной позиции и в определенной грамматической форме эти существительные образуют сравнительную конструкцию. Например: *Глаза у него были закрыты, лицо **цвета** высохшей гиены, изредка искажалось выражением муки* (В.Набоков); *Впрочем, они все часто угощали меня своими доминиканскими блюдами – и жареным мясом, и жареными бананами, и какими-то шариками **типа** голубцов* (Э.Лимонов). У существительного *цвета* основанием для сравнения является значение «цветовой тон чего-нибудь, окраска». У существительного *типа* таким основанием является значение «форма, вид чего-нибудь, обладающие определенными признаками, а также образец, которому соответствует известная группа предметов, явлений».

Существительные *типа, цвета* являются информативно недостаточными без соответствующих конкретизаторов. Они не способны самостоятельно идентифицировать и называть предмет, а в роли конкретизаторов могут выступать различные атрибуты. Имплиcitная семантика сравнения данных существительных выражается в контексте: чтобы их можно было отнести к метасловам сравнения, в предложении они должны употребляться без согласованного определения. Если же существительные *типа, цвета* имеют при себе согласованные определения, они утрачивают способность функционировать в предложении в качестве элемента компаративной конструкции. Например: *В тесной и неопрятной передней флигелька, куда я вступил с невольной дрожью во всем теле, встретил меня старый и седой слуга с темным, медного цвета, лицом, свиными урюмыми глазками и такими глубокими морщинами на лбу и висках, каких я в жизни не видывал* (И.Тургенев). Хотя в данном предложении и передается значение сравнения, формальные различия не позволяют отнести его к компаративным конструкциям.

В татарском языке в компаративных конструкциях также могут употребляться однозначные слова с различными лексико-семантическими значениями. Например, однозначные прилагательные, обозначающие объем, величину, длину, физическое состояние, приняв аффикс *-лык/-лек*, могут образовать компаративную конструкцию. Например: *Чиркәүдә патшаның кеше биеклеге зур рәсемен күргәнем бар иде* (Г.Бәширов) / *Я как-то видел в церкви портрет царя величиной с человеческий рост; Песи күзе зурлыгында гына бер тәрәзәсе бар* (С.Поварисов) / *Есть одно окошечко величиной с кошачий глаз*. В предложении данные слова являются определением. В структурном отношении подобные сравнительные конструкции, как правило, являются неполными, а основание сравнения в них выражается имплицитно. Однако следует отметить, что образ сравнения с аффиксом *-лык/-лек* передает значение основания сравнения. Например: *Аягы икенче көнне ук бүрәнә калынлык булып шешкән* (Г.Бәширов) / *На второй же день его нога опухла, как бревно*. В этом предложении основание сравнения полностью компенсируется образом сравнения.

Итак, сравнительная семантика в системе таксиса русского и татарского языков передается языковыми единицами различных уровней. Сравнения оформляются синтаксическими средствами (союзами, послелогоми), морфологическими средствами (предложно-падежными формами имени существительного, аффиксами), лексическими средствами (метасловами сравнения). Система средств репрезентации сравнительного значения представляет собой ядерно-периферийную организацию, в центре которой располагаются союзы реальной и ирреальной модальности в русском языке и послелогии в татарском языке. В русском языке среди периферийных средств выражения сравнения выступает творительный падеж существительного. На периферии ФСП сравнения в сопоставляемых языках располагаются предлоги со сравнительным значением и метаслова сравнения. Метаслова сравнения объединяют различные с точки зрения морфологии группы слов: глаголы, имена прилагательные, имена существительные – и имеют сложно организованную систему функций, выполняя служебную функцию без перехода в разряд служебных слов.

1.3. Семантика и функционирование сравнительных единиц в осложненном предложении в русском и татарском языках

В лингвистической литературе выделяются два основных типа синтаксических единиц – простое предложение и сложное предложение, однако, наряду с этими терминами «простое» и «сложное», встречается и понятие «осложненное предложение». Структура простого предложения осложняется путем обособления одного или нескольких второстепенных членов. «Обособление – это принадлежность простого предложения, несмотря на некоторое сходство обособленных членов с предикативными частями сложного предложения» [Современный русский язык, 2000: 466].

В простом предложении присутствуют синтаксические связи только присоединительного типа: согласование, управление, примыкание, которые осуществляются последовательно от слова к слову. А в осложненном предложении существуют не свойственные простому предложению различные типы координативных отношений: пояснительные, присоединительные и специфические для осложненного предложения полупредикативные отношения. По мнению А.Ф. Прияткиной, в осложненном предложении широко представлены связи, имеющие двойственную природу, не в полной мере соответствующие сочинению или подчинению; двунаправленные связи, характеризующиеся зависимостью одновременно от двух различных членов; двурусные связи (связи на разных синтаксических уровнях) [Прияткина, 1981].

Так, авторы трудов по синтаксису русского языка рассматривают осложненные предложения по шкале переходности, как зону переходности между простыми и сложными предложениями [Бабайцева, 2000; Максимов, 1971]. Представители Казанской лингвистической школы, в частности Н.А. Широкова, выдвигают следующие положения: «Нет основания видеть предложение в тех союзных конструкциях, где: 1) отсутствует выражение относительно законченной мысли и имеет место лишь выражение отдельного понятия; 2) отсутствует структурная и модальная законченность, и конструкция не имеет своих организующих центров; 3) наблюдается тесная смысловая и грамматическая соотнесенность союзной конструкции с частями основного состава предложения, приводящая к возможности синонимической замены союзной конструкции членами предложения с аналогичной синтаксической функцией; 4) где в силу указанных причин восстановление якобы опущенных членов приводит к искусственному построению, явно нарушающему существующие синтаксические и смысловые отношения» [Широкова, 1960: 12].

В тюркологии конструкции с обстоятельственными оборотами относили к сложным предложениям с сокращенным придаточным. Осложненные предложения рассматривались в трудах З.Г. Абдуллаева, Г.А. Абдурахманова,

Г.Г. Саитбатталова, Д.С. Тикеева, Ф.У. Камаловой и др., где проблема соотнесенности простого и осложненного предложений трактуется, как и в русистике, по-разному.

Тюркологи Г.Г. Саитбатталов, Д.С. Тикеев, М.З. Закиев и др. рассматривают осложненные конструкции в составе простого предложения. Так, М.З. Закиев пишет, что «понятие полупредикативности включается в синтаксис лишь для изучения таких простых предложений, которые в семантическом плане занимают промежуточное положение между простым и сложным предложениями» [Закиев, 1992: 312].

Г.А. Абдурахманов, выделяя осложненные предложения в отдельную синтаксическую категорию, утверждает, что «осложненное предложение – это своеобразная синтаксическая конструкция, где, кроме главных и второстепенных членов предложения, имеются обособленные члены, обращения и вводные слова и сочетания, которые в предложении несут определенную смысловую нагрузку и входят в синтаксическую (пояснительную) связь с другими членами предложения» [Абдурахманов, 1970: 45]. При этом Ф.У. Камалова отмечает, что «осложненные синтаксические конструкции составляют характерную особенность всех тюркских языков» [Камалова, 1984: 88].

Следовательно, осложненное предложение невозможно свести к главным членам, т. к. в нем имеются самостоятельные синтаксические позиции, которые занимают слова или группы слов, включающиеся в предложение непосредственно, а не через словосочетания. Это означает, что синтаксических позиций в осложненном предложении всегда больше, чем в простом предложении.

Итак, к сфере переходных между простым и сложным предложениями относятся синтаксические единицы со сравнительным оборотом, с целевой инфинитивной конструкцией, с однородными сказуемыми, с выделительными структурами, с инфинитивным подлежащим и другие. Они рассматриваются в корпусе то простых предложений, то сложных предложений, что, несомненно, свидетельствует об отсутствии четкой границы между этими синтаксическими единицами.

Наиболее яркий пример такого отсутствия – предложения со сравнительными оборотами.

Проблема статуса сравнительных оборотов и их соотношения с придаточными давно волнует ученых. В современных учебниках и учебных пособиях все сравнительные обороты рассматриваются как члены предложения – обстоятельства [Валгина, 1991], между тем существовало и противоположное мнение – все сравнительные обороты относить к неполным придаточным. Так, А.А. Булаховский в «Курсе русского литературного языка» определял их как «остаток предложения, утратившего совпадающее с главным сказуемое» [Булаховский, 1952: 292].

Е.С. Истрина, анализируя предложения с сравнительными оборотами, фиксирует внимание на неоднородности этого явления: «иногда бывает трудно отграничить такой член с подчинительным союзом от неполного предложения, но, думается, что разделение должно быть проведено» [Истрина, 1923: 175].

Занимаясь проблемой разграничения сравнительных оборотов и неполных придаточных предложений, Ф.В. Даутия рассматривает сравнительные конструкции с показателем сравнения *как* в рамках переходных конструкций между сложными и простыми предложениями и анализирует их в «аспекте теории синхронной переходности», основные положения которой сформулированы В.В. Бабайцевой [Даутия, 1997: 2]. Некоторые исследователи относят предложения, включающие сравнительный оборот, к полипредикативным структурам, полагая, что «содержащая его конструкция находится на грани сложного и простого предложений» [Гаврилова, 1985: 50].

В синтаксической науке в настоящее время точка зрения на предложения со сравнительным оборотом как на сложные возродилась, хотя и на иной основе. Современная семантика помогла раскрыть смысловую глубину многих формально простых предложений, обнаружить их скрытую семантическую сложность. Тем самым с новой остротой был поставлен вопрос о критериях простоты и сложности предложений, который для сравнительных конструкций особенно актуален. Действительно,

приравнять сравнительный оборот просто к члену предложения, например, обстоятельству, нельзя.

Наиболее приемлемый на сегодняшний день подход к определению сравнительных оборотов, на наш взгляд, представлен в работах П.А. Леканта: «Сравнение, уподобление как специфическое значение оборота настолько сильно и ярко, что перекрывает, затемняет свойственные тем или иным членам предложения значения (признака, обстоятельства). Тем самым затрудняется отнесение сравнительного оборота к определенному типу второстепенных членов предложения. Более целесообразно видеть в нем в первую очередь именно сравнительный оборот как особое синтаксическое явление – оборот со значением признака предмета, признака действия и др. [Лекант, 2000: 475-476].

Сравнительные конструкции, осложняющие структуру простого предложения, принимают участие в формировании такой синтаксической единицы, которая совмещает признаки простого и сложного предложений. Конструкции с семантикой компаративности способствуют появлению сложного смысла, поскольку участвуют в передаче отношений сравнения предметов, событий или явлений, но не изменяют структурного типа предложения – его предикативной основы. Например: *Упавшая шишка с дерева напугала меня до того, что я подскочил на земле, как мячик* (М.Зощенко); *Июгаика Эйхлер и дела Суда прилипли, как пиявки, к спине посла, не отставая от него ни на шаг* (В.Пикуль); *Секунду спустя гибкий и проворный, как хорь, Чумаков уже лежал на Стерлядниково* (М.Шолохов) // *Бахетле хатыннар бу чакта ирләренең жылы куенында ак куян кебек йомылып йоклылар эле, ә ирсез хатыннар...* (Г.Әпсәләмов) / *Счастливые же в эту пору ещё спят, свернувшись, как белые зайчики, под боком мужей. А уж эти непристроенные...; Ул арада күрше йорт күләгәсенән озын буйлы бер кеше килеп чыкты. Ул (Сәлим) биредә күптән көтөп торган, күрәсең. Адымнарын шундый әкрән, шундый сак атлый, әйтерсең, кош тотарга килүче бер чуар песи* (Г.Әпсәләмов) / *Из густой тени, падающей от соседнего дома, показался высокий человек. Оглядываясь по сторонам, он (Салим) направился к девушке. Шагал он крадучись, будто старый кот*

на охоте; Кояш үзенең соңгы нурларын бары тик шул сарғылт бинага ғына сипкән шикелле һәм ул аксыл сары бина, **искиткеч хыялый корабтай**, ике канатын жәеп, һавага, шәһәр өстенә күтәрелеп барасыман (Г.Әпсәләмов) / Солнце со всей щедростью изливало предвечерние лучи на это светло-желтое здание, и оно, будто волшебный воздушный корабль, парило над городом.

Данные предложения имеют формальную организацию простого, монопредикативного предложения, но указывают на такую связь, как сравнительные отношения действий двух субъектов. В них содержится информация о двух событиях, а раскрыть семантику этих сравнительных единиц в предложении помогает соотнесение его со сложным предложением. Например: Упавшая шишка с дерева напугала меня до того, что я подскочил на земле, **как подскакивает мячик**; Июгашика Эйхлер и дела Суда прилипли, **как прилипают пиявки**, к спине посла, не отставая от него ни на шаг; Секунду спустя гибкий и проворный, **каким гибким и проворным бывает хорь**, Чумаков уже лежал на Стерлядниково // Бәхетле хатыннар бу чакта ирләренең жылы куенында, **ак куян йоклаган кебек**, йомылып йоклылар әле, ә ирсең хатыннар... / Счастливые же в эту пору ещё спят, свернувшись, **как спят белые зайчики**, под боком мужей. А уж эти непристроенные...; Ул арада күрше йорт күләгәсенән озын буйлы бер кеше килеп чыкты. Ул (Сәлим) биредә күптән көтөп торган, күрәсең. Адымнарын шундый экрен, шундый сак атлый, әйтерсең, **бер чуар песи кош тотарга килә** / Из густой тени, падающей от соседнего дома, показался высокий человек. Оглядываясь по сторонам, он (Салим) направился к девушке. Шагал он крадучись, **как крадется старый кот на охоте**; Кояш үзенең соңгы нурларын бары тик шул сарғылт бинага ғына сипкән шикелле һәм ул аксыл сары бина, **искиткеч хыялый кораб очкандай**, ике канатын жәеп, һавага, шәһәр өстенә күтәрелеп барасыман / Солнце со всей щедростью изливало предвечерние лучи на это светло-желтое здание, и оно, как парит волшебный воздушный корабль, парило над городом.

Посредством трансформации выясняется степень структурно-смысловой близости сравнительного оборота и

сравнительного придаточного предложения. Таким образом передаются отношения сопоставления похожих действий, в то время как информация о признаке субъекта в сравнительном обороте вербально не выражена. На сравнительные отношения указывают формальные показатели – сравнительные союзы и послелогои, в приведенных предложениях это – сравнительный союз *как* и послелогои *кебек*, *шикелле*. Сравнительная конструкция так же, как и придаточное предложение, занимает периферийную позицию по отношению к основной части предложения.

Предложения, включающие в свой состав компаративную конструкцию, относятся к осложненным синтаксическим единицам, т. к. простое предложение содержит одну предикацию, а наличие в простом предложении информации о нескольких событиях свидетельствует о его осложнении. При этом «осложнение простого предложения необязательно должно быть связано с осложнением его формальной структуры, в том его понимании, которое принято в нашей литературе. Достаточно какой-либо синтаксеме имплицировать вторичный предикат или назвать его дополнительный субъект или семантический объект, т.е. обнаружить и реализовать способность указывать на дополнительные элементарные компоненты семантической структуры, чтобы высказывание оказалось в разряде осложненных синтаксических единиц» [Малашенко, 2000: 18].

В осложненном предложении содержится две предикации: основная и дополнительная. Проблему дополнительной предикации, понимание и теоретическое определение можно считать одной из актуальнейших проблем синтаксиса предложения [Прияткина, 1981: 5]. В простом предложении со сравнительными отношениями, кроме основной, содержится дополнительная предикация. Понятие дополнительной предикации мы связываем со способностью сравнительной конструкции быть основой для выражения добавочного высказывания, способностью усложнять элементарную семантическую структуру предложения. Предложения, включающие компаративные единицы, выражают связь двух событий, одно из которых сравнивается с другим. К основному

содержанию высказывания присоединяется добавочное сообщение с целью конкретизации сравниваемого предмета или явления. Например: *Хан Крым-Гирей поднял свою конницу и прошел через степи, как черный смерч* (В.Пикуль); *Улыбка, девственный покой Пропало все, что звук пустой* (А.Пушкин); *Душно в старой колымаге, среди пуховых подушек и пухлых, как подушки, нянюшек-мамушек* (Д.Мережковский); *Длинные, загнутые, как у детей, ресницы темнили веки* (К.Паустовский) // *Зайни, ертык гармун шикеле, озак кына бер уфлап куйды, эмма кайтарып сүз эйтмәде* (Ә.Еники) / *Зайни, как старая гармошка, вздохнул, но ничего не ответил; Һәм энә шул таулар, кырлар, авыллар аша, ниндидер бер пәһлеванның зур адымнары шикелле, тимер челтәр баганалар әллә кайлардан килеп, әллә кайларга узып китәләр* (Ә.Еники) / *И через эти горы, поля и деревни, словно большие шаги какого-то великана, проходят железные узорчатые столбы; Бу серле дөньяда мин үземне, Алып бабай кебек, бик зур итеп күрә башлыйм* (Г.Бәширов) / *В этом таинственном мире я начинаю себя представлять большим, как великан; Ул үзе шундый ягымлы, шундый җиңел, өрүңә, тузганак кебек, очып кына китәргә тора* (Г.Бәширов) / *Он сам такой нежный, такой легкий, подуешь, и улетит, как одуванчик.*

Сравнительная конструкция как элемент осложнения простого предложения и выразитель дополнительной предикации имеет специфику, которая заключается в том, что она участвует в реализации дополнительной предикации. Дополнительная предикация появляется в предложении благодаря тому, что в его структуре имеется основное предикативное отношение, объединяющее компоненты семантико-синтаксического центра предложения – субъект и предикат.

Если компаративная часть союзной сравнительной конструкции представлена именем существительным в именительном падеже, то оно является субъектом дополнительной предикации, предметом, которому приписывается признак, имплицитно представленный. Например: *Побегу по мятой стежке На приволь зеленых лех, Мне навстречу, как сережки, Прозвенит девичий смех*

(С.Есенин); *Красные уши Емельяна торчали, как два лопуха* (А.Чехов); *Флаг облинял от дождя и мокро хлопал по древку, как бабий подол* (К.Паустовский) // *Бер-ике сэгать үтми, алар килешкәннәр, ике күгәрчен кебек гөрләшеп утыралар* (Г.Ибраһимов) / *Не проходит и пары часов, они уже помирились и воркуют, как два голубка; Бары вакыт-вакыт, төнгө караңгылык чаршавын ертып, ак ракеталар гына күккә күтәрелде, һәм ерак тупларның ялкыннарыннан кабынып-кабынып киткән кызгылт шәүләләр генә, ажсаган утлары кебек, бик азга ялтырадылар* (Г.Әпсәләмов) / *Только изредка, пронизывая ночную мглу, поднимались в небо белые ракеты, и, как огни зарниц, вспыхивали отблески далеких взрывов.*

Семантический субъект содержится также в конструкции предложного типа, где имя существительное в компаративной части имеет форму родительного или дательного падежа. Например: *Вадим ехал скоро, и глубокая, единственная дума, подобно коршуну Прометея, пробуждала и терзала его сердце* (М.Лермонтов); *Потом медленно-медленно, точно испытывая терпение окружающих, поднялся, постоял в задумчивости и стал раскачиваться, наподобие перевернутого маятника, усиливая и усиливая размах колебаний* (Е.Богат) // *Аның эшен башка охранкадагы, лимон кабыгына тартым сары битле, пеләш башлы, чал мыеклы жандармга тапшырганнар иде* (Г.Ибраһимов) / *Его дело передали лысому жандарму другой охранки, с желтым, похожим на лимонную кожуру, лицом.*

Когда компаративная часть союзной сравнительной конструкции представлена косвенным падежом имени, то основу добавочного высказывания составляет «утверждение наличия признака» [Лекант, 2000: 123]. Высказывания этого типа относятся к бессубъектным. Например: *Адъютант, вытянувшись, как на молитве, ждал* (А.Югов); *Воздух в больнице был теплый и душистый, как в подземелье* (Д.Мережковский); *Дежурства на кухне солдаты ждали, как праздника* (В.Астафьев).

Предложения с компаративными конструкциями, оформленными при помощи метаслов сравнения *похожий, подобный*, а также причастий, образованных от глаголов со значением «иметь сходство, быть похожим на кого-либо или

что-либо», могут быть моносубъектными и полисубъектными. Например: *Тогда я демонов увидел черный рой, **Подобный** издали ватаге муравьиной* (А.Пушкин); *Я уснул в горах... в громадном заглохшем саду, **похожем** на девственный лес* (М.Пришвин); *Тогда произошло на даче событие, **похожее** на чудо: куст шиповника, угнетенный, вышел на свет, и зацвел в сентябре, и цвел до морозов* (М.Пришвин); *И на доньшке сердца остренькое, **похожее** на оставленное жало пчелы, точило сукровичную боль...* (М.Шолохов).

Наличие дополнительной предикации, осложняющей семантическую структуру высказывания, рассматривается в качестве основания для определения осложненных предложений как особых конструкций, которые занимают промежуточное положение между простым и сложным предложениями [Бабайцева, 1979: 151]. Причинами появления дополнительной предикации в простом предложении со сравнительными отношениями мы считаем специфическое значение компаративной конструкции: «добавочное высказывание, заключенное в сравнительном обороте, не равно лексическому содержанию входящих в него слов. Это высказывание опирается на основное, выраженное составом предложения» [Лекант, 2010: 67]. Основная предикация – это компонент грамматической формы предложения, имеющий отношение к выражению модально-временных и персональных отношений, а дополнительная предикация возникает в предложении только на фоне основной предикации и через соотношение с ней. Сравнительная единица, содержащая дополнительную предикацию, синтаксически и семантически зависит от основной части предложения, представляющей основную предикацию. Имея сходство с основной, дополнительная предикация в то же время существенно отличается от нее. Например: *Бегала и лазила она, **как коза**, карабкаясь по отвесным скалам* (К.Федин); *И в тот же миг за спиной у Иуды взлетел нож, **как молния**, и ударил влюбленного под лопатку* (М.Булгаков) // *Ғәм менә алар бер-берсенә кулларыннан, дәрәсрәге, **мәктәп балалары кебек**, бармакларыннан тотып, порт дамбасы буйлап баралар* (Г.Әпсәләмов) / *И вот идут они по дамбе порта, взявшись за руки, вернее за пальчики, как школьники; Э таң*

аткач, ул утлар, экияттаге пәри утлары кебек, кайдадыр куышларда посып көнөзын яшеренеп торалар да, төн булгач, яңадан йөгереп килеп чыгалар һәм тагын таңга кадәр күз кысышып мәш киләләр (Г.Эпсәләмов) / А с рассветом эти огни, словно сказочные волшебные огоньки, прячутся в какие-то пещеры, а с наступлением ночи опять выбегают из своих укромных мест и до утра опять подмигивают друг-другу.

Наиболее четко, как различные по логической основе и по структурно-грамматическим признакам, противопоставляются два типа синтаксических единиц – конструкция сравнительного члена предложения и конструкция сравнительного предложения; промежуточное положение между ними занимают обороты сравнительно-сопоставительного и сравнительно-противопоставительного значения.

К первому типу мы относим конструкции образного сравнения, которые сближаются с членами предложения по их синтаксической функции и грамматическим связям. В синтаксическом отношении они могут выступать в функции главного члена предложения – сказуемого и в роли второстепенных членов – обстоятельства, соотносительного подлежащему; обстоятельства, ограниченного в своих связях составом сказуемого, обстоятельства, входящего в состав развернутого определения, и наконец – сравнительного приложения. Логическая основа этих конструкций, равнозначная отдельному понятию, а не суждению; характер их грамматических связей между частями предложения, проявляющийся в их пояснительной функции по отношению к членам предложения; порядок их расположения, возможность употребления их в цепи однородных единиц; и наконец, их синтаксические параллели и эквиваленты в виде членов предложения иного морфологического выражения – весь этот комплекс признаков дает основание определять их статус как члена предложения. Например: *Борода, белая и широкая, словно фрячная манишка, закрывала грудь (И.Ильф, Е.Петров) // Сугышчылар, экияттаге Черномор баһадир кебек, дулкын эченнән ярга таба баралар (Г.Эпсәләмов) / Воины, как сказочный герой Черномор, идут между волн к берегу.*

Второй тип сравнительных конструкций представлен единицами, которые занимают промежуточное положение между членом предложения и сравнительным придаточным предложением: сравнительно-сопоставительные обороты и сравнительно-противопоставительные обороты. Эти сравнительные структуры устанавливают отношения тождества между явлениями, но не дают метафорической характеристики. И в сравнительно-сопоставительных оборотах невозможно употребление модальных союзов. Например: *Сердце мое болезненно сжалось, как после первого расставания* (М.Лермонтов) // *Халикъ, Газинур кебек ук, Гали абзый өчен утка керергә эзер торган үткен малай булганлыктан, кызларны шул сәгатәтә диарлек алып та килде* (Г.Эпсәләмов) / *Халик, как и Газинур, был готов ради дяди Гали и в огонь, и в воду, поэтому очень быстро вернулся уже с девушками.*

В сравнительно-противопоставительных оборотах сопоставляются два явления по количеству присущего им признака. «Превоходство признака обозначается с помощью сравнительной формы наречия или прилагательного; противопоставление явлений отражено в употреблении союзов *чем, нежели*, равноценных в семантическом отношении и имеющих лишь различную стилистическую окраску» [Широкова, 1960: 120]. Например: *Мне в самом деле говорили, что в черкесском костюме верхом я больше похож на кабардинца, чем многие кабардинцы* (М.Лермонтов) // *Башкаларга караганда Солдат яхшырак уйный, ләкин Шәрәфи агай белән уйнаганда, ул да һаман җиңелә иде* (Ш.Камал) / *По сравнению с другими Солдат играет лучше, но и он все время проигрывает, когда в игру вступает Шарафи агай.* Союз *чем* образует самостоятельную конструкцию со сложным значением, включающим три взаимосвязанных семантических компонента: сравнение, степень и отличие. Два лица, предмета или признака сравниваются на основе общего для них признака, но только с точки зрения степени его проявления. Например: *Множество старшекурсников, городских, более смелых и находчивых, чем я, деревенский недотепа, всегда окружало ее* (А.Солженицын).

Из изложенного следует, что сравнительный оборот – это часть компаративной конструкции, которая организована

союзной подчинительной связью, состоит из непредикативной словоформы или словосочетания и является средством оформления дополнительной предикации и осложнения простого предложения. Сравнительный оборот сам по себе не составляет сравнительной конструкции, а может быть только ее частью. Поэтому его и следует характеризовать в отношении к другим формам, входящим в состав простого предложения [Прияткина, 1990: 89-90]. В зависимости от этих отношений различаются два типа конструкций: 1) трехчленные конструкции с параллельными членами и двусторонней связью; 2) конструкции без параллельных членов, построенные по принципу вторичной связи.

Рассмотрим особенности каждой из них на примерах.

В предложении *Американец двумя вытянутыми пальцами, как щипцами, выхватил из зубов сигару* (В.Шишков) основой сравнительного отношения *пальцами как щипцами* является признак *выхватил*. Параллельные словоформы *пальцами, щипцами*. В приведенном нами примере одинаковый падеж словоформ *пальцами, щипцами* обусловлен их аналогичным объектным отношением к предикату *выхватил*, основанием сравнения является семантический предикат, сравнительный союз *как* указывает на сравнительные отношения. В предложении *В нижнем этаже в трактире Егорова, ... было парно, как в бане* (И.Бунин) основой сравнительного отношения *в нижнем этаже как в бане* является признак *было парно*. Основанием сравнения является семантический предикат, сравнительный союз *как* указывает на сравнительные отношения. Данные примеры иллюстрируют первый тип сравнительных конструкций.

Основой сравнительного отношения в предложении *Сзади нее, выглядывая из-за плеча, стоял рослый молодой человек в светлой паре, с надменным лицом и с усами вверх, как у императора Вильгельма, даже похожий несколько на Вильгельма* (А.Куприн) является признак *как у императора Вильгельма*. Сравнительный союз *как* в данном случае не связывает однородные члены, здесь нет синтаксического параллелизма.

Предложение *С ружьем наперевес, как в атаке, выскочил из леса на дорожку мастер Томилин и потом все, сверкая заплатами ружей* (М.Пришвин) также построено по принципу вторичной связи, основой сравнительного отношения является признак *как в атаке*.

Одной из особенностей сравнительного союза *как* является указание на связь параллельных членов. Но это только одна сторона синтаксической функции сравнительного союза. «Всякое сравнение имеет некоторую основу, которая и обуславливает возможность сравнительного отношения между параллельными членами» [Прияткина, 1990: 91].

Союзы ирреальной модальности противопоставляются союзу *как* в модальном отношении: «сравнение, оформляемое этими союзами, осложнено элементом условно-предположительного значения и мыслится как недостоверное» [Русская грамматика, 1980: 493]. В предложениях со значением недостоверного сравнения предположительный характер отношений выражается союзами модально-сравнительного типа *будто, будто бы, как будто, как будто бы, точно, точно как, словно, словно бы, словно как, ровно, ровно бы* и др. Союзы этой группы настолько семантически близки друг другу, что часто выбор того или иного союза определяется соображениями стилистического порядка. Например: *Такая светленькая и уютная была комната, **точно** игрушечка* (Д.Мамин-Сибиряк); *Руки у Семки не комкастые, не бугристые, они – ровные от плеча до кисти, толстые, **словно** литые* (В.Шукшин); *Там, в вышине, **будто** вечная музыка, ... звенели и ликовали невидимые жаворонки* (Е.Носов).

К третьему типу сравнительных конструкций относятся СПП с придаточными сравнительными, которые мы рассмотрим в следующей главе нашей книги.

В татарском языке значение сравнения присуще и обособленным членам, выраженным деепричастным и причастным оборотами. В современной синтаксической науке представлено различное понимание причастных и деепричастных конструкций. По мнению одних ученых, причастные и деепричастные обороты являются лишь развернутым членом предложения. Эту точку зрения мы

встречаем в работах тюрколога М.З. Закиева: «если деепричастия владеют самостоятельным субъектом, то он всегда выражается в форме подлежащего, и деепричастие выступает сказуемым спаянного предложения. При наличии общего субъекта деепричастие образует полупредикативный оборот» [Закиев, 1992: 300]. Иными словами, при наличии полупредикативности предложение остается простым, не превращаясь в сложное, поскольку полупредикативность в плане содержания имеет лишь номинативную ситуацию: она только называет ситуацию, а не сообщает о ней.

Деепричастные и причастные обороты являются одними из продуктивных способов образования осложненного предложения как с семантической, так и с синтаксической стороны. Если в татарском языке средствами связи частей в сложноподчиненном предложении являются форма сказуемого, употребление послелогов и послеложных слов, а также соотносительных слов, то тождественные языковые структуры встречаются и в осложненном предложении. Однако осложненное предложение имеет одно предикативное ядро, что отличает его от сложного предложения.

Деепричастные и причастные обороты употребляются в качестве обстоятельств образа действия, выражая зависимость от главного члена при помощи своих форм, послелогов и послеложных слов типа *төсле, сыман, кебек, булып, дип* и др. Разновидность обстоятельств образа действия со значением сравнения обладает потенциальной предикативностью и легко трансформируется в придаточное предложение образа действия. Например: *Ләкин немец танкысы, улем ачысы белән дошманына ташлана торган яралы ерткыч кебек, коточкыч сикереш ясады, окоп өстендә ажгырынып әйләнеп, аны жир белән тигезли башлады* (Г.Эпсэлэмов) / *Но немецкий танк, словно кидаящийся на противника раненый зверь, сделал скачок и стал бешено крутиться над окопом, равняя его с землей – Яралы ерткыч улем ачысы белән дошманына ташланган кебек, немец танкысы да коточкыч сикереш ясады, окоп өстендә ажгырынып әйләнеп, аны жир белән тигезли башлады* / *Как раненый зверь в предсмертной схватке бросается на противника, так и*

немецкий танк сделал скачок и стал бешено крутиться над окопом, равняя его с землей.

Итак, как в русском, так и в татарском языке простое предложение осложняется обособленными членами с сравнительным значением. Способностью обособляться характеризуются только второстепенные члены предложения, которые привносят добавочное сообщение, дополняя основное. Обособленные члены предложения приобретают относительную смысловую самостоятельность, выполняя полупредикативную функцию, определяющим же условием обособления является коммуникативная сторона высказывания, достаточный семантический вес второстепенного члена, необходимость и желательность его подчеркивания и выделения.

В русском и татарском языках существуют переходные сравнительные структуры в системе простого и сложного предложения, представляющие собой целостные единства, которые обладают той или иной степенью предикативности. Значительное сходство большинства сравнительных конструкций по семантике, структуре и функциям позволяет предположить универсальность осложнения простого предложения как явления синтаксиса в русском и татарском языках. В частности, сравнительные обороты русского и татарского языков являются однотипными осложняющими компонентами. В целом функционирование компаративных единиц в разносистемных языках свидетельствует об универсальности грамматической репрезентации семантики сравнения в рамках осложненного предложения, несмотря на структурное различие русского и татарского языков.

ГЛАВА 2. КАТЕГОРИЯ СРАВНЕНИЯ И СПОСОБЫ ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ В РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

2.1. История изучения сложных предложений, выражающих сравнительные отношения, в русистике и тюркологии

Сравнение как одно из языковых явлений в процессе исторического развития русского и татарского языков приобретает способность проявляться в различных формах. Одной из таких форм является употребление сравнений в виде компонентов сложных предложений.

Сложное предложение, выражающее сравнительные отношения, в исследуемых языках располагает набором средств, с помощью которых соединяются предикативные части и выражаются отношения между ними: интонация, союзы и союзные слова, соотношение глагольных форм, указательные слова и др. в русском языке; интонация, союзы и союзные слова, словоформы сказуемого, послелого и послеложные слова, обязательное соседство зависимого предложения с тем словом главного предложения, которое оно уточняет, и др. в татарском языке. «Сложное предложение представляет собой структурное, смысловое и интонационное объединение предикативных единиц, грамматически аналогичных простому предложению. Отличие сложного предложения от простого не количественное,

а качественное. Сложное предложение имеет собственное грамматическое значение и грамматическую форму, собственные грамматические показатели» [Лекант, 2000: 496].

Сложное предложение отличается от простого предложения характером компонентов, которые обладают категорией предикативности. Синтаксические и смысловые отношения между компонентами и являются значением сложного предложения. Структурная схема сложного предложения состоит из следующих характеристик: открытость / закрытость или расчлененность / нерасчлененность структуры; синтаксическая связь между компонентами и средства ее репрезентации; порядок расположения компонентов предложения; особенности семантического наполнения, строения и лексического состава компонентов.

Вопрос о сложном предложении остается дискуссионным в русистике. Одни исследователи (В.А. Богородицкий, Н.С. Поспелов, В.А. Белошапкина, С.Г. Ильенко, Л.Ю. Максимов и др.) признают сложное предложение синтаксической единицей особого, более высокого по сравнению с простым предложением, уровня. Эта точка зрения является господствующей в современной синтаксической науке. Вместе с тем некоторые лингвисты отрицают существование сложного предложения, отрицая и сам термин «сложное предложение», данное явление определяют как «сцепление» или «сочетание» простых предложений, или как «сложное целое». При таком подходе сложные предложения рассматриваются как композиционно-синтаксические единства, составленные из простых предложений. В зависимости от решения вопроса о синтаксическом статусе сложного предложения решается и вопрос о характеристике составляющих сложное предложение компонентов. Сторонники самостоятельного статуса сложного предложения характеризуют эти компоненты как предикативные части, тогда как сторонники второй точки зрения считают компонентами сложного предложения простые предложения.

С семантической точки зрения сложное предложение является полипропозитивной единицей: в ней выражается несколько ситуаций внеязыковой действительности, в то время как простое предложение монопропозитивно, оно отражает

только одну ситуацию, одно событие внеязыковой действительности. Однако данный аргумент не может служить критерием для различения простого и сложного предложений.

Семантическое усложнение простого предложения может сделать его полипропозитивной единицей: полипропозитивными являются простые предложения, осложненные различными отглагольными образованиями (причастиями, деепричастиями, и др.) – их полипропозитивность доказывается возможностью их преобразования в сложные предложения.

Однако некоторые типы сложного предложения являются монопропозитивными, поэтому из-за отсутствия четкой границы между этими синтаксическими явлениями и наличия в языке большого числа переходных структур критерий моно- и полипропозитивности не является достаточным основанием для разграничения простого и сложного предложения. И все же можно говорить о том, что неосложненное простое предложение является единицей монопропозитивной, предназначенной для выражения одной внеязыковой ситуации, а сложное предложение представляет собой полипропозитивную конструкцию.

В татарском языкознании вопрос о сложных предложениях решается тоже неоднозначно. В конце XIX – начале XX века в качестве основного признака, отличающего сложное предложение от простого, указывается то, что сложное предложение выражает сложную мысль, а простое – простую. Такой подход имел широкое распространение и в семиотическом синтаксисе. «При семиологическом подходе, расширяя границы традиционной грамматики, кроме формы (структуры языка) и ее содержания (семантики, смысла, значения, сигнификата), ученые обращают особое внимание на денотат (референт, пропозицию), который на синтаксическом уровне называется обычно ситуацией. Если в предложении так или иначе выражается несколько ситуаций, то такое предложение включается в разряд сложных» [Закиев, 1992: 323]. Однако при таком подходе не всегда учитывается форма выражения, хотя различие простого и сложного предложений проявляется именно в структурно-грамматической плоскости. Поэтому в татарском языкознании главными для определения

сложного предложения являются следующие признаки: во-первых, сложное предложение должно выступать как цельная синтаксическая единица, во-вторых, простые предложения, составляющие сложное предложение, должны быть грамматически взаимосвязаны, что выражается посредством формальных средств языка.

Таким образом, «сложное предложение – это целостная синтаксическая единица, функционирующая в качестве сообщения о двух или более ситуациях, выраженных предикативными основами предложений» [Закиев, 1992: 328].

Входящие в состав сложного предложения отдельные предикативные единицы не обладают самостоятельностью и законченностью, они представляют собой взаимосвязанные и дополняющие друг друга элементы целого сложного предложения. «Во всяком сложном предложении его части составляют одно связное целое, так что, будучи взяты отдельно, уже не могут иметь вполне прежнего смысла или даже совсем не возможны, подобно тому, как морфологические части слова существует только в самом слове, но не отдельно от него. Таким образом, ни та, ни другая часть сложного предложения, строго говоря, не являются самостоятельным, но лишь совместно образуют одно целое» [Богородицкий, 1935: 229].

Учитывая интонацию, союзы и союзные слова, соотношение глагольных форм, указательные слова и др. – в русском языке; интонацию, союзы и союзные слова, словоформы сказуемого, послелого и послеложные слова, обязательное соседство зависимого предложения с тем словом главного предложения, которое оно уточняет и др. – в татарском языке, а также выражаемые в сложном предложении отношения, синтаксисты разделяют их на два типа: союзные и бессоюзные.

Необходимость выделения бессоюзных сложных предложений в особый структурно-грамматический тип сложного предложения русскими лингвистами аргументируется следующими признаками: 1) в хронологическом плане бессоюзные предложения являются более ранними; 2) бессоюзные предложения обладают семантической емкостью; 3) бессоюзные предложения имеют особые средства связи [Байрамова, 1997: 90].

Бессоюзные сложные предложения являются сжатыми по строению и семантически богатыми при выражении различных значений. Данные предложения могут передавать сложный комплекс различных оттенков семантических отношений, что особенно свойственно активной коммуникативной деятельности.

Существует несколько классификаций бессоюзных сложных предложений (далее – БСП).

Согласно классификации БСП, разработанной Н.С. Пospelовым эти сложные предложения делятся на два основных типа с точки зрения отношений между компонентами БСП: предложения однородного состава и предложения неоднородного состава. Предложения однородного состава бывают со значением перечисления и сопоставления (противопоставления). В предложениях неоднородного состава существует та или иная смысловая зависимость друг от друга предложений, составляющих единое целое, к которой относят отношения обусловленности, причинно-следственные, пояснительные, изъяснительные, присоединительные.

Классификация БСП, созданная В.А. Белошапковой, строится на формально-синтаксической основе. В данной классификации последовательно применяются три принципа. Общее различие заключается в открытости / закрытости структуры, когда предложения закрытой структуры представляют собой замкнутые двукомпонентные конструкции. Второе противопоставление также характеризует БСП закрытой структуры и строится на основе наличия или отсутствия формального показателя синтаксических отношений. Соответственно выделяются предложения типизированной структуры (с формальным показателем) и предложения нетипизированной структуры (без формального показателя).

В научном труде «Краткая русская грамматика» БСП определяются как «целостные синтаксические образования, в большей или в меньшей степени соотносительные со сложноподчиненными предложениями, но отличающиеся от них отсутствием союзной или местоименной связи между частями» [Краткая русская грамматика, 2002: 692].

БСП, выражающие сравнительные отношения, рассматриваются как особая, самостоятельная синтаксическая

конструкция, которая от соответствующих сложноподчиненных предложений отличается структурно и семантически. Общие свойства таких предложений можно охарактеризовать как двойственные. С одной стороны, сравнение передается предикативно оформленными сегментами, в которых практически отсутствуют категориально-семантические ограничения на состав их компонентов. С другой – в таких предложениях нет специализированных грамматических носителей сравнения, их функцию выполняет интонация.

В языкознании до настоящего времени остается дискуссионным вопрос о соотносительности БСП со сложносочиненными или сложноподчиненными предложениями, что приводит к необходимости рассматривать БСП отдельно. Бессоюзные соединения сравнительных предложений – это особые синтаксические образования. В БСП не используются такие средства связи, как союзы или союзные слова, их грамматические значения представляют собой синтез значений двух типов: коммуникативно-грамматических и модально-временных. Бессоюзное оформление предложений, выражающих сравнительные отношения, характерно для русского языка, но способы выражения данного значения в языке ограничены.

Исходя из классификации видов связи между предложениями в русском языкознании, ученые-синтаксисты бессоюзную связь выделяют и в грамматиках тюркских языков. При этом бессоюзие также считается средством грамматической связи. Следовательно, интонационные средства признаются такими же полноправными средствами выражения смысловых отношений между частями сложного предложения, как союзы, союзные слова, послелогии, послеложные слова и др. Однако сами сложные предложения, части которых объединяются при помощи интонационных средств, рассматриваются в татарской синтаксической науке в составе сложносочиненных, сложноподчиненных или сложнопаянных предложений.

Учитывая расхождение в строе татарского и русского языков, сложные предложения дифференцируются на основе двух оппозиций. Первая – семантическая, являющаяся универсальной для разноструктурных языков, когда во внимание

принимаются мотивы объединения частей сложного предложения, т. е. наличие сочинительных и подчинительных отношений. «Как и во всех других языках, в татарском между предложениями, входящими в состав сложного, устанавливается два вида семантических отношений: сочинительные и подчинительные» [Закиев, 1992: 328]. Если в русском языке выражение подчинительных отношений называется подчинительной связью, то в татарском языке аналитической подчинительной связью.

Вторая оппозиция – формальная, т.е. наличие или отсутствие средств связи между частями сложного предложения, которая является универсальной для агглютинативных языков и уникальной при сопоставлении с флективными языками. В связи с этим «все сложные предложения независимо от способа связи компонентов ... распределяются не в три, как в русском языке (СПП, ССП, БСП), а в две структурно-семантические группы – сложносочиненные и сложноподчиненные» [Зиннатуллина, 1978: 66].

В русском языкознании традиционно сложноподчиненное предложение определяют как синтаксическую единицу, состоящую из двух неравнозначных предикативных частей: господствующей части (главное предложение) и зависимой части (придаточное предложение). Связь и выражение отношений между частями осуществляется с помощью формальных показателей – подчинительных союзов, союзных слов и коррелятов.

Проблема классификации СПП имеет длительную историю и решается по-разному в зависимости от общетеоретических установок различных направлений. Одно из направлений – логико-грамматическое – классифицировало придаточные предложения по их соответствию членам простого предложения. Согласно этой классификации, обоснованной Ф.И. Буслаевым, выделяются придаточные предложения подлежащные, сказуемые, определительные, дополнительные, обстоятельственные. Недостатком данной классификации является то, что в одну группу включаются разные по строению и значению предложения, так как рассматриваются аналогии с

членами предложения, а не его кардинальные структурно-семантические особенности.

Другое направление в лингвистике – формально-грамматическое – классифицировало СПП по средствам связи – союзам и союзным словам (А.М. Пешковский, А.Б. Шапиро и др.). Данный подход тоже является односторонним, т.к. рассматриваются только лишь средства связи между частями СПП.

Более перспективное направление, которое учитывает всю совокупность формальных признаков и значений – структурно-семантическое. Элементы такого описания имелись уже в трудах Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова и др. Как особый подход данное направление оформляется в трудах В.А. Богородицкого, Н.С. Поспелова и их учеников: В.А. Белошапковой, В.И. Кодухова, С.Г. Ильенко, Н.А. Широковой, Н.А. Андрамоновой, Л.К. Байрамовой, Н.Н. Фаттаховой и др. Сторонники этого направления выделяют два структурных типа сложноподчиненного предложения по выполняемой функции придаточной части сложноподчиненного предложения (присловная и присоставная) – нерасчлененные и расчлененные. Сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры разделяются на четыре типа: местоименно-соотностительные, присубстантивно-определительные, изъяснительные и прикомпаративные. Сложноподчиненные предложения расчлененной структуры разделяются на следующие семантические типы: временные, сопоставительные, условные, причинные, следственные, целевые, уступительные и сравнительные.

Сущность сравнительных отношений в сложноподчиненных предложениях – это выражение сходства двух событий или ситуаций. Согласно теории Н.А. Широковой, в русском языке среди СПП по характеру взаимоотношений между частями можно выделить следующие группы:

1) сложноподчиненные предложения, в которых придаточное выполняет изъяснительную функцию в отношении местоименного члена главного предложения;

2) сложноподчиненные предложения без соотносительного слова в главном и занимающим более самостоятельное положение сравнительным придаточным;

3) сложноподчиненные предложения, характеризующиеся тесным взаимодействием и взаимообусловленностью частей, находящихся в отношениях взаимного подчинения [Широкова, 1963: 20].

Существует и другая структурно-семантическая классификация, где учитывается структура и семантика сложноподчиненного предложения в целом, автором которой является профессор Н.С. Пospelов. Данная классификация продолжала разрабатываться другими синтаксистами и в настоящее время существует в нескольких вариантах, из которых можно выделить три основных: классификация В.А. Белошапковой; классификация С.Е. Крючкова и Л.Ю. Максимова и классификация, представленная в научном труде «Русская грамматика» 1980 г. (автор – Н.Ю. Шведова).

Н.С. Пospelов в статье «Сложноподчиненное предложение и его структурные типы» выделяет прежде всего два общих типа на основе установления структурно-смысловых соотношений между главной и придаточной частью. Один тип образуют сложноподчиненные предложения, в которых придаточная часть менее тесно связана с главной, соотносится с ней в целом, – это двучленные структуры. В другой тип входят сложноподчиненные предложения с меньшей расчлененностью обеих частей (придаточная часть прикрепляется к какому-либо члену главной части, которая как бы вбирает в свой состав первую) – структуры одночленные. В первом типе выделяются конструкции, выражающие причинно-следственные, временные, условные и уступительные отношения. Во втором случае выделяются типы: присубстантивно-определятельный, местоименно-соотносительный и присказуемость-изъяснительный. Н.С. Пospelов определил главное различие двух типов сложноподчиненных предложений.

Разработанная Н.С. Пospelовым классификация СПП получила свое дальнейшее развитие в работах других ученых, в частности в трудах В.А. Белошапковой. Вместо термина 'одночленные и двучленные предложения' начали употреблять

термины 'нерасчлененные и расчлененные предложения'. В.А. Белошапкина установила, что в этих предложениях существует связь не между предикативными частями в целом, а между предикатами. Одновременно она определила способы связи между компонентами сложноподчиненного предложения: присловную, детерминантную и корреляционную. Присловная связь – это связь предсказующая, она предопределяется валентностью слова в главной части. Данная связь – признак нерасчлененной структуры. Детерминантная связь – связь непредсказующая, она аналогична связи обстоятельственного детерминанта в простом предложении. Такая связь – признак расчлененной структуры. Корреляционная связь возможна и в нерасчлененных, и в расчлененных структурах.

С.Е. Крючков и Л.Ю. Максимов, исследуя СПП русского языка, ставят перед собой следующую цель – создать такую структурно-семантическую классификацию, которая бы «давала возможность последовательно – от более общих формальных и связанных с ними семантических различий к более частным – описать все богатство моделей сложноподчиненного предложения и с точки зрения их структуры, и с точки зрения их семантики» [Крючков, Максимов, 1969: 48].

При описании структуры и семантики СПП авторы считают важными такие его элементы, как: 1) зависимость придаточного предложения от определенного слова в главном предложении или от всего главного; 2) наличие или отсутствие в главном предложении соотносительного слова; 3) связано главное и придаточное предложение союзами или союзными словами; 4) место придаточного по отношению к главному; 5) соотношение форм сказуемого главного и придаточного предложений.

Строение любого сложного предложения рассматривается как та или иная комбинация названных выше элементов, от которых зависит и общий характер выражаемых в СПП отношений. В результате возникла достаточно сложная (многомерная, по определению Л.Ю. Максимова) классификация СПП, в основе которой, однако, лежит «поспеловское» деление предложений на одночленные и двучленные.

Если сопоставить традиционную классификацию СПП (а фактически – придаточных) со структурно-семантической классификацией Н.С. Пospelова и его последователей, то они предстают как очень разные. Однако их объединяет одна общая черта: представления лингвистов об устройстве простого предложения экстраполируются на устройство сложного.

В структурно-семантической классификации СПП также отражен взгляд ее создателей на простое предложение: кроме подлежащего и сказуемого (или одного главного члена), в предложении возможны или присловные распространители (то есть распространители слова, обычно на базе согласования или управления), или распространители всей главной предикативной части в целом. Отсюда и деление СПП на одночленные и двучленные.

Однако вне зависимости от того, как мы оцениваем традиционную и структурно-семантическую классификации СПП, нельзя отрицать, что при том и при другом подходе авторы видят в устройстве простого и сложного предложений определенный изоморфизм, параллелизм. В рамках структурно-семантической типологии это подчеркивает В.А. Белошапкова, утверждая, что «в присловных и детерминантных предложениях связь между главной и придаточной частью имеет аналоги на уровне связи слов» [Грамматика современного русского литературного языка, 1970: 682].

В изложении классификации типов сложноподчиненного предложения мы опираемся на вариант структурно-семантической классификации, представленный в трудах В.А. Белошапковой.

Все СПП подразделяются на две большие группы – нерасчлененные предложения, в которых придаточная часть поясняет слово или словосочетание главной части, и расчлененные предложения, в которых придаточная часть относится к главной части в целом. На формальном уровне различие между двумя типами СПП проявляется в различии используемых средств связи. Поскольку придаточная часть нерасчлененного предложения порождается валентностью или семантикой опорного слова, связочные средства, используемые между частями предложения, носят ослабленный характер – это

асемантические (в другой терминологии – функциональные, синтаксические) союзы и союзные слова.

В татарском языке выделяется только присловная связь, поэтому не принято классифицировать сложноподчиненные и сложноспаянные предложения на предложения расчлененной и нерасчлененной структуры. Но для удобства сопоставления изучаемых языков можно отнести сложноподчиненные и сложноспаянные предложения татарского языка к предложениям нерасчлененной структуры.

В строении СПП в татарском языке имеются свои особенности, но в своей основе такие предложения в русском и татарском языках характеризуются одинаковыми признаками: в составе СПП придаточная часть по своим внешним признакам совпадает с самостоятельным простым предложением. Так, Н.К. Дмитриев выделяет два основных признака придаточных предложений: относительную логическую самостоятельность мысли и отдельно выраженное сказуемое [Дмитриев, 1948].

В тюркском языкознании лингвисты различают три вида сложноподчиненных конструкций: синтетические, аналитические, аналитико-синтетические. Синтетическим называется СПП, в котором придаточное подчинено главному предложению посредством сказуемого. В.Г. Адмони предлагает именовать тюркские СПП синтетического типа сложноспаянными предложениями [Адмони, 1982].

Вслед за В.Г. Адмони академик М.З. Закиев выделяет в сфере сложных предложений татарского языка сложноспаянные. Ссылаясь на работы выдающихся тюркологов, М.З. Закиев отмечает, что «по общепринятому в тюркологии положению спаянное предложение обязательно должно иметь подлежащее в основном падеже» [Закиев, 1983: 36]. С другой стороны – подобные предложения с причастной конструкцией рассматривают как «особые промежуточные формы, в которых больше признаков осложненного предложения, чем придаточного» [Хакимзянов, 2009: 52].

Как собственно СПП представляются в тюркологии такие предложения, в которых придаточное подчинено главному при помощи средств, не входящих в форму сказуемого придаточного

предложения. Данные конструкции в татарском языке детально изучены и представлены в лингвистической литературе.

В аналитико-синтетических конструкциях средством связи главного и придаточного предложений являются аналитические и синтетические средства.

Академик М.З. Закиев предлагает рассматривать и четвертый тип сложного предложения – сложномодальное, т. е. сложное предложение с вводным предложением, которое подчиняется главному предложению посредством релевантной просодемы. Таким образом, в «Татарской грамматике» конструкция четвертого вида обозначается как функциональная разновидность СПП [Татарская грамматика, 1999: 388].

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что СПП в исследуемых разноструктурных языках существенно отличаются друг от друга.

Во-первых, если в русском языке сложноподчиненные предложения представляют собой аналитические конструкции, то в татарском языке данные предложения бывают аналитическими, синтетическими и аналитико-синтетическими. В татарском языке, таким образом, выделяют два вида предложений с главной и зависимой частями: сложноподчиненное и сложносвязное, что является специфической особенностью синтаксиса татарского языка.

Во-вторых, различия наблюдаются в количественном составе, семантической и стилистической окраске средств связи, т. е. союзов и союзных слов, связывающих главное и придаточное предложение.

В-третьих, СПП татарского языка характеризуются постоянным порядком расположения их частей, подчиняясь общей закономерности порядка слов в тюркских языках. В то время как придаточные части в сложноподчиненных предложениях русского языка могут занимать по отношению к главному любое положение: препозицию, постпозицию и интерпозицию [Байрамова, 1997: 102].

Несмотря на различие классификаций СПП в тюркологии и русистике, сходство смысловых отношений, возникающих между частями СПП, дает возможность провести их сопоставление. Эти различия основаны на том, что «не все типы

сложноподчиненных предложений татарского языка имеют прямое соответствие в классификации русского языка и наоборот. Однако и та, и другая классификации учитывают смысловые отношения между компонентами сложноподчиненных предложений, что дает возможность на основе сопоставления аналогичных по значению конструкций выявить общие, сходные и специфические черты татарских и русских сложноподчиненных предложений» [Зиннатуллина, 1980: 97].

Итак, в изучаемых разносистемных языках выделяются следующие виды сложных предложений, между частями которых выражаются сравнительные отношения: сложноподчиненные и бессоюзные предложения – в русском языке; сложноподчиненные, сложносочиненные и сложносочиненные предложения – в татарском языке. Рассмотрев историю изучения сложных предложений в русистике и тюркологии, мы в следующем параграфе этой главы предпринимаем попытку сопоставительно-типологического исследования функционирующих в русском и татарском языках сложных синтаксических конструкций, выражающих семантику сравнения.

2.2. Способы выражения сравнительных отношений в сложных предложениях русского и татарского языков

Категория сравнения в системе паратаксиста / гипотаксиста исследуемых языков репрезентируется в СПП расчлененной и нерасчлененной структуры и БСП в русском языке; в СПП, сложносочиненных (ССП – далее) и сложносочиненных предложениях (ССП – далее) в татарском языке.

СПП, выражающие сравнительные отношения, в анализируемых языках существенно отличаются друг от друга. Однако немалое сходство в смысловых отношениях между их частями позволяет провести их сопоставительный анализ, несмотря на различие классификаций. В СПП, между частями которых возникают сравнительные отношения, представлено

сходство двух событий (ситуаций). В грамматиках татарского языка сравнительные придаточные предложения изучаются в рамках предложений с придаточной частью образа действия [Закиев, 1992]. В русском языкознании выделяется два типа сравнительных предложений: предложения с детерминантной связью (предложения расчлененной структуры) и предложения с корреляционной связью (предложения нерасчлененной структуры). В СПП с детерминантной связью в качестве средств связи выступают семантические союзы, а предложения классифицируются по типу синтаксических отношений, создаваемых этими союзами. Семантический союз не просто определяет характер отношения между частями, но и предопределяет структурные особенности СПП в целом.

В соответствии с семантикой придаточных предикативных единиц в СПП расчлененной структуры русского языка можно выделить ряд разновидностей. Во-первых, предложения, имеющие характер сопоставительной параллели, и, во-вторых, предложения, поясняющие главное путем зарисовки образной ситуации [Широкова, 1963: 34].

Предложения первой разновидности, т. е. СПП, имеющие характер сопоставительной параллели, либо комментируют содержание главного предложения, либо сопоставляют два действия. Придаточное предложение может вводиться только союзом *как*. Например: *Авдотья, десять лет проработавшая на ферме в ту пору, когда Спиряк Воронок был еще заведующим, привыкла выполнять его приказы автоматически, как старая кавалерийская лошадь выполняет давно заученную команду* (Б.Можаев); *Счастье творчества – это когда вам ясно видно бывает, что рассказ ваш складывается сам, как складываются в природе кристаллы* (М.Пришвин); *Я таю сам, как тает снег* (Б.Пастернак).

В предложениях данной разновидности придаточные предикативные единицы посредством союза *как* указывают на реальное сравнение, а также обозначают обычность или повторяемость действия. Например: *Но, во всяком случае, ощущение одинокого сада и холодных лесов, тянущихся за околицей на десятки километров, лесных озер, где в такую ночь, конечно, не может быть ни единой человеческой души, а только*

звезды отражаются в воде, как отражались сто и тысячу лет назад... – это ощущение помогло мне (К.Паустовский); *Ведя бой, они оттягивали противника все дальше и дальше в сторону, как это делает тетерка, притворяясь подраненной и отвлекая охотников от своих птенцов* (Б.Полевой).

СПП второй разновидности отличаются тем, что придаточные предикативные единицы дают образный комментарий, вводятся только союзами модальной группы (*будто, как будто, словно, точно* и др.) и выражают значение ирреального сравнения, или сравнительно-условную семантику. Например: *Снег летел навстречу сухими мелкими хлопьями, **будто** канонада отряхивала с низкого неба обильный черемуховый цвет* (К.Паустовский); *Он (камешек) круглый, полупрозрачный, но полупрозрачная сердцевина его слека красновата, как **будто** в нем растворена капля крови* (В.Солоухин).

В связи с тем, что сравнение заключает в себе разнообразные смысловые нюансы, в русском языке существуют разные способы выражения сравнительной связи, т. е. различные союзы. В зависимости от значения союзов и по характеру ситуаций, привлекаемых для сравнения, сравнительные придаточные предложения можно разделить на две группы: 1) уподобление построено на соотнесении сравниваемого с общеизвестным, обычным (предложения с союзами, выражающими достоверное сравнение); 2) уподобление построено на основании субъективных ассоциаций (предложения с союзами, выражающими недостоверное сравнение).

Основу противопоставления достоверности / недостоверности составляет логико-модальный принцип. Современные взгляды на модальность в русском языке представлены в трудах В.В. Виноградова, где отмечается синтетическая связь и различия между объективной и субъективной модальностью, а также роль этой категории в формировании сложноподчиненного предложения.

При достоверном сравнении в придаточной части ситуация представлена как реальный факт или общеизвестное явление. Например: *Шел Самгин осторожно, как весной ходят*

по хрупкому льду реки (М.Горький); *Я боюсь этих строчек тыщи, Как мальчишкой боишься фальши* (В.Маяковский).

При недостоверном сравнении ситуация, представленная в придаточной части не имеет места в действительности и произвольно конструируется как субъективная интерпретация того, о чем сообщается в главной части. Специфика предложений, выражающих недостоверное сравнение, проявляется в особом соотношении модальных характеристик главной и придаточной части: придаточная часть характеризуется мнимым тождеством с действительностью, в ней не сообщается о реальной ситуации. Субъективно уподобляя, она только характеризует то, о чем сообщается в главной части как о реальном факте. Таким образом, предложения с недостоверным сравнением построены по принципу модального контраста главной и придаточной части. Например: *Пролился короткий изобильный дождь, будто опорожнилась над городом небесная бочка* (Ю.Нагибин); *Душевное состояние мое было такое, будто я, по чьему-то приказанию, шел с рогатиной на медведя* (А.Чехов).

Значение достоверности / недостоверности реализуется в языке при помощи средств грамматического и неграмматического характера.

В русском языке основную роль при определении значения достоверности / недостоверности играют лексико-синтаксические средства – союзы. Достоверное сравнение в русском языке выражается союзами *как, точно, подобно, так же как, точно так же как, прямо как, точь-в-точь как, подобно тому как, вроде того как, вроде как, как и, равно как (и), как... так и..., все равно что*, которые уточняют степень сходства между соотносимыми ситуациями. Например: *А это, заметь, Веруня, было то время, когда башибузуки вырезывали наши пикеты просто, так же как ярославская баба на огороде срезала капустные кочни* (А.Куприн). В предложениях со значением недостоверного сравнения условно-предположительный характер отношений выражается союзами: *словно, словно бы, будто, будто бы, как будто, как будто бы, точно, точно бы, как бы, вроде бы; как если бы, так же как если бы, все равно как если бы, ровно, ровно бы, чисто.*

Например: *Глубокая важность была в его закрытых глазах, и губы улыбались блаженно и безмятежно, как будто бы он перед расставанием с жизнью узнал какую-то глубокую и сладкую тайну, разрешившую всю человеческую жизнь* (А.Куприн).

Союзы являются важным средством связи частей сложного предложения и формируют модальное значение предложения. Следовательно, союзы являются наиболее яркими выразителями частных значений общего сравнительного значения и придают характеру сравнения свой семантический оттенок.

Сложноподчиненные предложения, в которых придаточные предложения присоединяются к главному при помощи союза *как*, могут содержать в себе сравнения того и другого характера, так как семантика потенциально неоднозначного элемента *как*, входящего в состав многих сравнительных союзов, дифференцируется при помощи сопровождающих его конкретизаторов. Например: *И вдруг на один момент мне сделается странно, странно, как будто бы все вокруг меня исчезло* (А.Куприн); *В моем бреду одна меня томит Каких-то острых мнений бесконечность, И непрерывно колокол звонит, Как бой часов отзванивал бы вечность* (Н.Гумилев); *И забыли о ней, как забывают обо всем на земле* (М.Горький).

Основным свойством СПП с показателем сравнения *как* является лексическое тождество или семантическая близость предикатов. Например: *Наконец, обветшало, стерлось, продырявилось и исчезло, как стираются и исчезают воспоминания ветра* (М.Булгаков). Лексическое тождество или семантическая близость предикатов главного и придаточного предложений служит основанием для существования неполных придаточных предложений. Например: *Тот, кто следит за тобой, – словно акула за маленькой рыбкой – Он твоей будет судьбой...* (А.Ахматова).

Структурный параллелизм главного и придаточного предложений обеспечивается координацией предикатов, их лексической и семантической общностью. На этом фоне и проявляется структурный параллелизм, представляющий

семантические контрасты между соотносимыми словоформами. Эти контрасты формируют большую или меньшую степень уподобления предметов или ситуаций и являются художественно-образительным средством. Например: **Смеюсь**, как юнга на канате **Смеется** в час великой бури (М.Цветаева); *Вслед за ней бежала младость, Как бежит за часом час* (М.Лермонтов).

Оценивая СПП с точки зрения характера контрастирующих форм, можно выделить следующие разновидности данных предложений:

1) в СПП модуль сравнения возникает на основе соотнесения двух предикатов, при этом наблюдается полная симметрия позиций главного и придаточного предложений. Например: *Свои бакенбарды и усы он **опекает**, как влюбленный в природу садовник **опекает** грядки и клумбы* (А.Алексин); *В механизме государственного организма **нужны** эти люди, как **нужны** волки в организме природы* (Л.Толстой);

2) в СПП модуль сравнения возникает также на основе соотнесения двух предикатов, но при этом контрастируют только подлежащие главного и придаточного предложений. Например: *Ведя бой, **они оттягивали** противника все дальше и дальше в сторону, как это делает тетерка, притворяясь подраненной и отвлекая охотников от своих птенцов* (Б.Полевой);

3) в СПП модуль сравнения возникает на основе соотнесения предикатов, но контрастируют только второстепенные члены. Например: *Он смотрел **на нее**, как смотрит человек **на сорванный им и завядший цветок*** (Л.Толстой).

На примере данных предложений можно рассмотреть следующие разновидности смыслов сравнения в зависимости от качества контрастирующих форм:

– действия сравниваются в отношении субъектов, объектов и обстоятельств;

– действия сравниваются в отношении субъектов и обстоятельств;

– действия сравниваются в отношении объектов или обстоятельств.

Следовательно, основным дифференциальным признаком, отличающим СПП с показателем сравнения *как* является то, что сравнение возникает в нем на основе семантической координации двух эксплицитно представленных тождественных предикатов. При этом следует отметить, что сравнение происходит в пределах двух предикативных ядер и сводится к их уравниванию в зависимости от характера контрастирующих форм.

В СПП, где уподобление построено на основании субъективных ассоциаций (предложения с союзами, выражающими недостоверное сравнение), условно-предположительный характер отношений выражается при помощи модально-сравнительных союзов *словно, словно бы, будто, будто бы, как будто, как будто бы, точно, точно бы, как бы, и вроде бы, как если бы, ровно* и др. Например: *Послышался звук, **словно** кто-то с размаху расколол полено...* (Б.Акунин); ***Как будто** сбрасывал с себя тяжесть, распрямился, плечами повел с таким удовлетворением, что Рогинский рот приоткрыл* (Д.Гранин). В данных предложениях придаточная часть характеризуется мнимым тождеством с действительностью, т.е. устанавливается предположительное сравнение, на условность которого указывает модальный союз.

В системе предложений, выражающих достоверное сравнение, М.В. Погорелова выделяет два основных семантических типа компаративных ситуаций: идентифицирующие и эталонные. Идентифицирующие ситуации не могут служить эталоном для сравнения, но они позволяют установить сходство сравниваемой ситуации с единичными или повторяющимися ситуациями. Эталонные ситуации могут служить эталоном, такие ситуации соотносят сравниваемое с общеизвестным. Недостоверные ситуации могут быть только идентифицирующими [Погорелова, 2004: 84-88].

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что употребление реальных недостоверных и ирреальных ситуаций возможно лишь в сравнительных конструкциях подобия. Употребление реальных достоверных ситуаций не ограничено, они могут встречаться во всех функциональных типах сложных сравнительных конструкций.

СПП, выражающие сравнительные отношения, но наличие или отсутствию соотносительных слов в главной части можно свести к двум типам:

– собственно-сравнительные конструкции с показателем сравнения *как*. Например: *Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас обоих сразу* (М.Булгаков).

– сравнительно-сопоставительные конструкции с показателем сравнения *как*, имеющими соотносительное слово *так*. Например: *Иван Петрович поклонился так, как всегда кланялся с дамами: одной головой, не сгибая спины* (А.Куприн).

Аналогом СПП местоименно-соотносительного типа русского языка в татарском языке выступают СПП с придаточной частью образа действия. В татарском языке придаточная часть образа действия, выражающая сравнительные отношения, присоединяется к главному предложению при помощи союзов *гүя*, *гүя ки* и союзных слов *әйтерсең*, *диярсең*. СПП с союзами *гүя*, *гүя ки* в основном встречаются в письменном литературном языке. Например: *Бу иртәнең жылы тынлыгы, урманның өлкән гамьсезлеге каядыр якында гына мәрхәмәтсез сугыш, кан һәм үлем барлыгын онытып торырга мәҗбүр итә, гүя ак томан ул дәһшәтләрне үз эченә яшерә һәм кешедән ераклаштыра* (Ә.Еники) / *Теплая тишина утра, величавое спокойствие леса заставляют забывать об идущей где-то недалеко жестокой войне, о крови и смерти, как будто молочная белизна тумана прячет и отдаляет от человека эти ужасы; Әгәр шундый төннәрдә Иләк йолдызга күз текәп, озаграк карап торсаң, алар хәрәкәттә кебек, гүя бөтен төркөмнәре белән биеккә-биеккә менеп баралар, гүя күз алдында, боз кисәкләредәй, әкрен-әкрен генә эриләр* (Г.Әпсәләмов) / *В такие ночи, когда смотришь на звезды пристально, неотрывно, начинает казаться, будто они движутся, всем роем уходят ввысь, тая на глазах медленно-медленно, как льдинки; Ул колагы төбөненән чинап, сызгырып үткән һәр пуля турында уйлана; гүя, ул пуля тисә, бары тик чеметеп кенә алыр кебек тоела* (Ә.Еники) / *Зариф чувствовал на лице воздушную волну от разрывов снарядов, слышал свист*

пуль, пролетающих мимо уха, но ему казалось, как будто пуля лишь уцпипнет его слегка.

СПП с союзными словами *эйтерсең, диярсең* устанавливают конкретизирующие отношения. Придаточное предложение, подчиненное главному при помощи данных союзных слов, выражает процесс или явление, которому уподобляется процесс или явление, обозначенное каким-нибудь членом главного предложения. Данные союзные слова употребляются в составе придаточного предложения. Например: *Күзлеген борын очына гына элгән Карп Васильевич картларча ашыкмыйча, экрен генә атлый, ә Газинурның күкрәгендә, **эйтерсең**, казан кайный, ул колын шикелле юргаларга гына тора (Г.Әпсәләмов) / Карп Васильевич шагает по-стариковски, медленно, очки у него сдвинуты на самый кончик носа, а в груди у Газинура как будто кипит котел, он все норовит пуститься вскачь, как жеребенок; Йолдызлар шундый күп, **эйтерсең**, берсе өстенә берсе кат-кат өелешеп беткәннәр (Г.Әпсәләмов) / Звезд так много, как будто они тесно жмутся друг к дружке; Аңа рәхәт иде, **эйтерсең** бабай аны “туган туфракның” саф суына манып алды...(Ә.Еники) / Ей было так хорошо, как будто дед окупил ее в чистую воду “родной земли”.*

В отличие от русского языка в татарском языке выделяются еще и сложноподчиненные конструкции синтетического типа – сложноспаянные предложения, что является специфической особенностью всех тюркских языков [Юсупов, 2010: 278]. В сложноспаянных предложениях подчинительное отношение между частями выражается формой сказуемого зависимого предложения. В этих предложениях зависимое предложение называется спаянным, а господствующее – главным. В качестве средств связи в спаянном предложении выступают аффиксы *-мыни/-мени* и аффиксы наречий *-ча/-чә, -дай/-дәй*. Наличие спаянных предложений является дифференциальной особенностью синтаксической структуры татарского языка. Например: *Профессор да, Маһирә ханым да, иңнәрен авыр йөк баскандай, сыгыла төшеп, уйга калып утыралар (Г.Әпсәләмов) / И профессор, и Магира ханум сидят пригнувшись, словно тяжелая ноша давит им на плечи; – Туганнар! – дип кычкырып жиберә*

Федор ата, төркем өстеннән яшен чатнап узамыни, бөтен кеше уртага тартылып, кыймылдап куя (А.Гыйләжев) / – Родные! – крикнул отец Федор, и словно молния сверкнула над толпой, все шевельнулись и подвинулись к середине; Альфред, корт чаккандай, сикереп урыныннан торды (А.Расих) / Альфред, словно его пчела ужалила, вскочил с места; Шәкерт, чынлап та елан чаккандай, үз-үзен белештермичә сикереп-чинап жибәрә (Ә.Еники) / Шакирд, словно его действительно ужалила змея, начал прыгать и визжать.

В качестве средств связи в сложнопаянных предложениях выступают также послелог *кебек*, *сыман*, *шикелле*, *төсле* в сочетании с глагольной формой на *-ган*. Данные сложнопаянные предложения выражают значение сравнения действия или явления, обозначенного придаточной частью, с действием или явлением, описанным в главной части. Например: *Даниловның пулемет көпшәсе өстенә таянган кулында..., дары чәчрәгән төсле, бөрчек-бөрчек кара тарылар күренә (Г.Бәширов) / На руке Данилова, которой он прислонился к стволу пулемета, видны черные крапинки, как будто посыпали порохом; Алар да борныйлар икән, бәрәңге борнаган күк (С.Хәким) / И они, оказывается, всходят, как всходит картофель; Аның әйләнәсендәге аксыл якты күк, алтын тузанында аунаган үтә күренмәле юка ефәкне кемнәрдер йөгәрә-йөгәрә жәйгән шикелле, һаман ачыла бара, һәм ераклашкан болытларның күкрәве аның өстен сыйпап, тигезләп үткәндәй тоела иде...(Ә.Еники) / Небо вокруг него все больше и больше светлеет и озаряется золотым светом, как будто кто-то стелет тонкий золотистый шелк, грозовые тучи уходят все дальше и дальше; Көнбагыш кояшка гашийк булып, аның артыннан көннең-көн буе башын бора биреп карап торган кебек, Газинур да һәрвакыт Гали абзыйга таба борылып карый-карый, бер-бер эшкә тотынса, бу турыда Гали абзый ни әйтер икән, дип күңеленнән уйлап ала (Г.Әпсәләмов) / Как влюбленный в солнце подсолнух целыми днями провожает его взглядом, так и Газинур все время оглядывается на Гали абзый; начиная новое дело, всегда думает о том, что бы сказал на это Гали абзый; Аларны көтүдә сарык өлеп торган кебек тупладылар (Н.Дәүли) / Их собрали всех вместе, как собирают овец в стадо.*

СПП, в которых в качестве средств связи выступают местоименные слова занимают особое место в системе подчинительной связи. В русской синтаксической науке они квалифицируются как соотносительные слова, соотносительные пары или корреляты, а в татарской – с 1958 года как «парные относительные слова» [Закиев, 1992: 378].

Рассмотрим СПП нерасчлененной структуры русского языка и СПП с парными относительными словами татарского языка, которые формируются различными типами контактных слов.

В русском языке в функции соотносительного слова в СПП, выражающих сравнительные отношения, выступают указательные местоимения (*такой, таков, столько и др.*) или местоименные наречия (*так, настолько, столь и др.*), которые вместе с союзами или союзными словами образуют корреляты. Например: *Барс говорил с необычайной быстротой и всегда так, словно ему необходимо в кратчайший срок выразить очень извилистую мысль со всеми ее придатками, ускользающими хвостиками, захватить, подправить все это* (В.Набоков); *Как ночь слепа, так я был слеп, И думал жить слепой...* (А.Блок); *Хвоя криптомерий пахла так крепко, как могут пахнуть только сто сосновых, покрытых желтой смолой кораблей* (К.Паустовский); *Было так тихо, как только бывает в лесу в безветренный день* (А.Куприн); *Как излучают цветы аромат, Так и влюбленные свет излучают* (А.Дементьев); *Лошади, вытянув шеи, тихо пили воду, и Колчерикий с удовольствием следил за ними, и кадык на его горле двигался так, словно он сам пил воду* (Ф.Искандер); *...он работал так, как будто вокруг него были не живые люди, а автоматы, производящие те или другие действия, полезные для развития науки* (В.Каверин). В данных примерах соотносительное слово *так* выступает в главной части в положении обстоятельственного члена, семантика которого раскрывается в придаточном предложении.

В подобных предложениях местоименное наречие *так* может быть заменено синонимичными соотносительными словами. Например: *Все так же лениво шевелил сухие сережки на ольхе теплый ветер; все так же, словно под тугими белыми парусами проплывали в вышней синеве облака...* (М.Шолохов);

Мы до сих пор смотрим на европейцев и Европу в том роде (так – Б.Р., С.С.), как провинциалы смотрят на столичных жителей – с подобострастием и чувством собственной вины, принимая каждую разницу за недостаток, краснея своих особенностей, скрывая их, подчиняясь и подражая (А.Герцен).

В роли соотносительного слова могут также выступать местоименные наречия *столько, настолько* и синонимичные соотносительные слова, которые подчеркивают количественную сторону признака, названного сказуемым. Например: *Ветер был **настолько** порывист, изменчив и влажен, словно только что кружился над вздыбленными льдинами, над бурлящими черными разводьями (Г.Николаева).*

В роли соотносительного слова может выступать и местоимение *такой*, которое выступает в роли определения и служит для подчеркивания признака. Например: *Он кивнул и быстро пошел к себе с **таким** видом, будто очень куда-то спешил (Б.Акунин); Рубин заговорил с **такой** легкостью и складом, будто глаза его действительно скользили по бумаге (А.Солженицын); Колчерикий пробовал отшучиваться, но, видно, все-таки струхнул, потому что побрился, продел свою руку в красную повязку и ходил по деревне, глядя на руку с **таким** видом, словно она вот-вот должна взорваться, а ему, да и окружающим только и остается, что остерегаться осколков (Ф.Искандер).*

В татарском языке отношение сопоставления выражают аналитические конструкции с относительными парными словами (*ничек – шулай, ни чаклы – шул чаклы и др.*). Например: *Кигән кием **ничек** туза, Яшь гомер **шулай** уза (Жыр) / Как изнашивается одежда, Так проходит молодость; Агачта яфрак **ни чаклы**, Бездә шатлык **шул чаклы** (М.Кәрим) / Сколько листьев на дереве, Столько радости у нас; **Купме** булса сездә көч һәм ялыкын, **Шул кадәрле** жирдә хакыгыз (М.Жәлил) / Сколько дано вам огня и свободы, Столько дано вам прожить на земле!; Бал корты чәчәктән чәчәккә кунып **ничек** бал жыйса, Газинур да халыктан ишеткән сүзләрне **шулай** хәтер сандыгына жыйган (Г.Эпсәләмов) / Как пчелы собирают пыльцу, перелетая с цветка на цветок, так и Газинур собирал и запоминал все услышанное. Из этих примеров видно, что два*

элемента сравнения – предмет и образ – выступают в двух предложениях: образы сравнения находятся в придаточном предложении, а предметы сравнения – в главном предложении. Однако не все соотносительные слова являются средством выражения подчинительного отношения, а только те, которые находясь в главном предложении, замещают придаточное предложение в целом и устанавливают связь между ними. Если указательно-местоименные слова заменяют лишь какой-нибудь член предложения, а не все предложение, то они не являются соотносительными словами.

В русском языке в группе местоименно-соотносительных предложений В.А. Белошапкова рассматривает СПП фразеологического типа, которые характеризуются тем, что главная часть в них отражает структурно-обязательное соотносительно-местоименное слово с определительным (качественным или количественным) значением, функцию же союзных средств выполняют асемантические союзы ирреального сравнения *будто, словно, как будто* и др. Предложениям с коррелятами *такой – будто; так – словно* и др. в русском языке соответствуют СПП сравнительного типа с союзами или союзными словами *гуя, айтерсең, диярсең* в татарском языке. Например: *Кусок осеннего неба за окном был **таким** струящимся и синим, **будто** снаружи еще сияло лето* (М.Шолохов) // *Әле күптән түгел генә ком тутырылган кебек авырайган аяклары хәзер шундый әңиңел атлый, **айтерсең**, Мансурның пар канаты бар* (Г.Әпсәләмов) / *Еще недавно ноги были такие тяжелые и уставшие, а сейчас зашагали так легко, словно у Мансура выросли крылья.*

Весьма часто в художественных произведениях используются местоименно-соотносительные предложения, где соотносительное слово выступает в роли сказуемого. Например: *У него был **такой** вид, как будто он только что проводил делегацию арабских шейхов, прилетевших его проведать* (Ф.Искандер); *Вид у Миркаса был **такой**, будто он только что старушку топором зарубил* (Л.Улицкая).

В местоименно-соотносительных предложениях русского языка придаточное предложение, с одной стороны, выполняет функцию конкретизации соотносительного слова. Например: *И*

тихо, так, Господи, тихо, Что слышно, как время идет (А.Ахматова). С другой – придаточные предложения настолько самостоятельны и независимы, что могут быть введены после разделительной паузы. Например: *Алька подбежала скоком – глупа еще, чтобы девичьей поступью, но такая счастливая! Как если бы автомобиль выиграла по лотерейному билету* (Ф.Абрамов). Процессу парцелляции подвергаются предложения как расчлененной, так и нерасчлененной структуры, об этом говорится в трудах А.П. Сковородникова, Ю.В. Ванникова, В.И. Зельцера, Г.Н. Рыбаковой, С.С. Сафоновой и др. Парцелляция – это «такой прием экспрессивного синтаксиса письменного литературного языка, существо которого состоит в расчленении синтаксически связанного текста на интонационно обособленные отрезки, отделяемые знаком точки» [Иванчикова, 1968: 279]. Говоря о распространенности парцеллированных конструкций, Е.А. Иванчикова отмечает, что «признаком их узаконения литературным языком служит уже частично наметившаяся их постепенная стилистическая нейтрализация и шаблонизация» [Иванчикова, 1968: 297]. В анализируемых языках «явление порционной подачи частей и их актуализации прогрессирует, его активизация связана <...> со стремлением передать сообщение по принципу постепенного нанизывания информации, свойственному разговорной речи. <...> Явление парцелляции, способствующее экспрессивности конструкции <...> создает эффект естественности речевого процесса [Сафонова, 2006: 71, 74].

Как в русском, так и в татарском языках соотносительные слова должны находиться в составе главного предложения, и их синтаксическая функция должна совпадать с функцией придаточного предложения.

Сравнительные отношения в русском языке в рамках СПП нерасчлененной структуры выражаются и придаточной прикомпаративной частью посредством союзов *чем, нежели*. Придаточная часть в этих СПП распространяет компаратив прилагательного, наречия или категории состояния в главной части. Они имеют двучленное строение, а показателями тесного взаимодействия главной и придаточной частей являются двойной союз *чем...тем*. Синтаксическое значение таких

предложений объектно-сравнительное: придаточная часть иллюстрирует объект сравнения: Например: *Чем неосуществимее мечта, тем пленительнее, чем пленительнее, тем неосуществимее* (И.Бунин); *Но я знаю и то, что, чем дороже мне моя мечта, тем менее надежд на достижение ее* (И.Бунин); *Говорит, точно поет, и чем дальше, тем складней звучат слова* (М.Горький). В основе сравнительно-сопоставительного значения конструкций с союзом *чем...тем* лежит значение пропорционального соответствия. Значение пропорционального соответствия основывается на компаративе, присутствие которого обязательно в составе обеих частей, а в главной части – в качестве опорного компонента.

Данные предложения рассматриваются в «Русской грамматике» (1980) как компаративные. «Компаративными называются сложноподчиненные предложения, в главной части которых присутствует форма сравнительной степени (компаратив), выполняющая роль опорного компонента по отношению к придаточной части, вводимой союзом. Различаются два вида компаративных предложений: 1) предложения, строящиеся с участием одного компаратива (однокомпаративные); 2) предложения, строящиеся с участием двух компаративов (двухкомпаративные)» [Русская грамматика, 1980: 488].

Рассмотрим однокомпаративные предложения, которые можно распределить по двум группам:

- сравнительные предложения, где компаратив является необходимым компонентом главного предложения, который выражает акт сравнения;

- сопоставительные предложения, где компаратив не является обязательным компонентом главного предложения.

Рассмотрим первую группу сравнительных предложений, где компаратив является структурно необходимым и лексически неограниченным компонентом главного предложения. Например: *Волосы его были гораздо светлее, чем Даша их представляла...* (А.Толстой). Структура данных предложений характеризуется регулярной неполной придаточной части.

Во второй группе однокомпаративных предложений «сопоставляются два действия или состояния с точки зрения

предпочтительности одного другому» [Русская грамматика, 1980: 490]. Например: *Лучше согласен я крыс и мышей в моей комнате слушать, Лучше колеса пускай гремят непрестанно у окон, Чем этот шум и удары глупых бессмысленных капель* (А.Фет).

Рассмотрев СПП, выражающие сравнительные отношения, перейдем к анализу БСП русского языка. В БСП, связанных сравнительно-сопоставительными отношениями, сообщается о двух ситуациях, которые актуализируют одна другую. Например: *Тучам солнца не скрыть – войне мир не победить* (Пословица); *Молвит слово – соловей поет* (М.Лермонтов); *...Посмотрит – рублем одарит* (Н.Некрасов).

В бессоюзных сложных предложениях, выражающих семантику сравнения, содержание первой части сравнивается с содержанием второй части, но не наоборот. Например: *От слежавшихся в сундуке юбок, стуртуков и шалек пахло нафталином и еще чем-то сладко-тяжелым; так пахнут старушечьи затасканные канунницы* (М.Шолохов). Такие предложения по семантике близки к СПП с придаточным сравнения.

В то же время в русском языке значение сравнения могут передавать и БСП с противительными отношениями. Такие сравнительные конструкции, где отрицается объект сравнения и утверждается образ сравнения, называют еще и отрицательными сравнениями. Например: *- А ты, Павел, не шуми... Не спеши языком, торопись делом* (П.Воронин); *Не бойся собаки брехливой, бойся молчаливой* (Пословица).

В татарском языке семантика сравнения передается также и сложносочиненными предложениями, хотя данный тип предложений не так часто встречается в произведениях художественной литературы. Например: *Гомрем минем моңлы бер жыр иде, Улемем да яңгырар жыр булып* (М.Жәлил) / *Жизнь моя песней звенела в народе, И смерть моя песней борьбы прозвучит*. В данном предложении устанавливается сходство между двумя частями при помощи союза *да*.

Сравнительное значение в сложных предложениях татарского языка может выражаться и посредством интонации.

Например: *Үпкә – дошман, гакыл – дус* (Пословица) / *Обида – враг, ум – друг*.

Таким образом, сложные предложения исследуемых языков отличаются тем, что в русском языке семантику сравнения могут выражать сложноподчиненные и бессоюзные предложения, а в татарском языке – сложноподчиненные, сложнопаянные и сложносочиненные предложения. Бессоюзная связь в русском языке используется для объединения частей сложных структур, в том числе и для обозначения сравнительных отношений между ними. Основной сферой функционирования бессоюзных сложных предложений со значением сравнения является разговорная речь, в произведениях художественной литературы русских классиков предложения данного типа встречаются достаточно редко. В бессоюзных предложениях, выражающих сравнительные отношения, имеются специфические способы передачи смысловых отношений между его частями: четко выделенные две формально-самостоятельные части и отсутствие формальных показателей связи. В татарском языкознании конструкции с бессоюзной связью как самостоятельный тип сложного предложения не выделяются, но в них фиксируются определенные семантические отношения. Данные предложения квалифицируются как сложносочиненные или сложноподчиненные соответственно на основе их общего семантического сходства, хотя бессоюзная связь в тюркских языках оформилась задолго до появления сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. В отличие от русского языка в татарском языке семантику сравнения могут выражать и сложносочиненные предложения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнение, основное назначение которого состоит в познании предметов и явлений действительности, в их уподоблении и различении, в изучении их многосторонних связей и зависимостей, получает выражение в семантике языковых единиц, представляющих собой в совокупности функционально-семантическую категорию компаративности.

В результате проведенного анализа нам удалось установить сходства и различия в репрезентации категории сравнения и функционировании сравнительных конструкций в русском и татарском языках.

В соответствии с учением о семантических формах мышления в функционально-семантическом поле сравнения в сопоставляемых языках выделяются микрополя различных ступеней по принципу поля с онтологическим и гносеологическим расщеплением.

На первой ступени выделяются микрополе уподобления и микрополе различия.

На второй ступени микрополе уподобления разделяется на микрополя реального и ирреального сходства.

На третьей ступени каждое из микрополей второй ступени распадается на два микрополя на основе полноты / неполноты сравнительной конструкции. При эксплицитном выражении всех четырех компонентов сравнительные структуры относятся к микрополю полноты. К микрополю неполноты мы относим сравнительные конструкции, в которых эксплицитно выражены не все компоненты.

На четвертой ступени микрополя уподобления каждое из микрополей третьей ступени распадается на два микрополя: микрополе дискретного отражения структурных компонентов сравнения, когда каждый элемент сравнения имеет свое выражение, и микрополе недискретно-дискретного отражения структурных компонентов сравнения, когда два компонента сравнения представлены слитно в одной словоформе.

Микрополе различия состоит из трех микрополе второй ступени: микрополе превосходства, микрополе сниженности проявления признака и микрополя общего различия.

Таким образом, сравнение в традиционном понимании – это сравнение двух предметов, обладающих одним свойством, которое в одном из них проявляется в большей или меньшей степени, или уподобление одного предмета другому в определенном отношении. Этот вид сравнения в лингвистической литературе называют собственно компаративом. Если же рассматривается сравнение, при котором качество предмета сопоставляется с определенной нормой, то данный вид называется интенсивом.

Субъективность сравнения зависит от интенций, мотивов, установок и эмоций адресанта, от коммуникативной ситуации, ее условий, а также определяется личностью самого реципиента (воспринимающего) / адресата (слушающего), поэтому одна и та же ситуация может быть ассоциирована или воспринята с разных сторон при одинаковых условиях. Выбор основания или «компаративной константы» (М.И. Черемисина) продиктован конкретной целью говорящего.

Образная основа сравнительных единиц русского и татарского языков опирается на различные культурные коды, которые отражают способ мышления представителей этих этносов и определяют содержание и формы языковых репрезентаций: биоморфный, анимический, антропоморфный, объектный и др.

Рассматривая структуру ФСП на примере анализа типологической категории сравнения в русском и татарском языках, можно отметить его моноцентричность. Ядро данного функционально-семантического поля составляет грамматическая категория сравнения. Этот вид конструкции (собственно

компаративы) включает следующие компоненты: объект сравнения, образ сравнения, общий признак и показатель сравнения. Собственно компаративы могут выражать как различие между предметами, так и тождественность, общность, сходство предметов.

На основе результатов исследования структурных, функциональных, семантических особенностей разноуровневых экспонентов сравнения мы можем сделать вывод о четкой моноцентрической структурированности ФСП компаративности в сопоставляемых языках, постепенности перехода от центра к периферии поля. Форма сравнительной степени, будучи ядром ФСП компаративности, является организующим центром и в сложных синтаксических конструкциях, где в состав главной части предложения включены объект сравнения и сравнительная степень, а придаточная часть присоединяется союзом. В подобных сложноподчиненных предложениях характер сравнения оказывается более сложным по содержанию, так как в сравнение включаются временные и модальные характеристики.

Арсенал периферийных средств репрезентации семантики сравнения представлен конститuentами различных уровней: синтаксические конструкции со значением сравнения, лексико-грамматические и фразеологические средства. В самых отдаленных от центра зонах поля компаративности располагаются средства контекста, в которых грамматическая форма лишь в комплексе с определенными элементами контекста выражает данную функцию.

Наиболее ярко сравнительную семантику реализуют компоненты синтаксического уровня. Это, во-первых, сравнительные обороты с союзами *как*, *словно*, *будто*, *как будто* и др. в русском языке, послелогоми *кебек*, *шикелле*, *төсле*, *сыман* и др. в татарском языке. Во-вторых, сложноподчиненные предложения с придаточным сравнительным в русском языке и сложноподчиненные предложения с придаточной частью образа действия в татарском языке. В-третьих, сложные бессоюзные предложения с имплицитным сравнительным значением в русском языке. В татарском языке бессоюзные конструкции квалифицируются как сложносочиненные или

сложноподчиненные на основе их общего семантического сходства.

Семантика сравнения на уровне простого предложения в русском и татарском языках передается системой языковых единиц различных уровней. Сравнения оформляются синтаксическими средствами (союзами, послелогоми), морфологическими средствами (предложно-падежными формами имени существительного, аффиксами), лексическими средствами (метасловами сравнения). Система средств выражения сравнительного значения представляет собой ядро-периферийную организацию. В центре данной языковой системы располагаются союзы реальной и ирреальной модальности в русском языке и послелогии в татарском языке. Сравнительные союзы образуют различные с грамматической точки зрения структуры. В простом предложении сравнительный союз соединяет как главные члены предложения, так и различные синтаксемы (словоформы). В предложении, где компоненты сравнительной конструкции – словоформы, сравнительные союзы образуют два основных типа конструкций: конструкции с параллельными членами при двусторонней связи и конструкции без параллельных членов. В русском языке среди других средств выражения семантики компаративности употребляется творительный падеж сравнения, который не только является образом сравнения, но и играет роль формального показателя сравнительных отношений.

На периферии системы средств выражения сравнительного значения располагаются предлоги со сравнительным значением и метаслова сравнения, которые объединяют различные лексико-грамматические разряды слов: глаголы (*походить, смахивать, напоминать* и др.), имена прилагательные (*похожий, подобный* и др.), имена существительные (*типа, цвета* и др.). Метаслова сравнения имеют сложно организованную систему функций, выполняя служебную функцию без перехода в разряд служебных слов.

В русском и татарском языках существуют переходные сравнительные конструкции в системе простого и сложного предложения, представляющие собой целостные единства, которые обладают той или иной степенью предикативности.

Значительное сходство большинства сравнительных единиц по структуре, значению и функциям позволяет предположить универсальность осложнения простого предложения как явления синтаксиса, в частности, сравнительные обороты русского и татарского языков являются однотипными осложняющими компонентами. В целом функционирование компаративных конструкций в разносистемных языках свидетельствует об универсальности грамматической репрезентации семантики сравнения в рамках осложненного предложения, несмотря на структурное различие русского и татарского языков.

В ФСП компаративности синтаксические конструкции в виде сложноподчиненных предложений с придаточным сравнительного типа в русском и татарском языках существенно отличаются друг от друга. Во-первых, если в русском языке сложноподчиненные предложения представляют собой аналитические конструкции, то в татарском языке данные предложения бывают аналитическими, синтетическими и аналитико-синтетическими. В татарском языке, таким образом, выделяют два вида предложений с главной и зависимой частями: сложноподчиненное и сложносвязное, что является специфической особенностью синтаксиса татарского языка. Во-вторых, различия наблюдаются в количественном составе, семантической и стилистической окраске средств связи, т.е. союзов и союзных слов, связывающих главное и придаточное предложение. В-третьих, сложноподчиненные предложения татарского языка характеризуются постоянным порядком расположения их частей, подчиняясь общей закономерности порядка слов в тюркских языках, в то время как придаточные части в сложноподчиненных предложениях русского языка могут занимать по отношению к главному любое положение: препозицию, постпозицию и интерпозицию.

В зависимости от значения союзов и по характеру ситуаций, привлекаемых для сравнения, сравнительные придаточные предложения можно разделить на две группы: 1) уподобление построено на соотнесении сравниваемого с общеизвестным, обычным (предложения с союзами, выражающими достоверное сравнение); 2) уподобление построено на основании субъективных ассоциаций

(предложения с союзами, выражающими недостоверное сравнение). Союзы являются важным средством связи частей сложного предложения и формируют модальное значение предложения. Следовательно, союзы являются наиболее яркими выразителями частных значений общего сравнительного значения и придают характеру сравнения свой семантический оттенок.

В русском языке в сложных бессоюзных предложениях, выражающих сравнительные отношения, имеются специфические способы передачи смысловых отношений между его частями: четко выделенные две формально-самостоятельные части и отсутствие формальных показателей связи. Следовательно, данные конструкции отличаются как в структурном, так и в стилистическом плане.

Итак, в сопоставляемых языках сравнение представляет собой гетерогенную систему, так как состоит из элементов различных уровней языка (лексическими, словообразовательными, морфологическими, синтаксическими), отличающихся друг от друга по структуре, объему, количеству составляющих их единиц, оттенка значения, но находящихся во взаимосвязи и взаимозависимости.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

а) на русском языке

Абрамов Ф.А. Собрание сочинений: в 6 т. – Л., 1991. Т. 3. Повести. – 572 с.

Айтматов Ч.Т. Белый пароход. Прощай, Гульсары! – М.: Пушкинская библиотека: АСТ: Астрель, 2005. – 349 с.

Акунин Б. Алмазная колесница. В 2 т. – М.: Захаров, 2005. – Т. 1. – 592 с.; Т. 2. – 208 с.

Астафьев В.П. Собрание сочинений в 4-х т. – М.: Молодая гвардия, 1981. – Т.4. – 558 с.

Ахматова А.А.

Блок А.А. Изборник. – М.: Наука, 1989. – 288 с.

Бунин И.А. Повести и рассказы. – М.: Современник, 1984. – 416 с.

Гончаров И.А. Обрыв. – М., 1985. – 736 с.

Гранин Д.А. Еще заметен след: Повести и рассказы. – Л.: Сов. писатель, 1985. – 368 с.

Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома. – Красноярск: Кн. изд-во, 1983. – 296 с.

Есенин С.А. Собрание сочинений в 3-х т. Т.1. – Москва: ТОО «Кузнецкий мост», 1994. – 330 с.

Ильф И.А. и Петров Е.П. Двенадцать стульев. Золотой теленок. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1990. – 639 с.

Искандер Ф.А. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. – М.: Молодая гвардия, 1992. – 571 с.

Куприн А.И. Гранатовый браслет: Сборник. – М.: МП «Вернисаж», 1994. – 256 с.

Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Т. 2. – М.: Правда, 1990. – 704 с.

Нагибин Ю.М. Избранное. – М.: ТЕРРА, 1994. – 624 с.

Набоков В.В. Лолита. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1991. – 288 с.

Пикуль В.С. Битва железных канцлеров. – М.: Изд-во АСТ, 1989. – 592 с.

Платонов А.П. Государственный житель. – Мн.: Маст. лит., 1990. – 702 с.

Пушкин А.С. Стихотворения. – М.: Худож. лит., 1983. – 225 с.

Пушкин А.С. Драматические произведения. Проза. – М.: Худож. лит., 1982. – 366 с.

Распутин В.Г. Живи и помни. – М.: Современник, 1975. – 310 с.

Распутин В.Г. Уроки французского. Повести и рассказы. – М.: Художественная литература, 1987. – 270 с.

Толстой Л.Н. Воскресение. – Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1979. – 490 с.

Тургенев И.С. Записки охотника. – М.: Худож. лит., 1984. – 254 с.

Улицкая Л.Е. Пиковая Дама и другие. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 160 с.

Цветаева М.И. Стихи и проза. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 576 с.

б) на татарском языке

Ахунов Г.А. Яңа хужа: сайланма әсәрләр. – Казан: Мәгариф, 2001. – 101 б.

Ахунов Г.А. Инженер: сайланма әсәрләр. – Казан: Мәгариф, 2001. – 264 б.

Ахунов Г.А. Күлләр: сайланма әсәрләр. – Казан: Мәгариф, 2001. – 335 б.

Әпсәләмов Г.С. Ак чәчәкләр: Роман. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 510 б.

Әпсәләмов Г.С. Газинур: Роман. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1976. – 400 б.

Баянов Ә.Ф. Урланган ай: повестьлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. – 352 б.

Галиев М.Ф. Сайланма әсәрләр. 4 томда. Т. 2. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. – 414 б.

Гыйләжев А.М. Балта кем кулында? – Казан: Мәгариф, 1996. – 372 б.

Гыйләжев А.М. Ягез бер дога! – Казан: Мәгариф, 1992. – 298 б.

Гыйльманов Г.Х. Оча торган кешеләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. – 463 б.

Еники Ә.Н. Вакытсыз сулды. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. – 309 б.

Еники Ә.Н. Ана һәм кыз. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. – 95 б.

Еники Ә.Н. Бер генә сәгатькә. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. – 36 б.

Еники Ә.Н. Рәшә // Әсәрләр. 5 томда. – 2 том: повестьлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – 447 б.

Ибраһимов Г.Г. Казакъ кызы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. – 192 б.

Кәрим М.С. Озын-озак балачак. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. – 312 б.

Латыйфи Ф.Ф. Хыянәт: Роман. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. – 286 б.

Маликова М.Г. Кызыл гөл / М.Г.Маликова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. – 414 б.

Мәһдиев М.С. Сайланма әсәрләр, 3 томда. Т. 3. Повестьлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. – 576 б.

Мөхәммәдиев Р.С. Ак кыялар турында хыял. Повесть, хикәяләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. – 240 б.

Нуруллин В.Н. Сайланма әсәрләр. 2 томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1991. – Т. 1. – 494 б.; Т. 2. – 493 б.

Садриев Ф.М. Бәхетсезләр бәхете: Роман. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – 367 б.

Салахов И.Н. Сайланма эсэрләр. – Казан: ТР «Хәтер» нәшрияты, 2002. – 447 б.

Төхвәтуллин Р.Г. Елга аръягындагы йорт. – Казан: Мәгариф, 2001. – 34 б.

Төхвәтуллин Р.Г. Йолдызым. – Казан: Мәгариф, 1999. – 64б.

Тукай Г. Шигырьләр, әкиятләр, поэмалар. – Казан: Татар.кит. нәшр., 1990. – 255 б.

Литература

Абдурахманов Г.А. Изучение синтаксиса тюркских языков // Сов. тюркология, 1970. – №1. – С. 34-51.

Адмони В.Г. Сложносаянное предложение в тюркских языках // Советская тюркология, Баку, 1982. – №3. – С. 30-36.

Александрова С.Я. Структурно-семантическая характеристика сравнительных конструкций (на материале английского языка XVI-XVII вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1981. – 42 с.

Андреева И.В. Сравнения в прозе М.Ю. Лермонтова (лингвистический анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1979. – 26 с.

Андреева Т.Я. Семантическое выражение признака сходства в сравнениях (на материале произведений В. Распутина и В. Астафьева) // Синхронический и диахронический анализ языковых единиц русского языка. – Киев: КГПИ, 1989. – С. 120-124.

Андреева Т.Я. Функционирование сравнительных синтаксических конструкций как составной части простого предложения (на материале произведений В. Распутина и В. Астафьева): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1992. – 28 с.

Апресян Ю.Д. Синонимия и синонимы // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1969. – С. 75-91.

Апресян Ю.Д. Синтаксис и семантика в синтаксическом описании. Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М.: Наука, 1969. – С. 302-306.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.

Ахунзянов Э.М. Контрастивная грамматика: морфология русского и тюркских языков. – Казань, 1987. – 150 с.

Ашурова Д.У. Лингвистическая природа художественного сравнения (на материале англ. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1970. – 16 с.

Бабайцева В.В. Переходные конструкции в синтаксисе. – Воронеж: Черноз. кн. изд-во, 1967. – 391с.

Бабайцева В.В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация. – М.: Просвещение, 1979. – 270 с.

Бабайцева В.В. Предложение как многоаспектная единица синтаксиса // Русский язык в школе. – 1984. – С. 78-82.

Бабайцева В.В. Явление переходности в грамматике русского языка. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с.

Багаутдинова Г.А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический подходы: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. – Казань, 2007. – 45 с.

Багаутдинова Г.А. Человек во фразеологии: антропоцентрический аспект. – Казань, 2006. – 130 с.

Байрамова Л.К. Синтаксис русского и татарского языков. – Казань: «Дело», 1997. – 165 с.

Байрамова Л.К. Введение в контрастивную лингвистику. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1994. – 120 с.

Байсара Л.И. Грамматические средства выражения сравнения в современном английском языке Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1975. – 28 с.

Белова Б.А. Стилистическая роль и источники сравнений в романе А.М. Горького «Дело Артамоновых» // Ученые записки, труды кафедр русс. яз. Кемеровского и Новокузнецкого пед. интов. – Кемерово, 1972. – С. 136-154.

Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: ЛГУ, 1977. – 204 с.

Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. – М.-Л., 1935. – 354 с.

Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. – Л.: Наука, 1971. – 112 с.

Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Л.: Наука, 1976. – 255 с.

Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л.: Наука, 1978. – 175 с.

Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л.: Наука, 1983. 2-е стереотипное изд.: М.: Эдиториал УРСС, 2001. 3-е стереотипное изд.: М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 208 с.

Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. – 133 с.

Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996. – 220 с.

Будагов Р.А. Метафора и сравнение в контексте художественного целого // Человек и его язык. – М., 1979. – 213 с.

Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Т. I. – 5-ое изд., перераб. – Киев: Радянська школа, 1952. – 447 с.

Ваганов А.В. Сравнения в художественных произведениях М.А. Шолохова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1991. – 21 с.

Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка: Учеб. для вузов по спец. «Журналистика». – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1991. – 432 с.

Валиуллина З.М. Сопоставительная грамматика русского и татарского языков. – Казань, 1983. – 152 с.

Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. – М.: Рус. яз., 1979. – 296 с.

Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высшая школа, 1990. – 175 с.

Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) // Исследования по русской грамматике. – М.: Высшая школа, 1975. – С. 254-294.

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – 3-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Наука, 1963. – 255 с.

Войтюк Т.К. Предлоги как средство оформления обособленных оборотов с каузативным значением // Неполнозначные слова как средство оформления в синтаксисе. – Ставрополь: СГПИ, 1988. – С. 110-115.

Волкова Л.Г. Наблюдения над функциями производных союзов и слов с союзной функцией в конструкциях с обособлением // Неполнозначные слова. – Ставрополь: СГПИ, 1977. – Вып.2. – С. 46-54.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.

Воробьева Н.Н. Сравнительные конструкции в мордовских языках (Микрополе равенства функционально-семантического поля сравнения): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тарту, 1987. – 17 с.

Гаврилова Г.А. Переходные конструкции в синтаксисе сложного предложения. – Ростов-н/Д., 1985. – 120 с.

Гадолина М.А. Творительный ограничения // Творительный падеж в славянских языках. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 201-202.

Газизов Р.С. Сопоставительная грамматика татарского и русского языков. – Казань, 1977. – 272 с.

Гак В.Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 73-92.

Гак В.Г. Проблемы лексико-грамматической организации предложения: Автореф. дис. ... докт. филол. наук; АН СССР. Ин-т яз-ия. – М., 1968. – 55 с.

Гоголева Е.М. Дополнительная предикация в структуре простого предложения: (инфинитивные конструкции): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1981. – 16 с.

Грамматика русского языка: Синтаксис. Т. II, ч. 1. – М.: АН СССР, 1954. – 703 с.

Грамматика русского языка: Синтаксис. Т. II, ч. 2. – М.: АН СССР, 1960. – 440 с.

Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970. – 768 с.

Гуляева Л.Н. К вопросу о параллелизме в сравнительной конструкции // Синтаксические связи в русском языке: Межвуз. темат. сб. – Владивосток: ВДГУ, 1980. – С. 84-92.

Гюлумянц, К.М. О характере лексической сочетаемости устойчивых сравнений // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. – Тула: Тульск. кн. издательство, 1968. – С. 228-229.

Даутия Ф.В. Сравнительные конструкции, переходные между сложными и простыми предложениями, с показателем сравнения *как*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1997. – 16 с.

Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. – М.: Русский язык, 1993. – 248 с.

Джейранашвили Т.С. Сравнения в произведениях К.Г. Паустовского (грамматико-стилистический анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1970. – 20 с.

Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. – 275 с.

Дудко Л.Н. О трудных случаях отграничения модально-сравнительных союзов точно, словно, будто от одноименных частиц // Способы выражения субъективных смыслов и синтаксической связи в сложном предложении: Сб. научн. тр. – Душанбе: ТГУ, 1984. – С. 62-68.

Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1958. – 404 с.

Закиев М.З., Зиннатуллина К.З., Ибрагимов С.М. Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков. Сложное предложение. – Казань, 1977. – Ч. III. – 100 с.

Закиев М.З., Сафиуллина Ф.С. Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков. Простое предложение. – Казань, 1977. – 95 с.

Закиев М.З. Актуальные проблемы сложных предложений в тюркских языках // Советская тюркология. – Казань, 1983. – №3. – С. 29-38.

Закиев М.З. Татарская грамматика. Синтаксис. – Казань, 1992. – 576 с.

Зиннатуллина К.З. Сложносочиненные предложения в русском и татарском языках // Вопросы татарского языкознания. – Казань, 1978. – С. 66-83.

Зиннатуллина К.З. Сложноподчиненные предложения в русском и татарском языках // Проблемы типологии татарского и русского языков. – Казань, 1980. – С. 95-104.

Ибрагимов С.М. Сложные предложения фразеологизированной структуры в татарском языке // Языковые уровни и их взаимодействие. – Казань: Изд-во КГУ, 1990. – С. 12-20.

Ибрагимов С.М. Татар телендә аналитик тезмәләр. – Казан: Тат.кит.нәшр. 1964. – 131 б.

Иванчикова Е.А. Парцеллированные конструкции в современном русском языке // Морфология и синтаксис современного русского языка. Русский язык и советское общество. – М.: Наука, 1968. – С. 277-302.

Камалова Ф.У. Синтаксические конструкции в башкирском языке, осложненные вводными словосочетаниями и вводным предложением // Источниковедение башкирской филологии, – Уфа: БФАН СССР, 1984. – С. 88-92.

Караулов Ю.Н. Языковая личность // Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2-е / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М: Большая Русская Энциклопедия, 1997. – 721 с.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – М.: УРСС, 2002. – 215 с.

Колосова Т.А. Русские сложные предложения ассиметричной структуры. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1980. – 164 с.

Кравец О.В. Функционально-семантическое поле компаративности в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Таганрог, 2003. – 22 с.

Краткая русская грамматика / Ред. Н.Ю. Шведова, В.В. Лопатин. – М.: Институт русского языка РАН, 2002. – 726 с.

Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. – М., 1969. – 191 с.

Лекант П.А., Диброва Е.И., Касаткин Л.Л. и др. Современный русский язык. – М.: Дрофа, 2000. – 549 с.

Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: Учебн. пособие для филол. спец. пед. ин-тов. 2-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1986. – 176 с. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2004. – 247 с.

Лекант П.А. Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 256 с.

Максимов Л.Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка): Автореф. дис. ... доктора филол. наук. – М.: МГПИ им. В.И.Ленина, 1971. – 29 с.

Малашенко В.П. Детерминация и осложнение предложения: поиски и решения проблем // Известия РГПУ. Вып. 2. Филология. – Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ, 2000. – С. 19-25.

Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. – 1945. – № 1. С. 5-17.

Мещанинов И.И. Члены предложений и части речи. – Л.: Наука, 1978. – 388 с.

Мразек Р. Синтаксис русского творительного. (Структурно-сравнительное исследование). – Praha: Akademia, 1964. – 285 с.

Некрасова Е.А. Сравнения // Языковые процессы современной художественной литературы. Поэзия. – М.: Наука, 1977. – С. 240-295.

Некрасова Е.А. Средства общехудожественной образности в поэзии Е.А. Боратынского // История русского литературного языка и стилистика. – Калинин: КГУ, 1985. – С. 68-82.

Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М. Высшая школа, 1988. – 168 с.

Ничик Н.Н. Синкретизм функций и значений творительного падежа в поэтическом языке В. Маяковского // Синтаксические связи в русском языке. – Владивосток: ДВГУ, 1978. – С. 119-126.

Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской

фразеологии. – Л.: ЛГУ, 1978. – 159 с.

Одинцова Н.И. О специфике функционирования производных предлогов // Служебные слова и синтаксические связи. – Владивосток: ДВГУ, 1985. – С. 163-167.

Окатова Н.Т. О некоторых конструктивных свойствах союза «будто» (компонентный состав конструкций) // Служебные слова и синтаксические связи. – Владивосток: ДВГУ, 1985. – С. 107-119.

Орлов А.Е., Черемисина М.И. Контактные сочетания союзов, частиц в русском языке (к постановке проблемы) // Полупредикативные конструкции и их морфологическая база. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 208-224.

Орлова В.И. Приаъективные сравнительные обороты и функции уточняющих членов предложения // Вопросы русской и чувашской филологии. – Чебоксары: ЧГУ, 1971. – Вып. I. – С. 224-229.

Орлова О.С. Творительный падеж сравнения и его адвербиальные возможности // Уч. зап. Рязанского пед. ин-та. Т. 30. – Рязань: РГПИ, 1962. – С. 5-14.

Палевская М.Ф. Творительный сравнения // Уч. зап. Кишиневского ун-та. Т. 61. – Кишинев, 1958. – С. 23-33.

Панфилов А.К. О словосочетаниях типа «лететь стрелой» // Вопросы культуры речи. – М.: Изд-во АН СССР, 1967. – С. 163-169.

Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. – М.: Наука, 1971. – 232 с.

Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. – 1977. – № 4. – С. 37-48.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.

Погорелова М.В. Типология сложных сравнительных конструкций // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2004. – №2. – С. 84-88.

Полищук Г.Г. Выражение сравнения приименным родительным // Вопросы теории и методики изучения русского языка. – Куйбышев: КГПИ, 1961. – С. 213-227.

Полупан Е.Б. Семантико-синтаксическая роль

обособленных адъективных оборотов в составе простого предложения: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – 170 с.

Попова З.Д. О некоторых тенденциях в развитии второстепенных членов предложения // Исследования по семантике: семантические аспекты синтаксиса. – Уфа: БГУ, 1985. – С. 108-115.

Попова З.Д. Общее языкознание: Учебное пособие. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1987. – 212 с.

Поркшеян Е.М. Сравнительные конструкции в их синтаксической соотнесенности // Единицы синтаксиса в функциональном аспекте. – Ростов-на-Дону: РГПИ, 1989. – С. 103-113.

Поркшеян Е.М. Сравнительные конструкции современного русского языка и их структурно-семантические разновидности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1991. – 17 с.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: Просвещение, 1977. – 406 с.

Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М.: Высшая школа, 1990. – 344 с.

Прияткина А.Ф. К определению понятия «осложненное предложение» (о специфике связей и отношений в осложненном предложении) // Синтаксические связи в русском языке. – Владивосток: ДВГУ, 1981. – 213 с.

Прияткина А.Ф. Конструкции с союзом «как» в простом предложении современного русского языка // Русский язык в школе. – 1957. – № 6. – С. 47-52.

Прияткина А.Ф. Об одном способе реализации синтаксических структур (к определению понятия «обособление») // Элементы языка и их употребление в речи. – Владивосток: ДВГУ, 1989. – С. 49 – 58.

Прияткина А.Ф. Об отличии союза от других связующих слов // Русский язык в школе. – 1977. – №4. – С. 102- 106.

Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.

Прияткина А.Ф. Союз и его функциональные аналоги // Синтаксические связи в русском языке. – Владивосток: ДВГУ, 1978. – Вып.2. – С. 45-56.

Прияткина А.Ф. Союзы в простом предложении. Учебное пособие. – М.: МГУ, 1977. – 72 с.

Прияткина А.Ф. Союзы при подчинении в простом предложении // Русский язык в школе. – 1970. – С. 100-105.

Прохорова В.Н. Лексико-семантические группы как лексические микросистемы русского языка // Системные семантические связи языковых единиц. – М.: МГУ, 1992. – 192 с.

Пятаева И.Г. Структура, типы и функции сравнения в художественной прозе Ф.М.Достоевского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – 17 с.

Распопов И.П. К вопросу о второстепенных членах предложения // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. – М.: Русский язык, 1980. – С. 261-276.

Распопов И.П. Строеие простого предложения в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1970. – 190 с.

Рогова В.Н. К вопросу о подчинительных союзах в простом предложении // Уч. зап. Красноярского пед. ин-та. – Красноярск, 1957. – Вып.7. – С. 270-293.

Ройзензон Л.И., Шугурова З.А. К изучению природы устойчивых сравнительных оборотов // IX координационное совещание по вопросам фразеологии. – Баку, 1964. – С. 6-9.

Рубайло А.Т. Художественные средства языка. Пособие для учителей. – М.: Учпедгиз, 1961. – 122 с.

Руднев А.Г. Обособленные сравнительные обороты, принципы их разграничения от неполных сравнительных предложений // Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена. – Л., 1963. – Т. 248. – С. 5-23.

Русская грамматика: в 2-х т. – М.: Наука, 1980. – Т. I. – 783 с.

Русская грамматика: в 2- х т. – М.: Наука,1980. – Т. 2. – 712 с.

Савина Е.Н. Синтаксический и семантический эллипсис в русских сравнительных конструкциях: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1988. – 20 с.

Сазонов А.П. Сравнительные предикативные единицы в современном русском литературном языке с модальными союзами «будто», «как будто», «словно», «точно», «как бы», «как если бы»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Куйбышев, 1954. – 20 с.

Сафонова С.С. Язык современной прессы: экспрессивные синтаксические конструкции. – Казань: Магариф, 2006. – 127 с.

Семашко Т.В. Анализ метафорического высказывания в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1980. – 25 с.

Сеченов И. Психологические этюды. – Спб.: Типография Ф.С. Сущинского, 1873. – 225 с.

Силин А.А. Метафора и сравнение как средства описания эмоционального состояния // Функциональная семантика и проблемы синтаксиса. – М., 1987. – С. 87- 95.

Скворецкая Е.В. Творительный сравнения в русском книжном языке XVIII в. // Вопросы теории русского языка. – Вып. 69. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского пед. ин-та, 1971. – С. 93-112.

Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции в современном русском литературном языке. – Томск: изд-во Томского ун-та, 1981. – 261 с.

Слепцова А.М. К вопросу о типовых значениях конструкций с сравнительными союзами «как», «будто», «точно», «словно», «чем» // Известия Воронежского гос. пед. Ин-та. – Т.116. Воронеж, 1972. – С. 41-50.

Современный русский язык / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др. – М., 1989. – 800 с.

Современный русский язык: Учеб. для студ. вузов / Под ред. П.А. Леканта. – М.: Дрофа, 2000. – 558 с.

Татарская грамматика: в 3 томах. – Т. 2: Морфология / под ред. М.З.Закиева. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. – 487 с.

Татарская грамматика: в 3 томах. – Т. 3: Синтаксис / под ред. М.З.Закиева. – Москва: ИНСАН, Казань: Фикер, 1999. – 512 с.

Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность, таксис / Отв. ред. А.В.Бондарко. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1987. – 347с.

Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Под ред. А.В.Бондарко. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1990. – 264 с.

Токарев Г.В. К вопросу о типологии культурных коннотаций // Филологические науки. – 2003. – № 3. – С. 56-60.

Тулина Т.А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке // Филологические науки. 1973. – №1. – С. 51-68.

Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. – М.: Наука, 1974. – 205 с.

Фаттахова Н.Н. Семантика и синтаксис народных примет в русском и татарском языках: сопоставительный аспект. – Казань: РИЦ «Школа», 2002. – 168 с.

Федоров А.И. Образное представление и его языковое выражение. Вопросы языка и литературы. – Новосибирск: НГУ, 1968. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 34-49.

Федоров А.И. Семантическая основа образных средств. – Новосибирск: Наука, 1969. – 90 с.

Федоров А.И. Синонимия сравнительных союзов реальной модальности в русском языке // Русский язык в национальной школе. – 1970. – № 5. – С. 81-84.

Федоров И.А. О сравнениях в романе А.М.Горького «Мать» // Уч. зап. Рост/Д. ун-та. – Ростов-н/Д, 1957. – Т. 52. – Вып. V. – С. 169-179.

Федорова М.А. Союзные сравнения первой степени в русском языке и их соответствия в польском // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж: ВГУ, 1998. – С. 150-157.

Федосюк М.Ю. Имплицитная предикация в русской речи: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1989. – 33 с.

Ф. де Соссюр Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 693 с.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: Асад. 1994. – 408 с.

Фурашов В.И. О второстепенных членах предложения // Русский язык в школе. – 1997. – № 4. – С. 95-102.

Фурашов В.И. Присубстантивный компаратив как несогласованное определение // Русский язык в школе. – 1981. – №6. – С. 72-79.

Фурашов В.И., Чернышева М.М. Субъективная модальность и обособление // Русский язык в школе. – 1983. – №1. – С. 68-75.

Хакимзянов Ф.С. Предикативность придаточного предложения // Синтаксические конструкции. – Казань: Изд. центр КГУКИ, 2009. – С. 50-54.

Харченко В.К. Образность в семантике слова // Русский язык в школе. – 1984. – №3. – С. 50-54.

Харченко В.К. Сравнение через отрицание // Лексикологические основы стилистики. – Л.: ЛГПИ, 1973. – С. 140-150.

Хисамова В.Н. Глагольная система татарского языка в сравнении с английским языком: Дис. ... докт. филол. наук. – Казань, 2005. – 329 с.

Хлебникова М.В. Сравнительные конструкции и их синонимика в русском и английском языках: Дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2005. – 142 с.

Ходова К.И. Творительный превращения и сравнения // Творительный падеж в славянских языках. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 181-192.

Чередниченко И.Г. Подчинительные союзы в системе простого предложения // Вопросы славянского языкознания. – Львов: Изд-во Львов. ун-та, 1949. – Кн. 2. – С. 191-198.

Черемисина М.И. Некоторые вопросы синтаксиса (сравнительные конструкции современного русского языка). – Новосибирск: НГУ, 1971. – 181 с.

Черемисина М.И. О границах сравнительной фразы (тождество фразы и варьирование ее элементов) // Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц. – Тула: ТГПИ, 1968. – С. 148-157.

Черемисина М.И. О семантических отношениях между сравнительными союзами // Синонимия в языке и речи. – Новосибирск: АН СССР: Сиб. отд-ние, 1970. – С. 212-233.

Черемисина М.И. Сложные сравнительные конструкции русского языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Новосибирск, 1973. – 33 с.

Черемисина М.И. Сравнения-фразеологизмы русского разговорного языка // Русский язык за рубежом. – 1967. – №2. – С. 71-77.

Черемисина М.И. Сравнения в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Толстовский сборник. – Тула: ТГПИ, 1962. – С. 163-181.

Черемисина М.И. Творительный падеж как средство формирования образа // Грамматика русского языка. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1972. – Вып. 1. – С. 72-92.

Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. – Новосибирск: Наука, 1976. – 270 с.

Черепяхина Л.И. Семантическая структура сравнений (на материале сборника А. Вознесенского «Взгляд») // Теория нейтрализации. – Тамбов: ТГПИ, 1980. – С. 82-95.

Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. – М.: Наука, 1967. – 280 с.

Черкасова Е.Т. О союзном и несоюзном употреблении слов типа «будто», «точно», «словно» и т. п. в сравнительных конструкциях // Памяти академика В.В.Виноградова. – М.: МГУ, 1971. – С. 225-229.

Чернов В.И. Именные предикативные конструкции в современном русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1985. – 32 с.

Чесноков П.В. Предикативность и модальность как семантические признаки предложения // Единицы морфологии и синтаксиса в семантическом аспекте. – Ростов-на-Дону: РГПИ, 1979. – С. 20-30.

Чесноков П.В. Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления. – Таганрог: ТГПУ, 1992. – 167 с.

Чиркина И.П. Грамматическая омонимия сравнительных союзов и частиц в современном русском языке // Вопросы морфологии, синтаксиса русского языка и методики его преподавания. Материалы 4-й зональной конференции кафедр русского языка вузов Урала. – Пермь, 1965. – Вып. 2. – С. 43-54.

Чиркина И.П. Сравнительные обороты с союзом «как» и условия их обособления // Вопросы современного русского литературного языка и методики преподавания его в школе. Материалы 2-й научной методической конференции кафедр русского языка пед. вузов Уральской зоны. – Свердловск, 1961. – С. 88-104.

Чумак Л.Н. К полупредикативной функции сравнительного оборота // Вестн. Белорус. Ун-та. Сер.4. – Филология, журналистика, педагогика и психология. – Минск, 1985. – №1. – С. 37-39.

Шакирова Ф.С. Сочетаемость прилагательных и существительных как основа метаформ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1974. – 16 с.

Шапиро А.Б. Структура сравнений (на материале романа М. Шолохова «Тихий Дон») // Ученые записки Тираспольского пед. ин-та. – Вып. 5. – Кишинев, 1958. – С. 3-22.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л.: Учпедгиз. Ленин. отд-ние, 1941. – 620 с.

Шведова Н.Ю. Грамматика и ее предмет. Слово: Общие сведения. Значения падежей. Предлоги. Подчинительные связи слов и словосочетания. Предложение: Основные понятия синтаксиса. Простое предложение // Краткая русская грамматика. – М.: Наука, 1989. – 726 с.

Шейбакова Д.Д. Поэтическая семантика сравнений (на материале романов Л.М. Леонова «Барсуки», «Русский лес»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1986. – 23 с.

Шендельс Е.И. Имплицитность в грамматике // Вопросы романо-германской филологии. Синтаксическая семантика. Сб. науч. тр. МГПИИЯ. Вып.112. – М., 1977. – С. 109-120.

Шенько И.В. Синтаксис и семантика образного сравнения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1972. – 24 с.

Шерешевская Е.Б. Способы обновления семантики ходовых сравнений в прозе И.А. Крылова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск: НГУ, 1974. – Вып.3. – С. 23-34.

Широкова Н.А. Синтаксические функции сравнительного оборота в современном русском языке // Учен. зап. Казанского ун-та. – Казань: КГУ, 1955. – Т. 115. – Кн. 10. – С. 167-169.

Широкова Н.А. Сравнительные частицы в современном русском литературном языке // Учен. зап. Казанского ун-та. – Казань: КГУ, 1957. – Т. 117. – Кн. 2. – Вып.1. – С. 100-106.

Широкова Н.А. Типы синтаксических конструкций с сравнительными союзами в составе простого предложения. – Казань: Изд-во КГУ, 1960. – 154 с.

Широкова Н.А. Типы сложноподчиненных предложений, выражающих отношения сравнения, в современном русском литературном языке. – Казань: Изд-во КГУ, 1963. – 52 с.

Широкова Н.А. Синтаксические конструкции, вводимые сравнительными союзами, в составе простого и сложного предложения: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Казань, 1968. – 41 с.

Широкова А.В. Сопоставительная типология разноструктурных языков. – М., 1988. – 196 с. 3-е изд. – М.: Добросвет: КДУ, 2006 – 200 с.

Шугурова З.А., Ройзензон Л.И. Основные вопросы изучения сравнительных устойчивых оборотов в русском языке // Материалы конференции. Актуальные проблемы современного языкознания и лингвистическое наследие Е.Д. Поливанова. – Самарканд: СГУ, 1964. – С. 104-107.

Юсупов Р.А. Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков. – Казань: 1980. – 366 с.

Юсупов Р.А. Общее и специфическое в разноструктурных языках. – Казань: ТГГПУ, 2009. – 298 с.

Ярыгина Е.С. Выражение дополнительной предикации в структуре простого предложения с обстоятельственными отношениями мотивирующего характера: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1987. – 229 с.

СЛОВАРИ

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.

Әхәтов Г.Х. Татар теленең фразеологик әйтелмәләр сүзлеге. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1982. – 176 б.

Горбачевич К.С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке. – М.: АСТ: Астрель: Ермак, 2004. – 288 с.

Исәнбәт Н. Татар теленең фразеологик сүзлеге. 2 томда. – 1 т. Казан: Тат. кит. нәшр., 1989. – 496 б; 2 т. Казан: Тат. кит. нәшр., 1990. – 365 б.

Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.

Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – 436 с.

Мокиенко В. Словарь сравнений русского языка. – М.: Изд-во Норинт, 2003. – 608 с.

Никитина Т., Мокиенко В. Большой словарь русских народных сравнений. – М.: Изд-во ОлмаМедиаГрупп, 2008. – 800 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1998. – 944 с.

Огльцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). – М.: АСТ: Астрель: Русские словари, 2001. – 800 с.

Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова. Наречные, служебные, модальные единства. – М.: Русский язык, 1991. – 254 с.

Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 432 с.

Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1970 – 1971.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. – Казан: Матбугат йорты, 2005. – 848 б.

Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е.Ф. Губский и др. – М. 2003. – 576 с.

Фролов И.Т. Философский словарь. – М.: Политиздат, 1991. – 559 с.

Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ФСП – функционально-семантическое поле
- КС – категориальная ситуация
- ПП – понятийное поле
- СПП – сложноподчиненное предложение
- ССП – сложносочиненное предложение
- БСП – бессоюзное сложное предложение
- ССпП – сложноспаянное предложение
- ЛЭС – лингвистический энциклопедический словарь
- ФЭС – философский энциклопедический словарь

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Введение.....	5
<i>Глава первая.</i> Категория сравнения и способы ее репрезентации в простом предложении в русском и татарском языках.....	16
1.1. Теоретико-методологические основы изучения категории сравнения в русском и татарском языках.....	16
1.2. Семантика и функционирование сравнительных единиц в простом предложении в русском и татарском языках.....	34
1.3. Семантика и функционирование сравнительных единиц в осложненном предложении в русском и татарском языках.....	62
<i>Глава вторая.</i> Категория сравнения и способы ее репрезентации в сложном предложении в русском и татарском языках.....	78
2.1. История изучения сложных предложений, выражающих сравнительные отношения, в русистике и тюркологии.....	78
2.2. Способы выражения сравнительных отношений в сложных предложениях русского и татарского языков.....	91
Заключение.....	108
Библиография.....	114
Источники.....	114
Литература.....	117
Словари.....	132
Условные сокращения.....	134

